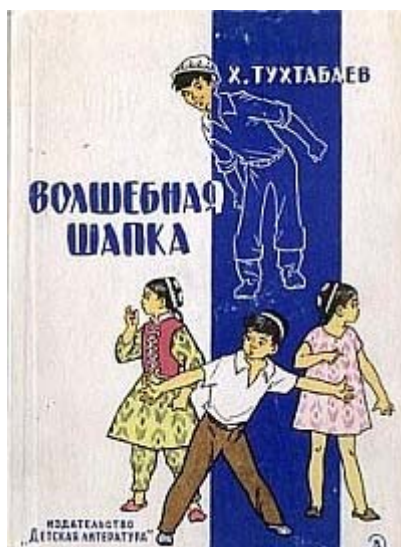

Худайберды Тухтабаев

ВОЛШЕБНАЯ ШАПКА

Повесть

«Тухтабаев «Повести»»: Детская литература; Москва; 1990
ISBN 5-08-001480-6

Аннотация

Жил-был на свете мальчик по имени Хашим. Не желал он учиться, помогать матери по хозяйству, обижал сестрёнок и соседских мальчишек. Но вот однажды в руки этого лентяя и бесшабашного разгильдяя попала сказочная волшебная шапка, которая могла исполнить любое желание хозяина. Преисполненный уверенности в том, что с помощью чудесной шапки он совершит множество героических поступков и прославится на весь мир, Хашимджан отправляется странствовать по свету. И каких только испытаний, каких приключений – опасных и благородных, смешных и трогательных – не произошло с ним, пока он наконец понял, что без труда, без знаний, человек ничего не добьётся.

Молодой узбекский писатель Худайберды Тухтабаев живёт и работает в Ташкенте. Он пишет книги, статьи и фельетоны.

По профессии и по образованию Худайберды Тухтабаев – учитель. Именно поэтому, наверное, герои большинства его книг – дети, и он умеет рассказать о них живо и занимательно.

Повесть «Волшебная шапка» – первая книга писателя, переведённая на русский язык. Хочется верить, что она доставит читателям немало радостных и весёлых минут.

Повесть – сказка, удостоена премии на Всесоюзном конкурсе на лучшую детскую книгу в 1970 г.

Часть первая. СТРАНСТВИЯ БЕДНОГО ДВОЕЧНИКА.

ТЯЖЁЛЫЙ ДЕНЬ ПЕРЕД ЧУДОМ

Всё началось с того, что мама выгнала меня из дома. Но начну по порядку.

Зовут меня Хашимом. Если хотите обращаться ко мне ласково и почтительно, можете называть Хашимджаном, я не против.

Итак, Хашимджан Кузыев – сын знатного механизатора Кузубая. Папа мой сейчас работает в Мирзачуле, целину поднимает. Домой приезжает редко, зато всегда привозит много подарков. Лучшие, конечно, достаются мне.

Мама у меня тоже знатная. Она доярка на ферме, что в трёхстах шагах от нашего дома. У неё там двадцать четыре коровы. И все рекордсменки. А за то, что они стали рекордсменками, мама медаль получила. Хорошую такую медаль, блестящую. Я приколот её к рубашке и сходил на базар за луком и морковью. Все мальчишки завидовали, толпой шли за мной. Всё просили дать потрогать. И в школу с медалью отправился. Но об этом я очень пожалел. Не прошло и двух уроков, директор вызвал меня к себе и давай стыдить:

– Ты зачем носишь чужую медаль, Хашим Кузыев? Сними сейчас же. Это награда за доблестный труд, её надо самому заработать!

Так и сказал: «чужую медаль». Будто родная мама чужая мне.

Сестрёнка моя, Айшахон, учится в четвёртом классе. Она у нас умница, и старательная девочка. Моет посуду, помогает маме постирать, подмести двор. И поэтому, наверно, мама всегда говорит: «Ах, умница, ах, ненаглядная!» Я тоже люблю Айшахон. Ведь она здорово выручает меня этим... своим трудолюбием.

Младшую сестрёнку зовут Донохон. В этом году она пошла в первый класс. Мама уверена, что она станет доктором. Я думаю, мама ошибается. Потому что Донохон трусиха. Уколов боится. И таблеток тоже. Заметила однажды в коридоре школьную буфетчицу в белом халате, подумала, что это врач, выскочила в окно и убежала! А так вообще и она ничего девчонка.

О себе скажу немного: не люблю хвастаться. Учусь в шестом классе, иногда получаю пятёрки, иногда – двойки, смотря как повезёт. А мальчик я способный и умный. Не мозолю старшим глаза, не гоняю собак целыми днями на улице, как другие. Приду из школы, перекушу и айда на пустырь в футбол играть. Пусть сколько угодно кличут – не найдут. Но если всё-таки

застанут врасплох и дадут работу, тут уж сумеи выкрутиться. А я это умею.

– Хашим! – бывает, зовёт мама.

– Да, мамочка? – с готовностью откликаюсь я.

– Заберись-ка на крышу и сбрось немного дров.

На плоской крыше нашего дома сложены дрова.

– Сейчас, мамочка!

Не спеша достаю лестницу, приставляю к крыше, а потом кричу:

– Айша! Эй, Айшахон!

– Да, брат? – подбегает она ко мне.

– Заберись-ка на крышу и сбрось немного дров. Да побыстрее, – командую небрежно.

– Сейчас, – с готовностью отвечает сестрица. Она ведь умная, понимает, что брату не понравится, если ему откажут. Старается всегда быть вежливой и сделать всё, что прикажет брат, то есть я. Иногда, конечно, заупрямится. Не без того. Тогда я её воспитываю. Втолковываю, что я старший брат, а младшие должны слушаться старших. Кулаков в ход не пускаю, даю только слабенькие щелчки, а случается, и тумака влеплю. И сестрёнка тотчас берётся за работу. И я тогда её похваляю:

– Молодец, Айшахон, умница моя ненаглядная! Никогда не забывай, что мы должны помогать маме. У неё и так много забот.

Говорю, а сам похлопываю прутиком по голенищу сапога, как это делает дядя Сираджиддин. Он у нас в колхозе зав-фермой. На работу приходит очень рано. Придя, сразу собирает людей, именно так похлопывает прутиком по голенищу сапога и отдаёт распоряжения:

– Ты, Халмухаммед, вывезешь навоз. Ты, Карим, сдай молоко в приёмный пункт. А ты, Эшмат Сагдуллаев, выгони коров на пастбище.

Халмухаммед прикладывает руку к сердцу и кидается к навозной куче. Карим-ака поспешно грузит бидоны с молоком на автоприцеп. Эшмат нетерпеливо размахивает бичом, а дядя Сираджиддин отправляется куда захочет.

Вот на какую работу я пойду, когда вырасту большим. Ты гуляешь, а другие работают. Не жизнь, а мечта! На меня пока что работают только двое: Айшахон и Ариф. Небольшая, конечно, бригада – не похвалишься!

Да, чуть не забыл. Ариф – это мой друг. Мы с ним в одном классе учимся, за одной партой сидим. Сам он маленького росточка, но голова у него не меньше десятиведёрного самовара. И, похоже, самовар этот до краёв наполнен умом. Задачи Ариф решает, будто орехи щёлкает.

Но и я не лыком шит. Он решает, а я списываю. За какие-то пять минут успеваю всё перекатать.

Вот как это бывает: за два часа до школы (мы учимся во вторую смену) выхожу на улицу и зову Арифа.

– Чего тебе? – угрюмо откликается он.

– Идём ко мне уроки делать! – кричу я изо всей мочи. Стараюсь, чтобы мама меня услышала. Ариф отказывается.

– Я дом караулю, – отвечает он. – Сам иди, если нужно. Хватаю портфель и бегу к Арифу. Мама думает, что мы сидим уроки делаем. А я уже через пять – десять минут на пустыре. Здесь всегда найдёшь, с кем мячик погонять. В командах постоянно не хватает игроков – пожалуйста, пристраивайся к любой.

Сегодня я тоже собирался улизнуть. Но только было раскрыл рот, чтобы кликнуть Арифа, позвала мама:

– Хашим, ты покормил кур?

Это я ещё утром должен был сделать. Совсем выскочило из головы.

– А? – сказал я, чтобы оттянуть время, и отступил назад. Надо подальше держаться, чтобы случайно подзатыльник не получить.

– Оглох, что ли? Я спрашиваю: куры кормлены?

– А чего их кормить, туняйцев? Пусть сами себя кормят!

– О, горе моё, ты и не поил их?

– Да они никогда не пьют! Клюют только... Мама сорвала прут и кинулась ко мне. Я дал три круга по двору, потом выскочил за ворота.

– Всю неделю не поил, не кормил! – заорал я уже с улицы. – Не люблю их, потому что курица – не птица!

– Ну погоди, негодный мальчишка, я ещё тебе задам! – пообещала мама, размахивая прутом.

Ну и пусть задаст. Это ведь потом, а сейчас я на свободе. Но радости почему-то нет. Вчера я тоже кое-что натворил, но, на счастье, пронесло. Не наказали. А сегодня, пожалуй, здорово влетит...

Ну что бы вы отвечали, если к вам вечно приставали с одним и тем же вопросом: «Какую ты сегодня отметку получил, сынок?» Я лично не долго раздумываю:

– Пять, мамочка, пять!

– Молодец, сынок! Вот обрадовал маму! Можешь пойти погулять...

Но ведь какие они, взрослые, сами знаете. Сегодня добрые, а завтра нет. Вначале только спрашивают про отметки, а потом вдруг говорят: «Принеси-ка сюда дневник, сынок».

И тогда уж сердце останавливается, и не знаешь, что ответить.

– Дай-ка мне дневник, – сказала вчера мама.

– Дневник забрала учительница, – соврал я не задумываясь.

– Понятно. А ну дай сюда портфель. Что мне оставалось делать? Отдал.

– Это сколько? – ткнула мама пальцем в дневник, словно не узнавала цифру, стоявшую там. Не смешно разве? Она же имеет среднее образование!

– Ну, двойка...

– А это?

– Тройка. Видно ведь... Вчера получил.

– Негодный мальчишка! Почему же ты мне лгал? Но посудите сами, разве я лгал, когда говорил, что получил пятёрку? Ведь даже Донохон знает: если к двум прибавить три, получится пять. Я попытался объяснить маме эту арифметику, но она и слушать не захотела.

– Вот как, значит! – сказала мама, оглядываясь по сторонам. Наверно, искала прут или кочергу – она и её уже раза два пускала в ход.

– Вот так, значит... – И, не дожидаясь, пока мама бросится ко мне, выскочил на улицу. Чего-чего, а уж по прыжкам в длину у меня честная пятёрка. Физкультуру я люблю.

И она всегда спасает меня.

Всё это было вчера. Но вот и сегодня не обошлось без неприятностей. Просто обидно. И жалко себя до слёз.

Из калитки высунулся носик любопытствующей сестрёнки.

– Принеси мой портфель, Донохон, – попросил я.

Пошёл к Ариффу. Мне даже неприятности не помеха.

– Его нет дома, – сказала мама моего друга. И надо же, чтобы именно сегодня не сиделось дома большеголовому! Ведь по трём предметам на дом уроки задали. Ну погоди, Арифчик, дождёшься у меня – рад не будешь!

В школе ещё никого не было. На дверях мастерской висел замок, на баскетбольной площадке возилась малышня. Возле учительской стоял велосипед Атаджана Азизовича, нашего директора. «Нет худа без добра!» – подумал я. Давно собирался написать заявление директору.

Сейчас, значит, самое время.

Зашёл в пустой класс и сел за работу.

*Директору школы
имени А. С. Пушкина
тов. Азизову.*

Заявление!!!!!!

Трудно нам стало в последнее время, товарищ директор. На дом задают очень много. Не остаётся ни минуточки времени, чтобы помочь родителям по хозяйству. Нельзя ли освободить нас от уроков алгебры, геометрии и радного языка. Эти предметы очень трудные и только мозги засоряют. Вместо них лучше ввести уроки по футболу. Учителем можно взять бамбардира команды «Пахтакор» Геннадия Красницкого. Если вы не откажете в нашей просьбе, мы обещаем быть дисциплинированными и учиться только на пятёрки.

От имени группы учеников

Хашиджан Кузиев.

Я перечитал написанное. Сильно получилось. Только вот боязно нести Атаджану Азизовичу. Вдруг рассердится?

Долго сидел я, не зная, как поступить. Потом решил:

«Была не была». Закрыв глаза и ввалился в приёмную. Секретарша встала мне навстречу:

– Ты куда, мальчик?

Я рванул на себя дверь. И вот она, директорская.

– В чём дело, Кузиев?

– Здравствуйте...

– Ну, здравствуй...

... Заявление моё Атаджану Азизовичу, конечно, не понравилось. Во-первых, стыдил за ошибки и целый час внушал мне, как важны предметы, которые я предлагаю снять. Он говорил и о том, что человек, который не овладеет ими, не станет ни учителем, ни агрономом, ни инженером.

– И вообще, – сказал директор, – человек без знаний, особенно в наш век, – это нуль, пустое место.

– Неправда, – возразил я. – Вот дядюшка Анарбай нигде не учился, а работает агрономом.

– Да, но когда он хотел учиться, нагрянула война. Анарбай-ака отложил учебники и взял в руки автомат, чтобы защитить нашу страну от фашистов. Кроме того, он всю жизнь выращивал хлопок. Опыт – это тоже своего рода знания...

Директор говорил и говорил.

«Лучше каждый день по башке кочергой получать, чем зубрить ненавистную алгебру!» – мысленно твердил я своё.

Атаджан Азизович откинулся на спинку стула, вытер платком лоб и шею. Потом выпил два стакана воды и сказал:

– Можешь идти, Кузиев!

А неприятности продолжались. На первом же уроке я схватил двойку по алгебре! А ведь так старался, чтобы учитель меня не заметил, так старался... Даже под парту спрятался, а Кабулов, учитель математики, тут как тут.

– А ну, сядь как следует, Кузиев! Я сел. Но учитель не унимается:

– Скажи-ка, Хашим, что мы проходили на прошлом уроке?

Видите, здесь меня зовут не Хашимджаном, а просто, без всякого уважения – Хашимом. И почему это именно у меня надо спрашивать, что проходили на прошлом уроке? В классе тридцать человек, можно бы спросить у любого другого.

Я тихонечко толкнул Арифа. Но он сделал вид, будто и не заметил этого.

– Мы тебя слушаем, Кузыев, – снова, уже нетерпеливо, сказал учитель.

Я со всей силой ударил Арифа локтем в бок. Он громко икнул и забормотал. Я стал повторять за ним.

– Вчера проходили ранние значки и равенния... Класс так и грохнул от смеха. Поглядел я на ребят, давай и сам хохотать. Оказывается, вместо «равнозначных уравнений» я ляпнул чёрт знает что.

– Ясно, Кузыев. Садись, – сказал учитель и добавил: – Двойка!

Уж коли не повезёт, так не повезёт. И мама ругает, и директор, и Кабулов двойки ставит. Лучше бы вовсе не родиться, чем так мучиться...

Арифа я догнал под чинарой, что растёт около чайханы.

Сейчас узнает, как подводить друзей.

– Эй, подожди-ка! – крикнул я, подбегая к нему.

– Чего тебе? – отозвался Ариф.

– Хочу спросить, зачем ты бил моего щенка.

– Какого ещё щенка? У тебя же нет щенка!

– Моего щенка, который теперь собакой стал.

– Когда я его бил?

– В прошлом году. Во-от так двинул ему по башке! – И я показал, как он это сделал.

Тюбетейка Арифа отлетела далеко в сторону. Но он не побежал за ней, как раньше, а подскочил ко мне и тоже заехал по уху. Потом я ему дал, потом – он мне, ну и пошло! Подбежали ребята. Одни вступились за Арифа, другие – за меня. С полчаса мы кувыркались. Вывалялись в пыли, изодрали рубашки, разбили друг другу носы. Мне тоже здорово досталось. Но я был рад, что проучил предателя. Не будет больше один все пятёрки загребать. И пусть товарищей в беде не бросает, а по-честному делится знаниями, которыми набита его голова.

Я весело топал по пыльной улочке и пел песенку «Пусть всегда будет солнце». А сам думал: «Вот сейчас приду домой, поем жирного плова – до чего же мама вкусно его готовит! – включу телевизор и прилягу на тахте. Буду смотреть матч сборная СССР – Бразилия. Чем плоха жизнь?!» На калитку изнутри была наброшена цепочка. Обычно я просовываю руку и сбрасываю её. Сегодня это не вышло: сверх цепочки ещё висел замок. Дела-а!..

Я заглянул в щель. За калиткой притаилась мама. В руке она держала кочергу, как саблю. Я отскочил на безопасное расстояние. Мама отворила калитку и, ещё не глянув на меня, горестно спросила:

– Опять подрался, негодник?

– Кто подрался, мамочка? Я ни с кем не дрался.

– И лжёшь к тому же! Кто Арифа избил? Разве не ты?

– Да нет же, мамочка! Он сам поколотил меня, вот... – Я задрал штанину, чтобы показать ссадину на колене. Но мама и бровью не повела.

– Уроки не готовишь, по хозяйству не помогаешь, сёстрам жить не даёшь... – начала она перечислять все мои грехи. Потом умолкла, но через минуту вдруг спросила: – Может, забрать тебя из школы и разом со всем покончить?

Я даже испугаться не успел.

– Убирайся вон, чтобы глаза мои тебя не видали! – крикнула мама, взмахнув кочергой. –

Чтоб духа твоего здесь не было!

Я, конечно, быстренько убрался. Калитка с грохотом захлопнулась. Опять очутился на улице. Куда же мне теперь деваться, кто меня пожалеет? А в животе будто целый пионерский отряд в горны трубит. Да тут ещё со двора так вкусно пахнет пловом...

Над домом нависла тревожная тишина. Туда не стоит заходить. Лучше на улице чем-нибудь заняться, а то этот щекочущий запах плова может человека с ума свести...

ЧУДЕСА НАЧИНАЮТСЯ

Вообще мама правильно сделала, что выгнала меня из дома. Давно я собирался крепко взяться за одно дело. Да всё некогда было. А сейчас оказался на улице голодный, одинокий, никому не нужный и сразу вспомнил сказку про волшебную шапочку. Её мне рассказывала бабушка, когда гостила у нас в прошлом году. Вот эта сказка.

Жил-был на свете пастушок. Всё у него шиворот-навыворот получалось. Невезучий был, как я. Все считали его дураком, за человека не принимали. Один злодей даже у него невесту отобрал. И падишах над ним здорово издевался.

Мучился парень, мучился, а потом – бац! – нашёл красивую шапочку из белой шерсти, с узорами по краям. И оказалась эта шапочка не простой, а волшебной. Она помогла парню отбить у злодея невесту, отомстить царю и сделать ещё кучу добрых дел.

– Эх, займешь бы и мне такую шапочку... – вздохнул я, прослушав сказку.

– А ты поищи её, внучек, поищи! – сказала бабушка, погладив мне голову. – Говорят, долго и счастливо жил тот юноша на белом свете. А перед смертью спрятал волшебную шапочку и наказал ей помогать людям.

– А не говорят, где он её спрятал? – спросил я не без ехидства.

Я же знал: что бывает в сказках, в жизни не случается.

– Говорят, – ответила бабушка убеждённо. – Где-то в этих окрестностях она спрятана. Аллах её знает, может, даже в вашем кишлаке захоронена. И ждёт небось не дожждётся своего милого хозяина...

«Хозяином волшебной шапочки должен быть Хашимджан Кузыев», – сказал я себе. И стал искать. Поначалу проверил головные уборы всех жителей кишлака. Оказалось, что почти у всех тюбетейки, у тракториста Ибраима Качи – кепка, у рисовода Анатолия Кима – соломенная шляпа, и только пастух Далбулбай Джулбулбай носит шапку. Но она вовсе не из шерсти, а из лисьей шкуры. И называется малахаем.

Потом я перекопал весь пустырь, что за садом головастика Арифа. Может, положили шапочку в шкатулку и зарыли как клад?

На пустыре ничего не было. Я даже кур обрадовал – навозную кучу у фермы расковырял.

И всё зря.

Но теперь я знал, где надо искать мою волшебную шапочку. Всякие сокровища и, конечно, волшебные вещи прячут обычно в какой-нибудь старой, заброшенной лачуге, которую даже одичалые коты стороной обходят. Про это можно прочитать в любой книжке. А такая лачуга в нашем кишлаке есть. Недалеко от пустыря, где мы мячи гоняем.

Итак, буду искать волшебную шапочку. Но сначала надо раздобыть еду.

Спрятав портфель в траве у арыка, я забежал к соседке.

– Ты чего так поздно, Хашимджан?

– Мама просила занять у вас две лепёшки до завтра.

– Пожалуйста, сынок, пожалуйста... Уложил ещё горячие лепёшки в портфель – и ноги в руки. Лачуга стояла совсем одиноко. Мрачная, она зловеще смотрела на меня оконцами,

похожими на тёмные глазницы скелета. Человек я не трусливый, но всё же сюда надо было прийти днём. А то ведь, пока я ходил как привязанный вокруг дома, нюхал запах плова да сообразил наконец, как добыть лепёшки, солнце село и на кишлак Опустились сумерки.

Я осторожно подкрался к окошку и вполз в хижину. Темнотища – глаз выколи. А тут ещё кто-то навстречу мне кинулся: похоже, волк! Я закричал и со страху двинул сумкой. Волк взвизгнул и выскочил в окно. И тут я узнал его: это был одноухий пёс мельника Шергазы Хромого. Если здесь скрывается самая трусливая собака кишлака, значит, бояться мне нечего. Надо приниматься за дело.

Я перебрал весь мусор на полу, обшарил трещины в стенах, разрыл ногтями мышиные норы. Ничего. Зря, видать, ищу эту волшебную шапку. Её, наверное, никогда и не было.

Сел на пол у окна, где посветлее, достал лепёшку. Она вкусно пахла – тесто, видать, замешивали на молоке. Чиркнул спичкой, и – о чудо! – прямо передо мной, на противоположной стене, зияла дверь. Как же я её не заметил?! А может, раньше её не было? Ведь я светил спичками и обшарил все стены. Уже не шапочка ли мне помогает?! Открыл дверь, зажёл спичку. Ого, вот это богатство – целый ворох всякого тряпья! Уж где ей запрятаться, волшебной шапочке, как не в этой куче утильсырья?!

Разные лоскутки, старый брезентовый сапог, сито, расплющенный алюминиевый таз, галоша, дохлая крыса, черепки разбитого фарфорового чайника, рукав чапана, шапка... Новенькая шапка из белой шерсти с красивым узором по краям, вышитым шёлковыми нитками. Неужели это она, моя волшебная шапочка?

– Да, это я! – раздался вдруг тоненький голосочек. – Здравствуй, Хашимджан!

– Здравствуй, моя шапочка, – прошептал я, дрожа от счастья. – Я тебя так долго искал...

– Я тоже очень долго ждала тебя, Хашимджан...

– Правда, что ты волшебная?

– Правда, Хашимджан, правда. Как только ты захочешь, могу построить дворец, сделать тебя падишахом... Молви только присказку: «Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя!»

– Ну уж в падишахи мне ни к чему, – хихикнул я. – Мне бы чего попроще, чтобы неприятностей поменьше было.

– Это очень легко, Хашимджан. Станешь невидимкой, и никто тебе худого не сможет сделать.

– Вот здорово! Сделай меня невидимкой, шапочка!

– А присказка? Ты про неё не забывай. Надень меня и хотя бы про себя произнеси присказку.

– Ладно. – Я надел волшебную шапочку и сказал: – Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя!

Потом побежал домой.

Заплаканная мама что-то строчила на швейной машинке, Айша готовила уроки.

– Мама! – позвал я тихонько.

Мама встрепелась, оглядела комнату, чутко прислушиваясь. Потом покачала головой и тяжело вздохнула:

– Видать, послышалось...

Я сел к столу, придвинул к себе миску с остывшим пловом.

– И куда мог деться твой брат? – сказала мама, кинув жалобный взгляд на Айшу.

А та даже головы не подняла от своих тетрадок. Пожала плечами и промычала:

– Не зна-аю...

«Ну подожди, примерная ученица! – подумал я. – Так-то ты любишь родного брата? Он

страдает, мучается, а тебе нипочём, да?!»

– Ночь на дворе, а он не евши после школы, – сказала мама и заплакала.

– Сами виноваты, – буркнула примерная школьница Айшахон. – Не гнать его надо было, а только наказать. Ничего с ним не случится, сейчас придёт.

– Придёт, говоришь... – прошептала мама, утирая слёзы.

И что тут произошло, не понимаю: из глаз моих брызнули слёзы. Потом кашель напал. Рис, что ли, застрял в горле...

– Айшахон, ты слышишь, доченька? – вскочила мама с места. – Вроде кто-то кашляет, а?

Проклятый кашель! Чтобы сдержать его, я даже рот зажал. Куда там, хуже стало – икать начал.

– Слышишь, доченька, слышишь?..

Вы бы видели лицо моей Айшахон! Сгребла в охапку тетради и учебники, словно их могли утащить, и озирается по сторонам.

– Слышу... – прошептала она изумлённо. – Товба¹! Вроде это наш Хашим. Но где же он?!

Вот так-то, примерная ученица! Выходит, шапочка моя и в самом деле волшебная!

Я подошёл к холодильнику и, осторожно открыв дверцу, сдёрнул с головы шапку.

Мама и Айшахон так и присели.

– Ты откуда появился? – вскричали они разом.

– Из холодильника. Там сидел... Бедная мама пристально посмотрела на меня и, кажется, поверила.

– Да ты весь оледенел, мой мальчик, – запричитала она. – И глаза у тебя красные... Плакал небось, бедняжка, переживал, что мама выгнала из дома!

Уложила она меня в постель, укутала несколькими ватными одеялами, заставила проглотить таблетки и напоила горячим чаем.

А я лежу постанываю: не стану же раскрывать свою тайну. Только пикни – шапочки как не бывало! Отберут. Или прикажут в сельсовет отнести, сдать. Лучше уж притвориться, будто и в самом деле из холодильника вылез.

Постонал я немного, постонал, потом закрыл глаза и уснул, крепко прижимая к груди волшебную шапочку.

Дела мои пошли – просто блеск. Вот, значит, какое оно, счастье! Ничего не делаю, хожу песенки распеваю, а получаю одни пятёрки. И главное, никого не упрашиваю дать списать домашнее задание. Надеваю волшебную шапочку, захожу в дом учителя, сажусь за письменный стол и списываю всё с готовеньких конспектов. А чтобы об этом никто не догадался, нарочно делаю одну-две ошибки или сажаю в тетрадь красивую кляксу.

Труднее оказалось с устными предметами. Ведь тут надо выйти к доске и отвечать по памяти. Но я и здесь нашёл выход. Попросил волшебную шапочку читать мне ответы по учебникам. Она вначале плохо справлялась, но потом привыкла.

Вы бы видели, как меня стали уважать! Зовут только Хашимджаном, всем в пример ставят: «Тебе не стыдно, Ариф, получать четвёрки, когда Кузиев и то учится на одни пятёрки!» Ребята в классе решили сместить старосту и вместо него избрать меня. Мама специально к папе в Мирзачуль съездила, чтобы порадовать его моими успехами. А Айшахон сама стала всё за меня делать. «Тебе, наверно, братец, тяжело отлично учиться и по хозяйству помогать. Дай лучше я поработаю», – говорила она.

Всё шло отлично. Пока я сам дела не испортил. Допустил ошибку. И очень глупую. Слава моя мигом рухнула. Начисто опозорился. На всю школу.

¹ *Товба!* – возглас удивления, соответствующий русскому «О боже!».

И поделом мне. Нечего было спешить. До конца четверти оставалось больше двух недель. А тут мне в руки попался классный журнал. Как будто что-то толкнуло меня изнутри: взял да вывел себе и дружку Касыму пятёрки за четверть. По семи предметам. Понадеялся, что никто не заметит.

Первым шум поднял, конечно, Кабулов. К нему присоединился учитель родного языка. А потом, ясное дело, всё закружилось каруселью:

«Вы слышали, Кузыев-то, оказывается, сам себе пятёрки ставил! Вот тебе и отличник!» Тотчас вызвали к директору. Захожу в кабинет, а там сидят все семь учителей. В углу стоит Касым, красный, потный, перепачканный чернилами. Носки ботинок разглядывает.

– Подойди-ка, Хашимджан, сюда, – сказал Атаджан Азизович и ткнул пальцем в журнал: – Кто поставил вам эти отметки?

Я сделал удивлённое лицо и пожал плечами.

– Не знаю...

– Ага, – сказал директор. – И Касымджан тоже не знает. Прекрасно!

– Ничего не знаю! – вскричал Касымчик, чуть не плача. – Никаких отметок я себе не ставил!

– Это вы сделали вдвоём, – сказал учитель физики. – Уж лучше признайтесь...

– Вы неправы, – возразил кто-то из учителей. – Неправы, что хотите обвинить в этом проступке и Хашимджана Кузыева. Следует учесть, что он в последнее время очень подтянулся: учится отлично, дисциплина хорошая. Зачем ему делать такое? У него и так в четверти были бы почти одни четвёрки и пятёрки.

– Это верно. Кузыев очень изменился к лучшему.

Учителя разом повернулись к Касыму и в один голос заговорили:

– Зачем ты это сделал?

– Как тебе не стыдно, Касым!

– Хочешь получать пятёрки – занимайся побольше. Где же это видано такое творить? Стыдно, ох, как стыдно!..

– Своим поступком ты и товарища подвёл, Касым!

– Я... я... – начал Касым и заплакал. Бедный Касымджан! Я натворил, а отвечать приходится ему.

Я решительно выступил вперёд и твёрдо сказал:

– Простите меня, Атаджан Азизович. Пятёрки поставил я. Касымджан про это даже не знал.

– Что-о? – вскричали все хором. – Ты?

– Да, я. Касым тут ни при чём... Все встали и окружили меня. И пошло, и пошло... Говорили, что своим поведением я позорю папу, передового механизатора, и маму, знатную доярку. Тяну назад показатели родной школы. Говорили, что если буду плохо учиться, то не смогу стать ни инженером, ни агрономом, ни зоотехником.

– Неправда, я обязательно стану инженером, – обозлился я.

– Никак не сможешь, поверь нам, Кузыев!

– Не инженером, так зоотехником буду!

– Без знаний тебя не только в зоотехники, пастухом не возьмут.

– Возьмут, ещё как возьмут! Лишь бы я сам этого захотел.

Пусть не думают, что Хашимджан Кузыев может так легко сдаться. Я ещё своё докажу.

У меня есть моя бесценная шапочка. И пока она моя, я могу не учиться, могу ничего не знать, но если захочу – стану кем угодно. Пусть запомнят это мои дорогие учителя. Хашимджан Кузыев ещё перевернёт горы, высушит моря, добьётся всемирной славы!

Я не стал ждать. В ту же ночь собрался в путь-дорогу – пока мама не узнала, что я натворил в школе.

Прощай, мой дорогой кишлак! Прощай, голубая речка, прыгающая с камня на камень! Прощайте, тенистые фруктовые сады! Ваш верный друг покидает вас. И надолго. Он уже не будет ломать ваши ветки, вбивать гвозди в ваши гладкие стволы...

Прости меня, дорогая мамочка! Я тебя очень часто волновал, огорчал, а теперь вот надолго покидаю. Прости, мама...

Счастливо вам оставаться, мои кудрявые сестрёночки!

Иногда я вас колотил, таскал за косы, иногда смешил, дурачась, и часто защищал, когда вас обижали озорные мальчишки. Теперь вы остаётесь без брата-заступника. Очень плохо, что есть ещё на свете озорные мальчишки. Если вы соскучитесь по мне, сестры, гляньте на мой портрет. Только не плачьте. Ваш брат ещё вернётся. Тогда все будут восхищаться им. А вы будете гордиться. Учителя тоже будут гордиться, хотя они сегодня не поверили мне. Но я им прощаю.

И вы простите мне, нерешённые мои задачки, ненаписанные упражнения, непочитанные книги! Вас, признаться, мне не очень-то жалко, но вот я иду, иду в полночь по спящему, тихому кишлаку, и почему-то глаза мои полны слёз...

Где-то одиноко воеет собака. Она будто тоскует оттого, что в кишлаке теперь не будет весёлого Хашимджана Кузыева.

Высоко в небе плывёт полная луна. Она ласково освещает мне дорогу и словно хочет пожелать счастливого пути...

УЛЫБНУЛОСЬ БЫЛО СЧАСТЬЕ

Из-за синеющих вдали гор показался оранжевый бок солнца.

Я не знаю, куда иду. Ещё не знаю, что буду делать дальше. Иду себе, и всё. Никаких забот. А беспокоиться нечего. Ведь со мной волшебная шапочка! С ней не пропаду. Еда нужна – пожалуйста! Ноги устанут – заберусь в автобус, и никто меня не ссадит. Потому что я могу стать невидимым.

– Скажи, моя шапочка, где мы сейчас находимся?

– Не знаю, Хашимджан. Сама теряюсь в догадках.

– Скажи мне, шапочка, смогу ли я стать агрономом?

– Конечно, сможешь, Хашимджан. Только пожелай.

– Но ведь я бросил школу и, уж конечно, в институт никогда не попаду. А без диплома разве бывает агроном?

– Не печалься, Хашимджан! Вспомни присказку. Вот так. А теперь опусти руку в карман...

Чудеса! Опускаю руку в карман и вытаскиваю книжку в синем переплёте. В ней записи чёрными чернилами: «ДИПЛОМ. ВЫДАН ХАШИМДЖАНУ... СПЕЦИАЛЬНОСТЬ – АГРОНОМ». Вот чудеса!

– Спасибо, моя шапочка! Но разве бывает диплом без печати?

– Без печати? Какой ещё печати?

– Ну, такой... круглой печати.

– А ты посмотри, Хашимджан, на диплом... И правда, в самом низу чернильный круг и в середине его написано: «ПЕЧАТЬ».

– Вот здорово! Да, но я ведь маленького роста. Скажут, мальчишка – и прогонят. Даже на диплом не посмотрят.

– Не беспокойся, Хашимджан. Когда нужно будет, я позабочусь, чтобы тебя не принимали за маленького.

Тутовые деревья, росшие по краям дороги, остались позади. Зелёные поля исчезли. Вместо них появились сухие колючие кусты, торчащие на белых от соли пригорках. Пустыня. Голая пустыня. Глядишь на неё, и глаза слезятся. Ни конца ни края не видать. В застывшем раскалённом небе парят какие-то чёрные птицы. Иногда перебежит дорогу длиннохвостая ящерица или из-под ног выскочит суслик. Выскочит и выпучит удивлённые глаза: куда это, мол, человек идёт? Ведь кругом пустыня!

– Шапочка моя, а шапочка, куда мы идём?

– Сама не знаю, Хашимджан. Но ты не беспокойся. Дорога есть, значит, куда-нибудь выйдем.

И правда, скоро всё изменилось. Ящерицы и чёрные птицы отстали. Исчезли и колючие кустарники. Впереди засинели густые сады, а слева и справа пошли хлопковые поля.

– Шапочка, а шапочка, куда это мы попали? Пустыня – и вдруг сады! Не ты ли создала их здесь?

– Что ты, Хашимджан! Сама удивляюсь!

Я свернул в первый же сад и отведал спелых, сочных персиков. Попробовал и яблочко.

Где-то рядом тарахтели тракторы, перекликались люди.

Я перепрыгнул через арык и вышел на зелёную полянку. К ней примыкало хлопковое поле, разбитое на мелкие участки. На каждом из них возилось по нескольку ребят. Я подошёл к ближайшему участку. Какой-то мальчишка с остервенением рвал кустики сорняков.

– Эй, не уставать тебе, дружок! – сказал я.

– Иди своей дорогой, не мешай нам! – ответил парнишка, не подымая головы.

– Эх, ты-ы... невежа. К тебе с добром, а ты...

Мальчик поднял голову и покраснел от стыда. – Простите... извините... – забормотал он, вытирая пот со лба. – Я принял вас за нашего бездельника Шавката...

– Ничего, товарищ, ничего, бывает, – смирился я, увидев, как он смутился. Потом осторожно спросил: – Не скажешь, в какой стране мы находимся?

– Что, что?

– Я спрашиваю, как называется эта страна?

– Это не страна, а Голодная степь.

– Голодная степь? Что за Голодная степь?.. Которая в газетах?..

– Почему это – в газетах? Голодная степь в Голодной степи, и всё тут. Узбекистанская

целина.

– А что вы здесь делаете на поле?

– Сорняки уничтожаем.

– Л чей это хлопчатник?

– Наш.

– Так уж и ваш! Ври, да не завирайся. Мальчишка удивлённо поглядел на меня и ничего не ответил.

– А как называется ваш колхоз? – не унимался я. Мальчик выдернул несколько кустиков сорняка с таким видом, будто кому-то отрывал уши. Потом крикнул:

– Гляди! Вот это поле, – он обвёл рукой вокруг, – засеяли мы сами. Шестеро ребят. Сами вспахали, сами обрабатываем и сами будем убирать урожай. Всего здесь десять гектаров земли.

– Ясно. А агроном вам не нужен? Я бы...

– Нет, не нужен, – решительно покачал головой мальчик. – Мы сами – будущие агрономы.

Этот человек, оказывается, не только грубиян, но и большой хвастунишка.

«Сами» да «сами»! Подумаешь, какой герой! Сорняки рвать всякий дурак сможет. А вот есть ли у тебя диплом агронома? То-то и оно, что нет!

Я молча пошёл дальше и вскоре наткнулся на поле, сплошь усеянное рыжими дынями и полосатыми арбузами. А недалеко зеленели грядки с луком и помидорами. Вот помидоры так помидоры: каждая с мою голову!

Я прошёл через виноградник (по пути попробовал двадцать два сорта винограда!) и вышел к какой-то загороженной деревянным забором площади. За забором кудахтали и кукарекали сотни белых кур и петухов. Кругленькая, как тыква, девчонка кидала им из плетёной корзиночки зерно и сладким голоском пела:

– Тю-тю-тю!

Ишь ты, растютюкалась! Не любит, видать, яйца – раздобрела-то как!

– Эй, девочка, чьи это куры?

Девочка молча вынула из кармана варёное яйцо, очистила его, сунула в рот и только потом обернулась ко мне:

– Наши... Чьи же ещё?

– А куда ты яйца деваешь? – решил я съязвить.

– В школу сдаю. Ребятам на завтраки.

– Гм-м... А всем ребятам достаётся? Даже двоечникам?

- У нас таких нет и не будет.
 - А вдруг появятся, тогда что?
 - Послушай, иди-ка ты своей дорогой, болтун, – махнула рукой Тыквоподобная и сунула в рот ещё одно яйцо. – Ты мне всех кур распугаешь...
 - Послушай, девочка, – сказал я, стараясь быть как можно вежливее. – А зоотехник вам не нужен?
 - Зачем он нам?
 - Буду указывать вам, что, как и когда делать.
 - Спасибо! Таких у нас и без тебя хватает. – Тыквоподобная отвернулась и что есть силы заорала: – Тю-тю!
- У неё был такой пронзительный голос, что я зажал уши – и ходу! Остановился только у больших деревянных ворот. На голубой доске было выведено белыми буквами:

ЖИВОТНОВОДЧЕСКАЯ ФЕРМА ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА им КРУПСКОЙ

Значит, у них ещё и своя ферма есть. Кто знает, может, здесь повезёт?

Я тихонько отворил ворота и вошёл во двор фермы. В стойлах со скучающим видом жевали сено восемь коров, в углу похрюкивали четырнадцать и не жирных и не тощих свиней. А три козла, что бродили возле коров, те вообще еле передвигали ноги.

Кроме животных, здесь ещё был человек, мальчик с шишковатым лбом. Он старательно соскребал с земли навоз и делал вид, что не замечает меня.

- А где же овцы? – спросил я деловым тоном.
- Овцы на пастбище.
- А кролики? Они тоже на пастбище? Шишколобый пропустил мимо ушей мою шутку, но решил, видать, меня поддеть:
- Кроликов мы держим подальше от ослов.
- Такой анекдот я давно слышал, – сказал я и опять спросил: – А почему у вас всего три козла?
- Во-первых, это не козлы, а козы. А во-вторых, чего это ты ко мне пристал? Говорят же тебе, что козы и овцы на пастбище!
- Значит, я глухой, раз ты сказал, а я не слышал. Мне подумалось, что козы ваши заболели и передохли. Телят, телят ваших тоже не видать, а, дружище?
- Шишколобый в сердцах махнул рукой, взял веник с ведром и пошёл к свинарне.
- По дороге он обернулся и показал мне язык.
- Убери свой длинный красный язык, пока я его не вырвал!
- Мальчишка удивлённо остановился:
- Это мой-то язык?
- Вот именно!
- Твой бы надо вырвать. Слишком много чепухи мелет. – Он ухмыльнулся и добавил: – А вообще-то лучше бы ты взял да помог мне.
- Ну что ж, это мы запросто! Я вмиг стянул с себя новенькую свою рубашку и закатал штанины.
- Показывай, что делать. Шишколобый вдруг задумался.
- Слушай, а ты, случайно, не гость?
- Не «случайно», а настоящий гость. Приехал издалека.

– Вон оно что! Сразу бы и сказал, что знакомишься с нашим хозяйством.

– Так оно и есть. Знакомлюсь с вашим хозяйством.

– Меня Хайитом зовут. – Приблизившись, он протянул руку. – Учусь в седьмом классе. Коренной голодностепинец.

– А меня зовут Хашимджаном, – сказал я, пожав ему руку. – Учусь в шестом классе. Отличник. Староста... Помолчав, я перешёл к делу:

– Ты мне вот что объясни, дружище Хайитбай: кто вы такие вообще? Школьники или просто колхозники?

– Мы-то? Как тебе объяснить? – Хайит почесал свой шишковатый лоб. – Мы вроде и школьники и колхозники, дружище. Понимаешь? Вон там, видишь, двухэтажное здание стоит? Это наша школа. Там мы учимся. А после уроков работаем, разные профессии осваиваем.

– Да ну?

– А сад наш ты не видал? Тридцать гектаров занимает.

Фруктов разных – навалом. Половину едим сами, а половину продаём.

– А кто продаёт?

– Девчата из десятого класса.

– Они умеют торговать?

– Конечно. Наш директор Хурсандали Шарафуддинович говорит, что человек всё сможет, если только захочет.

– Во-во, я тоже говорил, а они...

– Знаешь, Хурсандали Шарафуддинович говорит, что наши девчонки станут прекрасными продавщицами. Правда, вначале будет трудно, а потом всё пойдёт как по маслу.

– Видно, у вас хороший директор, раз так говорит.

– Ещё бы! А на днях у нас беда случилась. Санобар-апа, что в десятом «Б» учится, торговала в молочном павильоне без халата. Нагрязнул санитарный контроль. Выговор сделали и оштрафовали на пятнадцать рублей.

– Бедная! Откуда же она возьмёт столько денег?

– Школа внесёт. У нас есть своя касса. Общий фонд называется.

– Это общие деньги, что ли?

– Ну да, мы же все вместе работаем. Значит, доход от фермы, бахчей и фруктовых садов – наш доход!

– Здорово у вас, Хайитбай! В такой школе учиться, наверно, одно удовольствие!..

– Ещё бы! А у вас разве плохо?

– О-о!.. – взмахнул я рукой и уставился на коров, словно это были какие-нибудь дикие индийские слоны. Да и чем я мог похвалиться?

Были в нашем живом уголке два тощих кролика. Один из них подох с голоду, а второй перегрыз деревянную решётку и убежал на волю.

Росли у нас в школьном дворе десятка два деревьев. Никаких плодов на них я не замечал. Да и листья их всегда бывали жёлтыми, изъеденными какими-то насекомыми.

Не расскажешь ведь об этом такому хвастунишке, как Хайитбай?! Лучше умереть, чем позорить свою школу.

– У нас тоже есть что показать, но я не люблю хвалиться, – сказал я тихо.

– А кроликов вы разводите?

– Кроликов мы раньше разводили. Пока ферма у нас была маленькая. А сейчас разводим этих... как их... зверей из семейства кошачьих. Львят и тигрят всяких привозим прямо из Африки. Дрессируем их, а потом продаём цирку.

– Да ну-у?! – разинул рот Хайитбай. – А они не кусаются?

– Мы их держим в железных клетках. А на клетках – замки. Во-от такие, с твою голову будут! У нас ещё и столярная мастерская есть. Не мастерская, а целая фабрика. «Имени фуганка и рубанка» называется. Один человек десятью станками управляет. Конт... контвейером работаем.

Хайитбай вздохнул и понурил голову. Мне стало жалко его. И я решил малость поубавить пыла.

– Что плохо, – сказал я, – наша швейная и сапожная мастерские не ахти как работают. Иногда брак выпускают. Вот эту мою новенькую рубашку сшили наши девочки. Видишь, один рукав длиннее, другой – короче. А воротник – тот вообще от другой рубахи.

– Что ты, у тебя очень красивая рубашка, Хашимджан!

– Э, не говори, друг! Постарались бы – получше бы могли сшить. Я-то знаю... Теперь, видно, придётся на них... ш-штраф наложить. По пятнадцать рублей.

После этих слов Хайитбай расстроился пуще прежнего.

Тогда я схватил в руки лопату:

– Чего это мы без толку болтаем, Хайитбай? Давай работать.

Ну и заставил я побегать своего нового знакомца! Наполняю ведро навозом, а Хайитбай выносит на улицу. Носился он, как Чарли Чаплин в немом фильме.

Хлев и свинарник за полчаса вычистили. А когда работа кончилась, я сказал:

– Дорогой Хайитбай, а не нужен ли вам ветврач?

Хитрый Хайитбай, видно, сразу понял, куда я клоню.

– Дорогой Хашимджан, – ответил он, – на ферме работает восемь человек. И все они будут ветеринарами. А если кто хочет к нам, пусть идёт простым рабочим, добро пожаловать!

Нет уж, дудки! Меня на такую работу не заманишь. Похожу тут ещё, авось что-нибудь и подвернётся стоящее.

Хайитбай оказался весёлым и общительным, вроде меня. Он показал мне кишлак, а потом повёл в швейную мастерскую. Там работали маленькие девочки, которые еле-еле доставали ногой педаль швейной машинки. Перед ними, на столе, лежала груда девчачьих школьных форм, а ещё шапочки из кроличьего меха и фартуки для сбора хлопка. Хайитбай сказал, что всё это сшили их девочки.

Мне больше всего понравились маленькие и пушистые шапочки из кроличьего меха.

– Можно мне взять парочку? – спросил я Хайитбая.

– А зачем они тебе?

– На память. Я их сестрёнкам подарю.

– Не могу я, Хашимджан, распорядиться шапками. Они не мои, они общие.

– А ты продай. Когда у меня появятся деньги, я приеду и расплачусь с тобой.

– Не могу, Хашимджан, не могу! – взмолился Хайитбай.

– Захочешь – сможешь! – отрезал я и схватил парочку мягоньких шапочек.

Хайит испуганно вцепился в мою руку. Я его оттолкнул, да, видно, сильнее, чем хотел: бедняга залетел под стол.

Девочки-мастерицы завизжали, вскочили, чтобы защитить своего будущего ветеринара. Гляжу, одна бежит с ножницами в руках, другая летит, размахивая раскалённым утюгом.

– Держи вора! – кричат. – Держи хулигана!

Я бросился к двери, но поздно! Мой дружок Шишколобий, оказывается, успел вскочить и запереть дверь. Пришлось надеть волшебную шапочку...

– Он куда-то спрятался! Ищите под столами, – скомандовал Хайитбай. – И шапки украл.

– Нет его под столом, ищите в шкафу. А я тем временем тихонько забрался на подоконник, спрыгнул на землю и уже во дворе заорал во всё горло:

– Держи карман шире, держи карман шире!

Мои преследователи вывалились в дверь. В интернате поднялась тревога. Кто-то пустил слух, что из швейной мастерской похищен целый мешок шапочек. А тут ещё загремело радио.

«Внимание, внимание! Говорит радиоузел школы-интерната имени Крупской! Я призываю всех учащихся сохранять спокойствие и хладнокровие! Вместе с тем призываю всех учеников мобилизовать свои силы. Все на поимку злоумышленника!» Это, кажется, говорил сам директор Хурсандали Шарафуддинович. Ну и в историю я влип! Ничего плохого не сделал, а шуму – хоть караул кричи! Вечно так. Не везёт мне – и всё тут... Хоть убейся. А я-то надеялся, что поговорю с Хурсандали Шарафуддиновичем по душам и он возьмёт меня в какую-нибудь бригаду агрономом. А теперь всё кончено. Поймают, чего доброго, и правда мешок шапочек потребуют. Спасибо тебе, Хайитбай. Удружил, ничего не скажешь!

Не снимая с головы волшебную шапку, я стал подниматься на второй этаж школы и чуть не столкнулся лицом к лицу с Хайитом. Он разговаривал с высоким человеком в шляпе.

– Как же не помню, Хурсандали Шарафуддинович?! – говорил Хайитбай. – Да хоть ночью меня поднимите, я тотчас же опишу вам его приметы.

– Тогда иди в радиоузел и во всеуслышание расскажи, как выглядит этот твой Хашимджан.

Шишколобый со всех ног кинулся в радиоузел. Жалко, я не догадался пойти с ним. Думал, что есть у него хоть капелька совести. Мне хотелось побыть с Хурсандали Шарафуддиновичем и, если удастся, объяснить ему всё, как было, а потом попросить работу.

Директор зашёл в кабинет, и я за ним. Он сел в кресло и налил себе чаю. В это время в динамике загремел голос Хайитбая.

«Внимание, внимание! Передаём описание примет вора, совершившего налёт на нашу швейную мастерскую. Это мальчик лет двенадцати-тринадцати. Зовут его Хашимджаном. Тощий, ростом чуть выше меня. Уши – грязные, нос – пуговкой, глаза большие, круглые, вечно бегают. Говорит этот Хашимджан путано, слегка заикаясь. Одет в белую грязную старую рубашку, у которой один рукав длиннее, второй – короче. А воротник – тот вообще от другой

рубахи. Шерстяные брюки в полоску давно не глажены. Цвет кожи – смуглый. Может, от рождения, а может, в целях конспирации давно не мылся. – Хайитбай откашлялся, трубно высморкался и продолжал: – Следует обратить особое внимание на то, что этот Хашимджан очень подробно расспрашивал о доходах нашей школы: особенно допытывался, сколько денег в кассе общего фонда. Мне кажется, он ловкий лазутчик какой-то банды, которая собирается ограбить нашу кассу!..» Видали, какой жук этот Хайитбай? И злоумышленником я у него стал, и лазутчиком банды грабителей, и зайкой, одетым в старую рубаху с разными рукавами. Попробуй теперь объявись. Сразу схватят и в милицию отвезут. А ведь уж совсем было улыбнулось счастье: очень хорошим человеком показался мне Хурсандали Шарафуддинович. Он бы наверняка принял меня в агрономы или зоотехники.

Я не стал пока с ним говорить и пошёл в радиоузел.

Хайитбай всё ещё сидел, нахохлившись, у микрофона. Наверное, думал, что бы ещё про меня насочинять.

– На, возьми своё добро! – сказал я и кинул кроличьи шапочки на пол, под ноги остолбеневшего Хайитбая. – Очень они мне нужны! Я их нарочно взял, чтобы узнать, жадный ты или не жадный. И вовсе я не лазутчик. А уши у тебя у самого грязные!

Хайитбай испуганно хлопал глазами и оглядывал пустую комнату.

Больше я с ним не стал разговаривать. Пошёл прямо туда, откуда вкусно пахло. Сел возле повара интернатской столовой, съел по порции шурпы и плова, выпил два стакана холодного компота из слив. Молодцы ребята, вкусно приготовили.

Я похлопал по плечу опешившего от удивления мальчика в поварском колпаке, сказал ему «спасибо» и вышел из кухни...

НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Больше всего я люблю песни и простор. Передо мной – дорога. Длинная, бесконечная дорога. А кругом – поля. Зелёное море хлопчатника. И ни души. Пой, танцуй – никто тебе не помешает. Никто не заткнёт уши и не цыкнет: «Довольно вертеться и визжать – надоел!» А в песнях недостатка нет. Я их прямо с ходу сочиняю. Гляну на поле и пою:

Эй, хлопок, хлопок мой,
Хлопок белый, золотой!

Кружусь, подпрыгиваю, а потом кланяюсь кустам хлопчатника. Они тихонько покачиваются, словно «спасибо» говорят.

Стемнело. Я устал и петь и плясать. Всё время быть одному тоже неинтересно. Хорошо бы теперь кого-нибудь встретить...

Пошёл быстрее, внимательно вглядываясь в темноту. Впереди замигал слабый огонёк. Я со всех ног припустил к нему.

На берегу арыка горел костёр. На посланном прямо на землю чапане² полулежал старик с глубоким шрамом на щеке.

– Салом алейкум, отец.

– Здравствуй, сынок, здравствуй, – ответил старик, отложил в сторону пиалу с чаем и сел, подобрав под себя ноги. – Подойди поближе к огню, в темноте никак не признаю, чей ты будешь.

² Чапан – стёганный ватный халат.

– Сын Кузыбая, знатного механизатора, Хашимджаном зовут.

Оглядев меня с ног до головы, старик пригласил сесть и налил пиалу чая.

Разговорились. Я узнал, что старика зовут Палван-ата, что шрам у него со времён гражданской войны, что сейчас он следит за поливкой хлопчатника.

Дед очень обрадовался моему приходу и всё время приговаривал:

– Спасибо, сынок, что пришёл, скрасил моё одиночество. После ужина мы поудобнее устроились у костра.

– Скажите, дедушка, а как называется ваш колхоз?

– У нас не колхоз, а совхоз, – ответил старик. – А ты разве не из здешних мест?

– Я из Ферганской долины. Скажите, дедушка, а агроном вашему совхозу не нужен?

– Агроном? Позарез нужен нам агроном, сынок, позарез.

Нашего-то взяли в область, на руководящую работу. Кто твой отец, я не расслышал? Может, агроном, а, сынок? Вот бы кстати!

– Не отец, а я агроном.

– Что? – вскричал Палван-ата. – Ты, от горшка два вершка, – и агроном?!

Он внимательно посмотрел на меня, боясь, что я свихнулся. Смекнув, в чём дело, я тихо прошептал:

– Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя! Сделай меня высоким!.. Вы, дедушка, вроде принимаете меня за мальчишку? Я не спеша поднялся с места.

– Боже, боже, сохрани от нечистого! – испуганно забормотал старик. – Ты же только что был маленьким мальчиком, а сейчас стал длинным, как телеграфный столб!.. Или всё это мне приснилось?

– Не пугайтесь, дедушка Палван, это темнота, наверно, всё перепутала. А потом, я вообще такой: то кажусь маленьким, то – большим...

Старик долго не мог успокоиться, всё качал головой.

– Значит, вы агроном, да, сынок? – Палван-ата начал говорить мне «вы».

– Да, дедушка, я агроном. И хочу к вам на работу поступить.

– Очень хорошо надумали, сынок. Совхоз у нас большой, а народ трудолюбивый. Жалеть не будете.

– Работы и трудностей я не боюсь. Лишь бы мне не отказали.

– Это почему же откажут, когда в совхозе нет агронома?!

– Могут сказать: молод очень, неопытный...

– На этот счёт не беспокойтесь, сынок. Директор у нас толковый, цену людям знает. А что молод – это не беда. Главное – работу любить. Я сам замолвлю за вас словечко. Скажу, человек из самой Ферганы приехал, хочет на целине поработать...

– Да, да, я специально для этого из дома... приехал сюда. – Чуть не ляпнул «из дома убежал». Палван-ата закивал головой:

– Правильно сделал, сынок. В старину говорили: «Не тот умён, кто много прожил, а тот – кто много видел...» Долго ещё мы беседовали о жизни. Потом пустили воду на новый участок и улеглись отдохнуть на супе³.

Хорошо! В арыке журчит вода. Трещат сверчки. Словно на что-то жалуясь, хрипло квакают лягушки. На тёмном небе перемигиваются звёздочки. Им улыбается полная луна...

Всё это напомнило мне родную деревню, маму, любимых сестёр. Бедная мама! От горя, наверно, рвёт на себе волосы, бродит по полям и кишлакам, уж и не надеясь найти сына в живых.

³ *Суна* – глиняное возвышение.

Не ищи меня, дорогая, не печалься, не проливай зря слёз. Дела твоего Хашимджана идут хорошо. Ещё немного, и он станет агрономом большого совхоза.

– Акбарали, я агронома привёл, – сказал дедушка Палван человеку, сидевшему за столом.

Бритая голова человека касалась потолка, а новенький стул скрипел под ним, как несмазанная арба. Огромные чёрные усы воинственно топорщились в стороны.

У меня почему-то задрожали коленки. С таким грозным директором лучше не связываться.

– Нельзя нам больше без агронома, – продолжал Палван-ата. – Ты не мог заполучить его, так вот я сам нашёл. – Он подтолкнул меня вперёд. – Хашимджан ещё молод, но твоя забота помочь ему опериться.

– Это хорошо, отец! Это дело! – проговорил директор.

Голос у него оказался приятный и какой-то нежный, не по росту. – Спасибо, Палван-ата, что привели товарища. – Потом повернулся ко мне и так же нежно пролепетал: – Простите, какой институт вы окончили, молодой человек?

– Институт агрономов, товарищ директор!

– Гм-м... А факультет какой?

– Факультет агрономов.

Акбар-ака недоверчиво посмотрел на меня, потом махнул рукой, что-то черкнул на клочке бумаги и протянул мне.

– Ладно. Попытка – не пытка. Возьмите это и идите к секретарю. Он выпишет вам приказ. Назначая вас агрономом четвёртого отделения. Оформитесь, я познакомлю вас с хозяйством.

Через полчаса мы сели на директорский «газик» и поехали смотреть хозяйство. По дороге Акбар-ака сказал, что выделил мне мотоцикл «ИЖ-56», на котором я буду объезжать бригады своего отделения. Ещё он сказал, что в месяц мне положено сто двадцать рублей зарплаты.

– У нас двенадцать бригад, общая площадь которой составляет тысячу двести гектаров земли, – продолжал директор.

– Тысячу и двести? – воскликнул я испуганно.

– Да, это у нас самое большое отделение. Но вы не пугайтесь – оно и самое передовое. Главное – уметь работать с людьми, находить пути-дороги к их сердцам. Тогда никакие трудности не страшны.

– Я понял, товарищ Акбар-ака?

Мотоцикл мне выдали в тот же день. Три дня я учился ездить на нём. А потом поехал на поле. И сразу понял, что буду руководить очень хорошими людьми. Одни звали пить чай с ними, другие приглашали пообедать. А в четвёртой бригаде даже водкой хотели угостить.

– Что вы, что вы! – испугался я. Потом вспомнил, кто я теперь, нахмурил брови и сказал: – Не люблю водку. И тех, кто пьёт, не люблю.

Бригадир, который поднёс было к губам пиалу, выплеснул водку в арык и захлопал в ладоши:

– Золотые слова, товарищ агроном, золотые слова! Мы тоже не любим пить!

Подъезжая к полевому стану седьмой бригады, я издали заметил толпу народа.

Бригадир Урман-ака что-то говорил и размахивал руками. Увидев меня, он побежал навстречу:

– Товарищ агроном! Расскажите этим людям о значении компоста. Они отказываются его применять.

– Пожалуйста, о чём разговор! – Я соскочил с мотоцикла и, откашлявшись, начал: – Кто против компота, тот против себя. Что такое компот? Это витамины и калории. Кроме того, это очень вкусно. Чем больше фруктов в компоте – тем лучше. У нас в Фергане, например, компот делают из свежего и сухого урюка, вишен, персиков и других ягод. Уважаемый Урман-ака

правильно делает...

Докончить мне не дали. Хотя я вроде ничего смешного не говорил, все начали хохотать. Иные даже за животы схватились.

Посмотрел я на них, давай тоже смеяться. А что мне было делать?

Потом только узнал о своей ошибке: Урман-ака говорил не про компот, а про компост.

А компост, оказывается, – это обыкновенный навоз, выдержанный до состояния брожения.

С этого дня я не ездил в седьмую бригаду.

БОРЬБА С ОПАСНЫМИ ВРЕДИТЕЛЯМИ

Эх, видели бы меня сейчас уважаемые Атаджан Азизович и Кабулов! Посмотрели бы, как я руковожу целым отделением совхоза, как катаюсь на новеньком мотоцикле «ИЖ-56», и ахнули бы. А ребята, те вообще от зависти могут лопнуть. А что, если написать письмо в школу? Вот удивятся-то. А может, гордиться будут: вот, мол, какой у нас Хашимджан – в люди выбился!

Я сел и написал два письма. Одно маме, чтоб не беспокоилась и не сучала, а другое – в школу.

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ОТ ДОБЛЕСТНЫХ ХЛОПКОРОВОВ ЦВЕТУЩЕЙ ГОЛОДНОЙ СТЕПИ!!!!!!

Атаджан Азизович, вы говорили, что я не смогу стать ни агрономом, ни инженером, если не буду знать алгебру, геометрию и радной язык. Вы можете мне не верить, а я являюсь агрономом. Отделение у меня самое передовое, состоит из двенадцати бригад. А земли у нас тысячу и ещё двести гектаров. План мы обязательно выполним на целых сто процентов и ещё, может, получим ордена. Вот тогда и увидимся.

С приветом, агроном

Хашимджан Кузыев!

Агрономом быть, конечно, хорошо. Плохо только, если каждый знает, что и как ему положено делать. Никому ничего не прикажешь. Хотя бы бездельника какого найти, поругать его хорошенько! Так ведь нет в этих краях бездельников.

С этими мыслями я брёл по участку второй бригады, как вдруг увидел бегущего человека. Это был Мурадхан-ака, бригадир. Он даже не бежал, а словно бы летел, перепрыгивая через ряды хлопчатника, сильно пригнувшись вперёд. У меня отчего-то засосало под ложечкой. Захотелось резко повернуться и кинуться наутёк. Может быть, этот человек пронюхал, что я вовсе никакой и не агроном, а ученик шестого класса и что диплом у меня не всамделишный?

– Товарищ агроном, подождите, куда же вы?

Я остановился и на всякий случай втянул голову в плечи.

– Что вам надо? Что вы бегаете как сумасшедший?

– Я вас с утра разыскиваю, товарищ Кузыев! Беда случилась...

– Какая ещё беда? Объясните толком...

– Беда, – повторил бригадир, еле переводя дух. – Наш хлопок покрылся широю⁴...

– Широю? Какой ещё широю? Липучей, что ли? Кто её принёс на поле?

⁴ Игра слов. Первое значение слова шира – сок, патока, варенье; второе – тля, филлоксера, вредитель сельского хозяйства, особо опасный для хлопчатника.

Бригадир ошалело уставился на меня и развёл руками. А я разозлился пуще прежнего:

– Я покажу этим любителям сладкого! Я знаю, как бороться с такими вредителями.

– Надо срочно принимать меры, товарищ агроном. Это очень опасная тля!

Что он сказал? Тля? Вот это уж в самом деле плохо. Когда-то я слышал, что существует такая штука – тлэй называется. Покрылись ею листья – считай, всё растение погибло!

Бегу следом за бригадиром, а у самого на душе кошки скребутся. Я эту тлю и в глаза не видывал. А как с ней бороться, того вообще не знаю. Как же быть?

– Выручай, – говорю, – моя волшебная шапочка. Подскажи, что мне делать, помоги советом.

– Не могу, – тоненько отвечает она. – Я и сама не знаю, что это такое – тля. Чтобы понимать такие вещи, ум и знания нужны. Ум неподвластен волшебству. С удовольствием подсказала бы тебе, что делать, да сама не знаю,

– Но ты должна мне помочь, шапочка!

– Не могу, дорогой. Знания, а значит и ум, заключены в толстых книгах и пухлых головах учёных людей. А я за весь свой век не прочитала ни одной и самой тонюсенькой книжицы. Только несколько страниц твоих учебников, когда подсказывала тебе...

Мурадхан-ака остановился и показал рукой на лежащее перед нами поле.

– Вот участок, поражённый тлэй. – Он вытер со лба пот и посмотрел на меня с надеждой. Медлить было нельзя.

– Та-ак! Листья, значит, поражены, да?

– Конечно, листья, что же ещё?! – с отчаянием простонал бригадир.

– Послушайте, а что, если взять кусты за основание и хорошенько потрясти? Не слетит эта гнусная тля?

– Бросьте шутить, агроном! Не время.

– Тогда обольём кусты водой и смоем нашего врага! Мурадхан-ака некоторое время смотрел на меня, потом поднял лицо к небу и захохотал. Он смеялся громко, раскатисто и никак не мог остановиться. Я тронул бригадира за плечо:

– Посмеялись, и хватит. Сколько у вас рабочих, товарищ бригадир?

– Пятьдесят пять, товарищ агроном.

– Пусть каждый из них нарежет по двадцать ивовых прутьев. Немедленно приступайте к работе. Через час соберётесь здесь, на этом месте.

Рабочие собрались раньше, чем через час. В руках они держали по небольшой вязанке ивовых прутьев. Я приказал всем занять по грядке.

– Берите по несколько прутьев в каждую руку и бейте по листьям хлопчатника. Помните, чем усерднее вы будете трудиться, тем быстрее мы расправимся с врагом!

– Что вы надумали, агроном? – заорал бригадир диким голосом.

– Выполняйте приказание, товарищ Мурадхан-ака!

– Да вы в своём уме? Вы же погубите весь хлопчатник! – За хлопчатник я сам отвечаю. А вы отстали от жизни, бригадир: не знаете новых методов борьбы с тлэй. Придётся на ваше место другого человека подыскать.

Бригадир ничего не ответил. Резко повернулся и пошёл к рабочим...

Вот так-то, Мурадхан-ака! Кто тут агроном, вы или я, Хашимджан Кузыев? Приказал он вам – исполняйте, нечего мудрить. Не дурак он небось, ваш агроном. Дурака бы сюда не поставили...

Я похлопал прутиком по голенищу сапога, гордо вскинул голову и... что, вы думаете, я увидел? Я с ужасом увидел, что рабочие, держа вязанки прутьев наперевес, как винтовки со штыком, молча окружают меня. Выражение их лиц не обещало ничего хорошего.

Я попятился, попятился, потом кинулся бежать. Но тут оказавшийся поблизости

Мурадхан-ака дал мне подножку. Я кубарем полетел в сухой арык.

Придя в себя, я услышал голоса, понял, что рабочие окружили меня плотным кольцом.

– Сейчас мы узнаем, что он имеет против нашего хлопчатника! – угрожающе пообещал кто-то.

– Что ты хочешь от невежи, Эшбай? – ответил ему другой рабочий. – Таскался, наверно, по ресторанам и танцулькам, пока в вузе учился. Вот и вся его учёба!

– Товарищи, а может, он сумасшедший? – вмешался кто-то третий. – На днях в районной газете объявление было. Там говорилось, что из дома сумасшедших сбежал один дурак. Как раз и приметы сходятся: рост около двух метров, очень тощий, заикается, слегка хромот на левую ногу...

– Может, он и не из дома сумасшедших, но что дурак – это точно. – По голосу я узнал, что это говорит Мурадхан-ака. – Дурак хуже врага, – продолжал он сердито. – Снять бы ему штаны да отхлестать этими самыми прутьями!

Вы не представляете, какой поднялся хохот, когда я испуганно и слишком поспешно схватился обеими руками за ремень.

– А вон директорский «газик» катится! – воскликнул Мурадхан-ака, когда рабочие немного притихли. – Пусть сам Насыров и решит, как быть с этим горе-агрономом...

У меня остановилось дыхание, перед глазами запрыгали чёрные точки. Вот оно! Позорный конец... И никто меня теперь не спасёт!

– А я? – раздался вдруг тоненький голосок. – Ты забыл про меня, Хашимджан?

Какой же я дурак, что забыл про свою волшебную шапочку!

– Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя! Сделай меня невидимым! – прошептал я несколько раз подряд.

Как только я исчез, окружавшие меня люди поражённо загудели, а кое-кто не отказал себе в удовольствии пошутить:

- Глядите, глядите, как только услышал, что едет Насыров, сразу растворился!
- Испарился!..
- Улетучился!..

Я не стал дальше слушать. Осторожно выбрался из кольца рабочих, которые принялись оживлённо обсуждать случившееся, и дал тягу. Жаль, даже попрощаться не пришлось с ними. Такие они были вначале добрые и сердечные люди.

СЛАВЬСЯ ПТИЦА УДАЧИ!

Я только что слез с грузовика, в кузове которого тряся не знаю сколько часов. Теперь стоял у высокого дувала, глядел на огромные красно-жёлтые яблоки. Пустой мой желудок сводило судорогой. Сколько ещё времени пройдёт, пока раздобуду еды, неизвестно. А тут сами в рот просятся сочные яблоки. Легче всего, конечно, взять увесистый голыш и шибануть парочку-другую. Но на шум может прибежать хозяин сада. А я теперь знаю: на новом месте лучше не попадать во всякие истории...

Если бы давали звание чемпиона за лазание по заборам, уверен, я бы стал обладателем золотой медали чемпиона. Раз! – и я оказался верхом на дувале. Вот они, миленькие, душистые жёлто-красные яблоки, сами прижимаются к моему лицу. Бери и ешь на здоровье. Но я не стал их рвать. Потому что этот сад оказался не просто садом, а парком культуры и отдыха. Во всяких парках много народу, но тут людей собралось видимо-невидимо.

Большая площадь у памятника Алишеру Навои была уставлена несколькими сури⁵. На них сидели седобородые дедушки, пожилые люди с орденами и без орденов и попивали чаёк. Вдоль аллеи, обсаженных цветами, гуляли приодетые парни и девушки. Между ними сновали мальчишки в пионерских галстуках. В стороне от аллеи, под деревьями, жарились на мангалах шашлыки. От них шёл такой дух, что у меня слюнки потекли. Рядом с жаровнями дымился огромный котёл, установленный над врытым в землю очагом. Длинному дяде, готовившему плов, помогали пятеро здоровенных парней. Женщины в цветастых платьях пекли в печах – тандырах квадратные пирожки – самсу. Пыхтели паром, как паровозы, три пузатых медных самовара. Ребята моего возраста разносили чай. В общем, не поймёшь: свадьба – не свадьба, собрание – не собрание.

Я надел на голову свою шапочку, спрыгнул в сад и напрямик пошёл к женщинам, которые уже вынимали из тандыров румяную, пышущую жаром самсу и складывали на огромной плоской плетёной корзине. Я подсел к корзине и одну за одной съел три штуки самсы. И только после этого внимательно огляделся вокруг.

Женщины в цветастых платьях, и шашлычник, и те пятеро здоровенных парней, и длинный повар, и мальчишки, что разносили чай, и старики, сидевшие на сури, и гуляющие в аллеях парни и девушки – все кого-то ждали, то и дело поглядывали на ворота парка, украшенные алыми полотнищами.

Потом я увидел мальчишку на дереве. У него были разноцветные глаза. Один голубой, а другой – чёрный.

Я снял шапочку и подошёл к дереву, на котором сидел Разноцветный.

- Эй, послушай, что тут происходит?
- Ты разве не знаешь?

⁵ Сури – деревянный настил для сидения, застеленный паласами.

– А то бы спрашивал?

– Давай сюда, потом скажу.

Я залез на дерево, поудобнее устроился на суку рядом с Разноцветным.

– Выходит, ты не знаешь, что тут будет? – переспросил он, болтая ногами. – Сегодня здесь будет вечер поэзии. Из города поэты приехали. Стихи читать. Сейчас они в гостинице. Сырые яйца глотают.

– Яйца? И притом сырые? – сморщился я. – Я бы на их месте шашлычку отведал...

– У тебя, друг, голова работает? Зачем вообще поэты сырые яйца глотают? Чтобы голос был крепким, чтобы свои стихи громко-громко кричать. Наш раис⁶ четыре ящика яиц отправил им в гостиницу.

– Понятно, – сказал я. – Лишь бы они справились с этими ящиками... А стихи – стихи я люблю слушать.

Вскоре все люди собрались на площади у памятника. И тогда в конце аллеи появились поэты. Восемь человек. Впереди шёл маленький и кругленький, как шарик, поэт. У него и глаза, и очки, и голова тоже были круглыми. За ним цаплей вышагивал высокий и худой человек. Волосы его были с проседью, а лицо – удлинённое и сужающееся книзу. Остальные поэты все выглядели одинаково. Не высокие и не низкие, не худые и не толстые. И одеты одинаково: в серые костюмы и остроносые сверкающие туфли.

Как только показались поэты, все вскочили с мест и захлопали в ладоши. Длинный поэт расчувствовался, когда пионеры поднесли цветы. Он поймал маленькую девочку, совсем не видную из-под огромного букета, и поцеловал в макушку. Все опять зааплодировали. Я позабыл, что сижу на дереве, – давай тоже хлопать и не заметил, как с грохотом полетел на землю. Но на это никто не обратил внимания. Даже Разноцветный. Я снова забрался на дерево.

Первым выступил кругленький поэт. Звали его Мамарасулом Балтой. Я слушал его очень внимательно, но разве с первого раза выучишь стихи наизусть? А содержание сразу запомнил.

Степи вы мои, степи прекрасные! На цвет яркий ваш, напоминающий маргеланский наш атлас, на этот цветущий лик ваш я не нагляжусь никак! Красотой, как пламенем, жжёте вы мне сердце, о степи, степи вы мои...

Поля мои дорогие, поля прекрасные! С весны соловей начинает воспевать вас и до поздней осени не умолкает. Поёт себе и поёт, до того высоки ваши урожаи, так вы полны сокровищ, прекрасные мои поля, поля вы мои...

Поэта слушали затаив дыхание. И никто не шевельнулся, когда он кончил читать. Мамарасул Балта слез с трибуны. Тогда все встрепенулись, зашумели, повскакали с мест и бурно захлопали в ладоши.

– Спасибо, сынок, здорово описал ты наши поля. Всё так похоже!

– Вот это стихи! Текут, как ручеёк!

– А пустыню изобразил – просто прелесть, будто и не пустыня!

– Смотри, ни разу не запнулся, а?! – восхищённо двинул меня по ноге Разноцветный, Я лягнул его в ответ и сказал:

– А голос-то какой звонкий, точно медный колокольчик, а?!

Кто-то из колхозников подбежал к поэту и накинул на его плечи новый шёлковый полосатый халат. Другой надел тюбетейку. Третий подарил яркий поясной платок. Вот это да! Мы с Разноцветным пронзительно кричали и угощали друг друга восторженными тумаками.

Поэты, видать, здорово налегли на сырые яйца – читали стихи до поздней ночи. Но я уже не мог внимательно слушать. Гляди-ка, думал я, как народ любит поэтов. Это же потрясающе! А я,

⁶ Раис – председатель.

глупец, в агрономы подался – одни неприятности себе нажил. Столько старался, бился, и никто спасибо не сказал. Наоборот, чуть не осрамили человека из-за какой-то шири... А поэту и дела нет до вредителей.

Съел ящичек яиц, прочитал стишок про степь – и тебе тут же подарят новенький халат, тюбетейку и платок. И самое главное, если станешь поэтом, ты можешь говорить-говорить, читать-читать свои стихи, и все будут внимательно слушать. Да, конечно, поэтом быть в тысячу раз лучше, чем агрономом!

Вечер кончился. Я соскочил с дерева, надел шапку и присоединился к поэтам, чтобы не отстать от них.

Гостей долго уговаривали задержаться, погостить в колхозе. Но они вежливо отказались, расселись по «Волгам» и тронулись в путь.

Я решил держаться поближе к главному поэту – Мамарасулу Балте. И полез в его машину. Места свободного в ней не оказалось. Пришлось сесть на колени главного.

– Послушай, Сайдулло, – озабоченно сказал сразу Мамарасул Балта, тщетно пытаясь пошевелить ногами. – В последнее время даже свой собственный вес стал чересчур тяжёлым. Вот сейчас, например, к концу дня, во мне будто прибавилось килограммов сорок – пятьдесят, не меньше.

Я пожалел поэта, тихонько приподнялся и растянулся на коленях всех трёх поэтов, сидевших на заднем сиденье.

Машина птицей летела по гладкой дороге. Я долго слушал не совсем понятные разговоры поэтов и незаметно уснул. Иногда, просыпаясь, я слышал чудные слова: «Инверсия, ассонанс, подстрочники, гонорар, тираж». Они звучали для меня как песня. Поэты говорили ещё, что кто-то зарезал чей-то кирпич, что кто-то не умеет толкаться. «Не знаю, как можно зарезать кирпич, – подумал я, – но толкаться-то уж я умею». Хорошо стало на душе: значит, я смогу стать поэтом.

Потом, когда поэты беспокойно заёрзали на месте, я проснулся окончательно. К тому же сильно разболелось правое плечо, которое лежало на острых коленках поэта Сайдуллы.

– А вот и родной наш город! – звонко прокричал Мамарасул Балта.

Я кинулся к окошку. Тысяча тысяч огней. Бесконечные ряды высоких домов. Бегущие друг за дружкой машины, рогатые троллейбусы, красные трамваи. И люди, люди, люди... Миллион людей!

Я вдруг почувствовал, что в моей душе тоже родились стихи и сейчас они полетят навстречу этому волшебному городу.

– Улицы вы мои, улицы! – заорал я. – Незнакомые, чудесные, прекрасные улицы. Как вы гладки, как вы ровны, улицы! Ночи бессонные мои, вы улицы, улицы, улицы!..

– М-да, – сказал Мамарасул Балта, потирая виски. – Сайдулло, братец, это ты меня цитируешь?

– Нет, Мамарасул-ака, я думал, вас вдруг посетило вдохновение и вы обогатили нас новым шедевром...

– Переутомился, видать... – вздохнул Мамарасул-ака. – Ох, возраст ты мой, возраст!..

Ночевать я остался у Сайдулло-аки. Мне очень понравился его широкий и мягкий диван. Спал, как на перине, ни разу не просыпался. Конечно, Сайдулло-ака и не подозревал, что у него сегодня переночевал дорогой гость Хашимджан – будущий знаменитый поэт.

РИФМЫ, ГДЕ ПРОДАЮТСЯ РИФМЫ?

Я впервые попал в такой большой город. Большой, как наш кишлак и ещё сто таких

кишлаков. Целый день гулял по широченным улицам, тенистым скверам. С помощью волшебной шапки побывал в кино, цирке и театре кукол. К вечеру ноги подгибались в коленках от усталости. Эх, где ты, чудесный диван Сайдулло-аки! А я, как нарочно, не запомнил адреса поэта. Если бы и запомнил, не нашёл бы, наверное. Ведь тут дома как инкубаторные цыплята – все одинаковые.

– Скажи, дорогая шапочка, куда мне теперь деваться?

– Право, не знаю, Хашимджан. Но ты всё же посмотри, что над этим зданием написано?

«Гостиница», – прочитал я горящую красными буквами надпись и ринулся к стеклянным дверям. У окошка администраторши толпились люди. У многих в руках были деньги.

«А у меня-то денег нет!» – подумал я и, надев волшебную шапочку, поднялся по лестнице наверх. Тогда я не знал, что наверх ещё можно взлететь на лифте.

На третьем этаже почти все комнаты были свободными. Я занял самую маленькую, в которой стояли койка и письменный стол, и тут же завалился спать.

В полночь я проснулся. Гостиница мирно спала. С улицы доносился шум изредка проезжающих машин. Я сел к столу и начал тренироваться писать стихи. Штук двадцать накатал до утра. Вот обрадуются-то в редакции! (Я ещё в машине Мамарасула Балты узнал, что стихи носят в редакцию.) ... В подъезде редакции за письменным столом сидел усатый старик в очках. Он надменно и холодно поглядывал по сторонам.

– Здравствуйте, Вот, я стихи вам принёс...

– Я этим делом не занимаюсь. Я вахтёр, – гордо сказал старик и отвернулся. – Неси наверх.

Вот бюрократ, а? Дослужился до вахтёра и разговаривать с простыми людьми не желает. Наверно, только знаменитостей признаёт. Ничего, скоро и я себя покажу, мало осталось ждать...

Я долго бродил по коридору, пока не догадался толкнуться в дверь с табличкой «Отдел литературы и искусства».

Начальник отдела уже читал стихи. А поэт, хозяин тех стихов, курил сигарету, развалившись на диване.

– Меня зовут Хашимджаном Кузы... – сказал я бодрым голосом. – Вот, стихи вам принёс.

– Очень приятно, – буркнул начальник отдела и, не подымая головы, сунул мне руку: – Джура Джуман. Садитесь.

Я сел рядом с поэтом, тоже закинул ногу на ногу и стал терпеливо ждать, когда освободится начальник.

С удовольствием прочитав стихи (про себя), Джура Джуман некоторое время глядел на мои запыханные башмаки, перевёл взгляд на живот и лишь потом посмотрел в лицо.

– Слабые стихи, юноша, – прошептал он. – Не пойдут.

– Как – слабые?! – возмутился я. Человек ночь не спал, трудился, и вот тебе: «Слабые, не пойдут!» А ведь читал с удовольствием, я по лицу видел.

– Пойдут, очень даже пойдут, – сказал я твёрдо.

– Но это не стихи, а набор слов?

– Где слова, там и стихи, – сказал я ещё твёрже.

– Да, слово – это наше орудие, молодой человек. Но... кстати, как вас величать, запомнил что-то...

– Поэт Хашимджан Кузы.

– Так вот, Хашимджан Кузы. Отчасти вы правы: язык человека – это уже поэзия. Но ведь у той же поэзии есть свои законы, своя техника. «Шагал – мера, салам – шурпа...» Это же никуда не годится, молодой человек.

Джура Джуман выбежал из-за стола и потряс кулаками, в которых зажал листки бумаги с

моими стихами.

– Ищите, днём и ночью ищите рифмы. Не жалеете времени. К чёрту верлибр! Не ходите с поклоном к этим циркачам от поэзии!

Джура Джуман обессиленно упал в кресло и закрыл глаза.

Я смотрел на него с уважением. Вот ведь какой человек: всё насквозь видит. Сразу узнал, что я вчера в цирк ходил. Конечно, если поэтам это запрещено, больше никогда не пойду в цирк.

– Спасибо, товарищ Джура Джуман, – сказал я, вставая. – Спасибо за советы. До свидания.

– Счастливо! – выкрикнул он, не открывая глаз, Да, не прошли мои стихи.

Но отчаиваться не стоит. Сказал же Джура Джуман «ищите». Значит, надо искать. Весь город переверну, но найду то, что мне необходимо. Я вообще такой – уж если возьмусь за что, зубами вгрызусь, руками, ногами вцеплюсь, но не отступлюсь от своего.

Первым делом я зашёл в книжный магазин. Красивая девушка, что стояла за стойкой, поглядывала в маленькое зеркальце и мазала на губы что-то красное.

– Тётяшка, рифмы у вас есть?

Девушка и бровью не повела. Разобрали, наверно, все рифмы.

– А верлибр? – спросил я, понизив голос.

Продавщица повернулась ко мне и посмотрела как на пустое место,

– Не поступали, – с трудом выдавила она из себя. – И не ожидается.

– А что у вас ожидается?

– Не мешай, мальчишка, работать! – взвизгнула девушка. – Иди в культмаг. Ходят тут всякие...

Я вошёл в культмаг. А оттуда послали в хозмаг. «Они вчера только получили товар. Может, и завезли партию». Но и здесь продавец лишь руками развёл:

– Что ты, сынок! Одни алюминиевые тазики привезли. Ни рифм, ни верлибров в этом квартале не ожидается.

Я целый день ходил из магазина в магазин, обошёл скобяные лавки, побывал в мастерских – всё без толку. Кто-то посоветовал сходить на базар: «Чуть переплатите, но зато найдёте всё, что вам нужно. А вы, видать, ищите дефицитный товар». Но и оттуда я вернулся ни с чем. Торговки слушали меня и качали головой.

– Нет, таких нет. Сами бы отхватили дочерям и невестушкам по одной хотя бы штуке. Но ты, сынок, купи лучше японский свитер. Из чистой шерсти. А может, транзистор возьмёшь? «ВЭФ-12»! Первый класс!

Этого только мне и не хватало: купить приёмник и слушать музыку!

Я целый вечер провалялся на койке, с тоской разглядывая какие-то жёлтые подтёки на потолке. Потом это мне надоело. Пусть у меня ни техники, ни рифм, ни ритма, ни даже верлибра нет, но стихи я писать буду! И никто меня не остановит.

За какой-то час я исписал целую кучу бумаги. Вот так-то! Теперь можно и в постель. Недаром же говорят: кончил дело – спи смело.

Утром в девять часов я был в редакции. Джура Джуман сам вышел мне навстречу.

– Опять пришёл, поэт? Ну, как успехи? Пошли дела-то?

– А как же! Всю ночь писал, даже глаз не сомкнул.

– Давай сюда!

– Пожалуйста...

Джура Джуман плюхнулся в кресло, в котором вчера уснул, прочитал мои стихи (опять про себя!), потом, точь-в-точь как в прошлый раз, по очереди, осмотрел мои ноги, живот и впился взглядом в лицо.

- В каком классе ты учишься, поэт?
- Не учусь, – сказал я и прикусил язык: узнает правду, выгонит ещё. – Школу кончил...
- Та-ак. А какого поэта ты любишь?
- Я всех поэтов люблю.
- Хамида Алимджана читал?
- Нет, такого не знаю, – признался я честно. Лучше бы о стихах разговаривал, чем спрашивать, кого я читал.
- С Гафуром Гулямом, надеюсь, знаком?
- А как же! – обрадовался я. – Он мне однажды чуть ухо не оторвал, когда я в колхозный сад залез. Только его не Гафуром Гулямом зовут, а Гафуром Кривым. Он сторожем работает...
- Хорошо хоть, что Кривого Гафура знаешь... – прошептал Джура Джуман и закрыл глаза. Опять, видно, уснул. Я постоял возле него, постоял и тихо пошёл к двери.
- Постой! – взревел вдруг Джура Джуман. – Какой же ты поэт, если не знаешь ни одного поэта?
- Как не знаю? Мамарасула Балту, например, знаю, Сайдуллу, вас, товарищ Джура Джуман, знаю...
- О-о! – простонал Джура Джуман. – Помолчи или я выброшусь в окно!.. Если хочешь писать, молодой человек, иди и читай стихи наших больших поэтов. А ещё, конечно, изучи творчество Пушкина, Лермонтова, Маяковского! Вот так-то, наизусть выучи все стихи. Без этого не только поэтом, человеком не станешь!
- Услышав эти слова, я пулей вылетел в коридор. Ничего себе, посоветовал. Спасибочки, товарищ Джуман! Я должен читать чьи-то стихи! Я должен выучить их наизусть! Да если бы я хотел читать и зубрить стихи – сидел бы себе в школе! Зачем же я из дому-то убежал?..
- Ни одной книжки не прочитаю, а поэтом стану. Увидит ещё мой дорогой Джура Джуман! Пусть не думает. Пока существует волшебная шапочка, я не пропаду. Разве не так, моя дорогая?
- Ну конечно, как же иначе! – пропищала она в ответ.
- Значит, поможешь мне? Скажи-ка, с чего начинать дело, чтобы стать поэтом?
- Для начала зайди вот в это кафе. Я с самого утра слышу, как у тебя в желудке играет музыка. Поешь, а там посмотрим, что делать.
- Золотые слова, моя дорогая!..
- Я надел шапочку, зашёл в кафе, подсел к шумной компании, что веселилась за уставленным яствами столом, и принялся за дело.

Для начала я разузнал адреса всех поэтов, которых видел в Голодной степи. Потом побывал у них дома, посмотрел, как они работают. Сайдулло-ака, оказывается, пишет стихи по ночам. А его сосед, поэт Эркин Хамид, в это время третий сон видит.

Но когда Сайдулло-ака перед рассветом укладывается спать, Эркин Хамид выскакивает из постели и начинает строчить длинные-предлинные стихи.

Я три ночи подряд следил за самим Джурой Джуманом, но ни разу не застал его за работой. Вечером сидит у телевизора (от позывных до позывных, все передачи подряд смотрит), ночью спит, а утром идёт на службу. Если он и пишет стихи, то, наверно, в редакции, когда никто не мешает. А рифм, оказывается, у самого Джуры Джумана тоже нет. Я их долго искал, но ни в шкафу, ни в ящиках стола не нашёл. И тогда со злости съел все шоколадные конфеты, которые поэт купил, идя с работы. Пустой же кулёк я вложил в руки спящей девочки.

Джура Джуман включил телевизор, налил в пиалу чая и потянулся за конфетами,

– Куда конфеты подевались? – крикнул он, не найдя кулёка.

– Не знаю, – ответила из кухни жена Джуры Джумана. – Ты же их на стол положил. Может,

Дильбар взяла?

Джура Джуман побежал в спальню и через секунду вернулся испуганный, с пустым кульком в руке. Показав его жене, рванулся обратно.

– Дильбар, вставай, доченька! Как ты могла съесть кило конфет? Тебя не тошнит?

Девочка проснулась и удивлённо посмотрела на отца:

– Что случилось, папочка?

– Разве можно съесть сразу столько конфет? Это же вредно. Жена, неси скорее кислого молока.

Жена прибежала с двумя бутылками кефира,

– Пей скорей! – приказал Джура Джуман.

– Не буду! Не хочу! – захныкала Дильбар.

– Будешь! Хочешь! – решительно сказал Джура Джуман, но, услышав позывные телевизора, выбежал из комнаты.

А мне только этого и надо было. Взял я бутылки из рук девочки и выпил весь кефир, чтобы не отравиться.

– Вот и молодец, доченька! – обрадовалась мама Дильбарки, увидев пустые бутылки. – А теперь спи... Время позднее.

Я посмотрел на часы: половина десятого. Значит, самая пора идти к Сайдулло-аке. Сейчас у него работа в разгаре. Есть на что посмотреть.

Когда я вошёл в кабинет, Сайдулло-ака бегал из угла в угол и шептал какие-то шипящие слова. Чтобы не мешать ему, я прилёг на диване.

Сайдулло-ака остановился у стола, сморщился, как от зубной боли, погрозил пальцем стопке чистой бумаги. Растворив окно, он некоторое время глядел в темноту, а потом схватил авторучку и... давай писать!

Строчки так и летели друг за дружкой, стопка бумаги таяла прямо на глазах.

Но вдруг ручка споткнулась и остановилась. Сайдулло-ака простонал, скомкал исписанные листы бумаги и вышвырнул их в окно.

И тут меня осенило: если Сайдулло-аке не нравятся эти стихи, то, может, мне они пригодятся? Перепишу и отнесу в редакцию. Зачем же добру пропадать?

Утром я сидел перед Джурой Джуманом.

– Дай лапу, поэт! Поздравляю! – закричал он, заглянув мне прямо в глаза. – Вот это я понимаю! Талантливо! Добротное! Изрядно, видать, потрудились, сразу видно...

– Да, Джура Джуман-ака, нелёгкое это дело – писать стихи, – сказал я, развалясь на диване.

– Отлично, отлично! Правда, вот эта строфа несколько вялая, но исправить её – дело минуты. Уберём один глагол, два местоимения – и порядок. Прозвучит как выстрел!

– Значит, напечатаете мои стихи?

– Постараемся.

– С фотокарточкой?

– Собственно, зачем с фотокарточкой?

– Я думал... хотел, чтобы директор... мама... – забормотал я, потом махнул рукой и улыбнулся: – А вообще можно и без фотокарточки.

– Не гонись за славой, юноша. И тогда она сама придёт к тебе, – печально сказал Джура Джуман. – Я её завоевал именно таким образом.

Помолчав, он добавил:

– А стихи постараемся дать. В ближайшем номере. О, если бы вы знали, как я был счастлив! Иду по улице – танцую, прыгаю, песни распеваю!

– Ты что, мальчик, свихнулся? – схватил меня за руку прохожий, на которого я случайно

налетел.

– Я поэт, дяденька, поэт! На днях напечатают мои стихи!

– Мало ли что поэт! Если ты поэт, то иди, как все люди, и не задевай встречных! Вот, например, когда мне было пятнадцать лет...

Прохожий крепко вцепился в мою руку и рассказал про своё детство, про то, как он пошёл в первый класс, какой он был умный и способный мальчик, какие у него были хорошие товарищи и что все они стали большими людьми... И даже длинный рассказ прохожего не смог затмить солнца, которое сегодня взошло над моей головой.

Джура Джуман сдержал слово. Стихи напечатали на самом видном месте – на четвёртой странице газеты, среди разных важных объявлений. И я принёс новые, которые собрал под окнами поэтов или выудил у них из корзин для бумаги.

Джура Джуман исправил кое-какие орфографические ошибки, и новые стихи тоже напечатали. Теперь я обедал без помощи шапки. Гордо садился за стол, заказывал, что душе угодно, и расплачивался своими собственными деньгами.

Да, наконец-то взошло моё солнце. А дома небось и не знают, что я стал поэтом. Напишу-ка Арифу письмо. Он всегда делал мне добро, а я его обижал. Как раз и прощения попрошу. И сообщу, что теперь я поэт и что только фамилию немножечко изменил: стал Хашимджаном Кузы. Ещё напишу, что очень соскучился по маме, что она мне снится каждый день.

Отправив письмо, я собрал свои последние стихи и пошёл в редакцию. Джура Джуман встретил меня у дверей.

– А-а, поэт! – сказал он, глядя на мои ботинки. – Вовремя пришли, молодой человек. Очень вовремя.

«Вот ведь какие дела, уже и на „вы“ перешёл!» – подумал я про себя. А вслух спросил:

– Что-нибудь случилось, Джуман-ака?

– Сейчас узнаете. Посидите немного. У меня отчего-то на душе стало холодно.

Через минуту Джура Джуман вернулся. За ним в кабинет ввалились Сайдулло-ака, Эркин Хамид, Ташкын Абид, Захид Тухта и другие поэты – все, у кого я бывал дома.

– Вы сами написали стихотворение «Родной край», опубликованное в нашей газете? – спросил Джура Джуман, глядя мне прямо в глаза.

– Конечно, сам!

– Это ложь! – воскликнул Сайдулло-ака. – Это мои стихи.

– Кто писал стихи «О тебе пою, хлопкороб»? – опять спросил Джура Джуман. Лицо его стало белым-бело.

– Я сам писал. Своей собственной рукой.

– Ах вот как! – взревел вдруг Эркин Хамид и, пригнувшись, пошёл на меня. – Я тебе докажу, мальчишка, что это мои стихи, а не твои!

– Мошенник!

– Плагиатор!

– Тунеядец!

– Наглый воришка!

– Лентяй! – летело на меня со всех сторон.

Вот странные люди! Сами выбрасывали стихи, а когда человек подобрал их, начисто переписал и напечатал в газете, – это им не понравилось.

Поэты медленно окружали меня. Я успел изловчиться, надел волшебную шапочку и был таков – выскользнул в коридор. Дёрнув по пути за вислый ус бюрократа-вахтёра, выскочил на улицу.

Опять погасло моё солнце.

СУЩЕСТВУЮТ ЛИ ЛЮДОЕДЫ?

Я целый день не вылезал из амбара, где хранились гостиничные подушки, простыни, одеяла и матрацы. То спал, то ходил из угла в угол и всё думал о своей невезучей жизни. Потом мне это надоело. «Неужели я не найду себе работы получше! Подумаешь, поэт!» Взять, например, эту самую Этибар Умаровну, администраторшу гостиницы. На всех глядит как кошка, готовая схватить зазевавшуюся мышку. И ещё взятки берёт. Я своими глазами видел. Кто бы ни пришёл в гостиницу, только и слышит от неё: «Мест нет, не было и не будет!» В самом же деле половина гостиницы пустует.

– Очень просим вас, девушка, найдите нам два места! Издалека приехали, негде переночевать! – упрашивают гости.

Этибар Умаровна долго глядит на них своими телячьими, равнодушными глазами. Потом нехотя говорит:

– Раньше чем через пять дней ни одно место не освободится...

На её языке это означает: «Дадите пять рублей, получите одно место. Ещё пятёрку дадите – ещё одно место будет» Конечно, не все понимают этот её кошачий язык. Но кто пошустрее, те сразу смекают. Закладывают в паспорт пять или десять рублей и вежливо подают администраторше.

– Шарифа! – кричит тогда Этибар Умаровна лифтёрше. – Проводи наших дорогих гостей в сто седьмой номер Повезло им: как раз номер освободился!

Почему бы, например, мне не отучить Этибар Умаровну от дурной привычки брать взятки? Стихи каждый может писать, а помочь приедем – поди попробуй. А я могу это сделать, потому что на голове у меня моя чудесная-расчудесная шапочка!

Я написал записочку и сунул её в карман администраторши, «Многоуважаемая Этибар-апа, – говорилось в ней, – будьте осторожны! Уже целую неделю за вами следит переодетый милиционер. Он знает про все ваши делишки!» Этибар Умаровна полезла в карман

за носовым платком и заметила записку. Брови её задрожали, как хвост мышонка завидевшего грозного кота. Телячьи, сонные глаза округлились и побежали по сторонам. «Кто из этих людей переодетый милиционер?» – говорили они, перебегая с одного человека на другого.

– Берегитесь, он следит за каждым вашим шагом! – прошептал я, почти вплотную подойдя к Этибар Умаровне. Она ойкнула, нырнула вниз и спряталась под столом.

– Всё равно он всё видит! – сказал я громче. Тогда Этибар Умаровна вылезла из своего убежища, поставила на стойку дощечку с надписью «Добро пожаловать дорогие гости! Мы рады вас обслужить!» и побежала в кабинет директора. Через минуту они выскочили вдвоём. Лица их посинели, как недоспелые помидоры после первых заморозков.

Директор проверил список постояльцев гостиницы. Против фамилий подозрительных поставил красным карандашом галочки.

– Любой из этих товарищей может оказаться переодетым милиционером, – сказал он, ткнув пальцем на птички. – Так вот, приказываю каждого из них обслуживать самым наилучшим образом. Приносите им в номер пиво, дайте в ванную горячую воду, включите телефоны. Объясните, что они могут не гасить свет и после девяти часов вечера.

Потом Этибар Умаровна обошла номера тех постояльцев, с кого получила при въезде взятку, и вернула им деньги. Правда, несколько человек из этих людей тоже мне не понравились: вместо пяти рублей они вытянули у Этибар-апа десять, а вместо десяти и все двадцать рублей.

– Вы снимаете с мёртвого саван! – плакалась Этибар Умаровна.

– Мёртвому ничего не нужно – ни савана, ни денег, – ухмылялись пронырливые постояльцы. – Бог даст, вы ещё много заработаете.

– Да, даст он, ваш бог, жди у моря погоды!..

Посмеялся я, глядя на них, посмеялся, а потом разом вырвал деньги из их рук и бросил в унитаз. Вы б видели, как они всполошились! Будто в самом деле увидели мёртвого, завёрнутого в саван.

Не будете мошенничать. Так вам и надо. А мне теперь и прогуляться можно. На улице, наверно, светло и радостно, как у меня на душе.

Площадь перед гостиницей была запружена. Люди улыбались, толкались, лезли вперёд. Они меня тоже закрутили, поволокли с собой, а потом прижали к животу какого-то лысого дяди.

– Эй, полегче! – крикнул тот обиженно. – В живот ведь воткнулся. А я недавно только пообедал.

– Извините, – сказал я вежливо. – Вы не знаете, что там впереди происходит?

– Ты, парень, не с неба ли свалился? Не слыхал разве, что к нам африканские путешественники приехали?

– Какие путешественники?

– Да африканские! Газет не читаешь, что ли? Не слыхал что в нашу солнечную республику приехали знаменитые африканские путешественники господин Ибн-Хали и господин Ибн-Гали? И не бодайся, пожалуйста.

– А чего люди от них хотят?

– Вот пристал, а! Разве тебе не хочется увидеть знаменитых людей, пожать им руку? Ведь они на машинах весь свет объехали!

– Подумаешь! На машинах и дурак сможет весь свет объехать! – ляпнул я, не подумав.

Лысый дядя вцепился лапищей в моё плечо и зарычал:

– И дурак сможет, говоришь? И ещё в живот толкаешься? – Он высоко поднял меня над землёй, подумал немного потом опустил и продолжал: – Один учёный взялся высчитать весь путь, который проехали господа Хали и Гали по белому свету. Вычислял, вычислял, да так и не

докончил работу – с ума сошёл! А книг эти Хали и Гали написали – с целую гору! Чтобы прочитать их, пятнадцать лет жизни потребуется.

– Ой, больно! – простонал я, стараясь высвободить плечо.

– Нет, ты подожди, парень, слушай, когда умные говорят и мотай на ус. Эти ребята переплывали на своих машинах бурные реки, поднимались на вершины снежных гор, дрались с хищными зверями в дремучих джунглях, разрывали на мелкие кусочки удавов в десять метров, спали на одной подушке с людоедами!

– Я не знал, что они такие герои! – взмолился я. – Простите, пожалуйста. Я как раз вчера потерял очки и поэтому не прочитал газет.

Лысый дяденька нехотя разжал свою железную руку, и я смог наконец вздохнуть свободнее.

Значит, пока я возился с Этибар Умаровной, в наш город приехали очень знаменитые люди, а я об этом ничего не слыхал. Вот было бы здорово сделаться их спутником! Все газеты печатали бы мои фотографии, люди бы знали моё имя, мечтали бы пожать мне руку. А я бы дрался на шпагах с людоедами, дрессировал обезьян и с утра до вечера ел бананы...

Я с трудом отошёл подальше от лысого. В это время толпа расступилась. Мимо меня прошли распаренные, улыбающиеся путешественники.

Господин Ибн-Хали и господин Ибн-Гали исчезли за стеклянными дверьми гостиницы. Я надел волшебную шапочку и помчался за ними.

Путешественники поднялись на второй этаж, вошли в двадцать четвёртый номер. Я подождал, пока они умылись, надели пижамы и прилегли на мягких деревянных кроватях. Тогда откашлялся и сказал:

– Здравствуйте.

Дядя Ибн-Хали поднял голову и посмотрел на товарища.

– Что ты сказал, мой дорогой?

– Я ничего не говорил, – ответил Ибн-Гали.

– Но я слышал какой-то голос...

– Бывает, – усмехнулся Ибн-Гали. – Постарайся уснуть, мой дорогой.

– Подождите, не спите, мне нужно с вами поговорить, – сказал я тихо.

Хали и Гали вскочили с кроватей и уставились друг на друга.

– Тысяча чертей с Берега Слоновой Кости! Клянусь вершинами Гималайских гор, я слышал чей-то голос! – вскричал Ибн-Хали.

– Да не пугайтесь, это я.

– Кто, чёрт возьми, вы? – спросил господин Ибн-Гали, с беспокойством поглядывая на своего товарища.

– Я – знаменитый узбекский волшебник Хашимджан Кузы.

– Волшебник? Это уже становится интересно, – потёр руки господин Ибн-Гали.

– Может, господин волшебник соизволит явить нам свой лик?

– Пожалуйста. – Я снял с головы волшебную шапку. – Если вы примете меня в компанию, эта волшебная шапочка станет нашей, общей.

– Что ж, неплохое предложение, а, Хали? – сказал Ибн-Гали посмеиваясь. – А что вы ещё можете нам предложить, господин волшебник?

– Всё, что хотите. Любую вещь мигом достану. Прямо со склада.

– Так. А в каких отношениях вы с географией?

– В самых хороших. Я её знаю как свои пять пальцев.

– Прекрасно, юный волшебник. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов?

Я страшно не люблю отвечать на вопросы; вдруг не сможешь ответить? Но деваться было некуда. Подумал немного и сказал равнодушным голосом:

– Задавайте, если вам так уж хочется задавать вопросы...

– Отлично! Подойдите к карте, молодой человек, и покажите нам самое маленькое в мире озеро.

Я подошёл к карте. Она вся была размазана какими-то голубыми, жёлтыми и зелёными красками.

– Здесь нет никакого озера, – сказал я с сожалением. – Видно, ваша карта очень старая. Или эти озера давно уже высохли.

– Не исключено, – согласился дядя Ибн-Гали. – Может быть, вы по памяти назовёте нам самое большое озеро мира?

– Знаете, – сказал я, долго не раздумывая, – я очень плохо запоминаю названия рек, морей и озёр. У меня даже справка была...

Неожиданно Ибн-Хали решительно встал с места и твёрдо сказал:

– Положите, пожалуйста, вашу шапочку в карман. Я бережно сложил шапочку-невидимку и положил в карман.

Ибн-Хали надел костюм, причёсал свои чёрные, курчавые волосы белой расчёской (наверное, из слоновой кости), сел в кресло у стола. И на меня посыпался целый град вопросов, будто я был не просто учеником шестого класса, да притом троечником, а настоящим профессором.

– Сколько народностей живёт в Африке?

– Сколько лет существует наша планета?

– Сколько островов входит в состав Индонезии?

– Скольких метров достигает самое глубокое место Атлантического океана?

– Каково общее число населения нашей планеты Земля? Я не заметил, как вытирал из кармана шапочку и вытер ею пот со лба. Дядя Ибн-Хали почему-то испуганно умолк и ушёл в другую комнату, плотно закрыв за собой дверь.

– Очень жаль, господин волшебник, – вздохнул дядя Гали, – по всей вероятности, мы не сможем взять вас с собой...

– У меня ужасная память, – сказал я, чуть не плача. – Кроме названий, я ещё плохо запоминаю цифры. А потом, у меня есть справка!

– Охотно верю. Но человек без памяти и тем более без знаний ничем не может быть полезен в наших странствиях.

– Ну, пожалуйста, возьмите меня с собой. Я постараюсь быть вам полезным. А потом, ведь у меня волшебная шапочка!

– Лишний груз – нам большая помеха, – покачал головой дядя Ибн-Гали. – А добиться успеха с помощью волшебной шапочки нам попросту было бы неинтересно...

– Я бы вам чай кипятил, обеды готовил, стирал...

– Спасибо, мальчик. Но всё это мы привыкли делать сами. Таковы законы жизни открывателей неизведанного...

– Простите, что помешал вам отдыхать, – поднялся я с места и улыбнулся. Я улыбался, а слезы горьким комком застряли в горле, мешали дышать.

Путешественник Ибн-Гали похлопал меня по плечу:

– Не отчаивайся, волшебник, ты ещё попутешествуешь вдоволь.

А господин Ибн-Хали выглянул в дверь и поманил своего друга, кидая опасливые взгляды на мою волшебную шапочку.

– Прощайте, господа Ибн-Хали и Гали, – прошептал я, выходя в коридор. – Может быть, мы с вами ещё встретимся. Если на вас вдруг нападут людоеды...

Но эти слова я сказал уже на лестнице, и, конечно, великие путешественники не услышали их. Вначале я пожалел об этом, а потом подумал: «Может быть, и хорошо, что не услышали? Ведь никто не знает, существуют ли сейчас людоеды или нет. А если не существуют и если нет надобности драться с ними на шпагах, то какой толк идти в путешественники? У нас и горы есть невдалеке от нашего кишлака, и речка есть, и змеи разные встречаются...»

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ ГОЛА И СЛОМАННЫЕ РЁБРА

Я шёл куда глаза глядят. Меня не радовали ни прохладный вечер, ни праздничные улицы, ни лотки с мороженым, ни автоматы с газированной водой. Неужели я так и не прославолюсь, никого не удивлю своими подвигами? Куда ни пойду – одни неудачи. И никто мне не, поможет, никто ничего не посоветует. Даже волшебная шапочка.

– Отчего же не помогу? – отозвалась она тут же. – Посмотри, Хашимджан, где ты стоишь. У панорамного кинотеатра.

– Не хочу в кино, дорогая. Такое у меня плохое настроение – и я должен развлекаться?

– А знаешь, что за кинотеатром находится стадион «Шоликор»⁷? Сегодня там состоится очень интересный матч. Мне помнится, ты любил футбол...

– Ещё как! Дома ведь я был капитаном классной команды!

Трибуны оказались забитыми до отказа. Люди стояли даже в проходах. Я решил сесть поближе к игрокам – занял место на скамейке, где сидели молчаливые дублёры.

Болельщики сильно нервничали, ожидая начала матча.

– Вот увидишь, «Шоликор» сегодня обязательно победит!

– Победит, если, как вчера, забьёт в свои ворота три мяча!

– В поражениях «Шоликора» виноват только Кадыров: мяч летит к нему, а он бежит от мяча!

– Брось ты! Если кто умеет бить дальние – так это именно наш славный Кадырчик!

– Нет, лишь бы сегодня играл Теодор Рахимов. Уж он-то спасёт команду от верной гибели.

– «Шоликора» всегда спасает Геннадий Супоницкий, а не твой кривоногий Теодор!

– Что ты сказал? А ну-ка повтори!

Хорошо, раздался свисток судьбы и футболисты рассыпались по местам, а то быть бы потасовке между нервными болельщиками.

Гости сразу перешли к атаке. Шестой номер ловко обыграл наших защитников и забил

⁷ Шоликор – рисовод.

мастерский гол. Шоликоровцы растерялись, заметались по полю. А гости снова повели мяч к воротам. Левый защитник дал длинный пас правому, а тот передал мяч по воздуху центральному нападающему. Центральный нападающий оторвался от «опекуна» и сильным ударом пробил ворота. Болельщики взвыли.

– Генка, халтурщик! Играй как полагается, если хочешь получить квартиру!

– Теодор! Ты футболист или гусь лапчатый?

– Судью на мы-ыло-о!

– Якубов! Ты зачем на поле вылез, если даже бегать не умеешь, раззява!

Свист, крики... Сказать правду, неважно играли шоликоровцы. А гости работали очень слаженно и технично. Это стало особенно заметно, когда они закатали нам третий гол. Одни болельщики чуть не плакали. Другие грозились оторвать шоликоровцам уши. Третьи демонстративно покидали трибуны, проклиная футбол как самую несправедливую игру на свете. Гости, конечно, всё это видели и уже играли с нами вполсилы, как со слабаками.

Не-ет, дорогие гости, рановато ликуете! Мы вам ещё покажем, на что способны шоликоровцы. Зачем, вы думаете, собралось здесь сто тысяч зрителей? Полюбоваться на вашу победу? Держите карман шире!

Я надел шапочку и выбежал на поле.

Противник готовил очередную атаку. Мяч вёл шестой номер. Он не спешил, поджидал, когда удобнее будет передать его форварду. Но тут подскочил я, выхватил мяч из-под ног шестёрки и пулей понёсся к воротам гостей. Увидев чудо, зрители замерли, перестали дышать. Стало слышно даже тиканье часов на световом табло. Людям казалось, что мяч летит по воздуху, не касаясь земли. Ворота приближались. Метрах в трёх за мной топотал бутсами Геннадий Супоницкий. Он тяжело дышал и скрежетал зубами, не понимая, что происходит с мячом.

До цели осталось метров пятнадцать. Поблизости – никого. Я положил мяч на землю и еле успел отскочить в сторону: Геннадий со страшной силой ударил по воротам. Мяч прорвал сетку, сбил с ног фотокорреспондента, стоявшего за воротами, и упал где-то среди бушующих болельщиков. Уж если наши футболисты бьют, то именно так. Запомните это, уважаемые гости!..

Мяч подали вратарю противника. Тот положил его на землю, отошёл назад на несколько шагов, собираясь разбежаться. А я не стал дожидаться, когда он ударит: взял мяч и ловко подкинул его под ноги оказавшегося поблизости Якубова.

– Бей, Якубов, бей, раззява! – завывали болельщики.

Якубов зажмурился от волнения и изо всей силы двинул по мячу. Вратарь взлетел высоко вверх и шлёпнулся на землю, как лягушка. Гол! Красивый, первоклассный гол.

Ликованию болельщиков «Шоликора» не было конца. Тысячи кепок, тубетеек и шляп взмыли в воздух, заслонив солнечный свет. Люди, совершенно незнакомые друг с другом, целовались, обменивались на память о матче часами, галстуками, разными диковинными зажигалками. Да разве можно описать то, что происходило на трибунах?! Это надо было видеть. Своими глазами.

Сколько радости, счастья я принёс сегодня людям! И надо же, не знал я, дурак, не знал, кому нужна моя цветущая сила. Поэтов мучил, путешественников мучил, сам мучился. А моё место, оказывается, вот здесь, на зелёном, мягком поле, освещённом светом солнца и прожекторов. Здесь ждёт меня удача и слава. Здесь я принесу людям пользу, вы меня слышите, уважаемый Атаджан Азизович и дорогой мой математик Кабулов?!

Я подтянул штаны и снова взялся за дело. Теперь я знал, кому помочь. Бедняга Лазиз Акмалходжаев восемь лет бегаёт по стадионам и всё без толку – не забил ни одного мяча. Пусть

он тоже познает, как радостно забивать голы.

Я отнёс мяч к самой штанге, и Лазиз, не веря себе, втолкнул его в ворота. Кроме невезучего Лазиза, за какие-то полчаса каждый игрок забил по два, а более ловкие и догадливые, что вертелись возле меня, и по три мяча. Игра шла, мягко говоря, только у ворот гостей. Наш вратарь Юра Кукурузников долго скучал, ожидая нападения, а потом позвал к себе дружка из дублёров. Тот принёс чайник чая, и они сели на травке у ворот и, попивая чаёк, изредка поглядывали в противоположный конец поля.

До конца матча осталось пятнадцать минут. Счёт был 24: 3 в нашу пользу. Мы бы, конечно, забили ещё десяток-другой голов, но тут случилось несчастье.

Я заходил к воротам противника с правой стороны, высматривая, кому бы половчее отдать мяч. Неожиданно рядом со мной появился правый защитник гостей. Он, конечно, не знал, что кто-то носится по стадиону, прижав мяч к груди, думал, что бьёт по мячу. А в самом деле со всего маха двинул бутсой мне по левому боку. Я рухнул наземь, но мяча из рук не выпустил. Другой футболист ступил мне на спину. Чувствуя, что из моих рук вышибли мяч, я потерял сознание...

Открыв глаза, я увидел восходящее солнце. Оно слабо покачивалось над вершинами далёких гор, словно вот-вот могло сорваться вниз. Я поспешно закрыл глаза, боясь снова упасть во мглу.

Через некоторое время я услышал голоса. Недалеко от меня стояли две старухи. Одна держала в руке ведро с мусором, другая – метлу с длинной ручкой.

– Так вы не были на вчерашнем матче? – изумлённо воскликнула старуха с метлой.

– Не пришлось, дорогая, не пришлось. Мой старик малость прихворнул. Попросил разогреть отрубей и приложить к пояснице. Весь вечер провозилась, не до футбола мне было. А так-то я ни одного матча не пропускаю.

– Если вы не видели вчерашний матч, соседка, считайте, что вообще футбола не видели! – Старуха взмахнула веником. – Боже мой, какая была игра! Сам аллах, наверное, не видывал такого матча! Можете мне поверить, люди так кричали, так кричали, что я думала, стадион надвое расколется!

– Неужто такая была интересная игра?

– Двадцать четыре гола забили наши молодцы, понимаете?!

– Что вы говорите, дорогуша? – прошептала старуха, уронив ведро.

– Вот и говорю! – продолжала другая. – Самое интересное случилось потом. Как только матч закончился, гости подбежали к своему вратарю. «Качать его, – кричали они, – качать его! Если бы он не старался, не защищал наши ворота не жалея живота, то нам забили бы все сто голов! Да здравствует наш доблестный вратарь!» А болельщики-то как услышали эдакие речи, так и полегли от хохота. Трёх человек «скорая помощь» увезла: животики себе надорвали, бедолаги.

Я пошевелился – и острая боль пронзила тело. Полежав немного, с большим трудом снял волшебную шапку, засунул её за пазуху и простонал:

– Люди, помогите мне, помогите...

– Ой, боже мой! Откуда ты вдруг появился, сынок? – испугались старухи.

– Я здесь... лежал...

– Ой, соседка, смотрите, да он весь в крови, бедняжка... Встань, сынок, встань...

– Не могу... У меня, кажется, поясница вывихнута... Старухи быстренько осмотрели меня и решили, что, кроме вывихнутой поясницы, у меня сломаны рёбра, к тому же на ноге, у колена, огромная рана, голова вся в ссадинах. Видно, долго футболисты гоняли по мне мяч...

– Бегите, соседка, зовите «скорую помощь», – сказала старуха с метлой, вытирая слёзы на глазах. – Как же это тебя угораздило, сынок? Родители-то у тебя есть?

– Никого у меня нет... Приезжий я...

– Горе ты моё, сиротинушка! – Старуха погладила меня по голове. – Крепись, сынок, потерпи. Врачи тебя скоро на ноги поставят.

Я обессиленно закрыл глаза и, чувствуя, что шершавая, жёсткая, но по-матерински тёплая и ласковая рука гладит мою голову, опять погрузился в темноту...

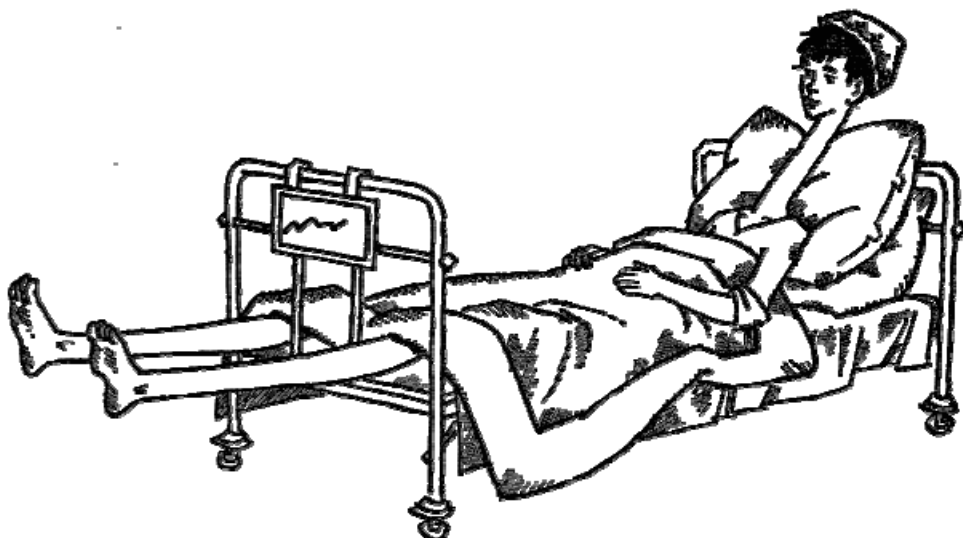
САМОСВАЛ НЕСЧАСТЬЯ

В больнице мне не стало легче. Потому что меня положили в детскую палату. Шум, гам. Сами понимаете, – малыши. Одни ругаются, другие плачут, третьи в пятнашки играют – голова кругом пошла. Не вытерпел, достал из-за пазухи волшебную шапочку.

– Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя. Прибавь мне росту, пожалуйста, не хочу в детской палате лежать.

– Твоя поясница в гипсе, Хашимджан, – ответила она, немного подумав. – Нельзя её растягивать...

– Прощу тебя, дорогая, придумай что-нибудь.

– Мне ничего не стоит прибавить тебе росту, Хашимджан. Но тогда у тебя сильно вытянется шея. Она удлинится за счёт туловища.

– Пусть!

– И ноги вытянутся.

– Пусть, лишь бы не лежать в этом аду!

В тот же миг в палате наступила странная тишина. Я приподнял голову и почувствовал, что шея моя стала длинной-предлинной, как у гуся. Ноги вылезли за спинку койки и торчали в проходе. Малыши все попрятались под одеяла.

Вечером меня перевели в палату для взрослых, где лежал Саид-ака. Позже я узнал, что он – Герой Социалистического Труда.

Саида-ака навещает очень много народа. Один тащит здоровенную дыню, другой – большую корзину винограда, третий – целую сумку алма-атинских яблок. Бывает, и цветочки приносят. Над такими я смеюсь про себя, а вот кто с жареной курицей приходит – тех я готов расцеловать. Потому что Саид-ака не любит птичьего мяса, мне его отдаёт.

К Саиду-ака ещё приходит жена. А сыновья его, близнецы Хасан и Хусан, долго не заходили в палату, меня боялись. И прозвали Жирафом. Я не мог даже обидеться на них – сил не было. Лежал, прикованный к постели, глядел в окно, как дрожит веточка ивы, как чистит на ней свои пёрышки шустрый воробьишко, а по голубому небу плывёт маленький серебряный самолётик, оставляя за собой еле заметный дымок. Может, он из Ферганы и пролетал над крышей моего родного дома, видел моих сестрёнок, маму и папу?

А один раз, услышав треск мотоцикла, я не заметил, как закричал во весь голос:

– Папа приехал, папа!

Саид-ака вздрогнул от неожиданности, непонимающе посмотрел по сторонам, потом подошёл ко мне.

– Крепитесь, молодой человек, – проговорил он тихо. – Крепитесь... Мы должны быть сильными, чтобы победить болезнь...

Слабо улыбаясь, я кивнул головой. Саид-ака оживился.

– А где вы работаете, сынок? – спросил он. Саид-ака – строитель. Имя его известно всей республике. Если он чуточку поможет мне, и я стану строителем. Попаду на стройку, а там, может, и золотую звёздочку заработаю...

– Строитель я. Инженер, – сказал я равнодушным голосом, стараясь скрыть волнение.

– Когда институт кончили? Видать, недавно...

– Недавно, Саид-ака. Всего неделю поработал...

– Я всегда говорил, – заволновался вдруг Саид-ака, – мало внимания уделяют у нас технике безопасности! Очень мало. И вот вам результат!..

– Я сам виноват, – сказал я, стараясь не глядеть в глаза дяди Саида. – Полез на крышу, хотел посмотреть, какой дом выстроили, и... поскользнулся.

– Не нравится мне, однако, ваш коллектив, молодой человек, – продолжал Саид-ака, помолчав. – Сколько вы уже здесь находитесь, а никто из ваших товарищей не проведал вас.

– Да, да, неважный у нас коллектив, вы правы, – подхватил я с готовностью.

– Потому-то и хочу уйти на другую работу.

– Переходите в наш стройтрест, сынок. Будем вместе работать. Вы знаниями будете нам помогать, а мы вам – опытом.

Скоро Саид-ака выписался. Нога у него окончательно срослась, и он мог уже ходить без костылей.

– Поправляйтесь, Хашимджан, скорее, – сказал Саид-ака, прощаясь. – Строителям нельзя подолгу болеть. Люди очень нуждаются в нас. Он вырвал из блокнота листок и подал мне. – Вот

здесь мой адрес. Как выпишетесь, приходите. А насчёт работы я договорюсь с главным инженером.

Место дяди Саида занял круглый, как самовар, человек. Спал он все двадцать четыре часа в сутки. Откроет утром глаза, кинет на меня подозрительный взгляд и опять засыпает. Просыпается, как обед принесут. Но и когда ест, один глаз у него смотрит, а другой сладко спит. Это бы ещё ничего, если бы он просто спал. А то храпел, будто в нём играл целый оркестр. После обеда звучала только одна скрипка из этого оркестра. С заходом солнца к ней присоединялись ещё два-три инструмента. А к утру уже играл весь оркестр, да так, словно музыканты едут на страшно пыхтящем паровозе. Я никак не мог уснуть, а если иногда всё же засыпал, то просыпался с криками о помощи.

К счастью, продержали меня недолго. Приехал за мной сам Саид-ака. На собственной «Волге». Хасан и Хусан вволокли в палату огромный букет. (Его я оставил человеку-оркестру на память.)

– Дядя, а где ваша шея? – разочарованно спросил Хасан.

– Дядя, а вы тот самый Жираф или другой человек? – поинтересовался Хусан. Близнецы, конечно, не знали, что я стал нормальным человеком сразу же после того, как с меня сняли гипсовую повязку.

– Тот самый Жираф, – улыбнулся я. – А шея у меня тогда вытянулась от боли. Теперь всё прошло, и шея стала нормальной.

Машина тихо ехала по тенистым, политым улицам, на которых блестели просвечивающие сквозь зелень косые лучи солнца. Хасан и Хусан по грудь высывались в окна, показывали друг другу дома, которые строил их отец, спорили, смеялись.

А мне было грустно.

Саид-ака добрый, хороший человек. Навещал меня в больнице, привозил гостинцы. Теперь хочет устроить на работу. От души желает добра. Смогу ли я отблагодарить его? Стану ли тоже, когда вырасту, таким добрым и отзывчивым человеком?

Саид-ака жил на окраине города. Дом, видно, построили недавно – стена его, что выходила на улицу, ещё не была оштукатурена. У голубых ворот, испещрённых примерами по арифметике и надписями (Хасан+ Хусан), лежала куча гравия.

– Не успел подъезд к дому зацементировать, – сказал дядя Саид. – Руки не доходят. То заболел, а теперь – срочная работа. И не скоро, наверно, удастся...

В доме дяди Саида всё было механизировано. Хасан нажал на какую-то кнопку, и ворота открылись. Возле умывальника стоял щиток с кнопками. Нажмёшь красную – горячая вода льётся, голубую тронешь – пожалуйста, холодная. Я нажал обе кнопки, и потекла тёпленькая водичка.

Механизирована была, наверно, и Фатима-апа, жена дяди Саида: как увидела нас – заговорила и больше не останавливалась. словно внутри неё работал маленький транзисторный приёмничек, который никогда не выключается. Но и доброй была Фатима-апа бесконечно. Обо мне заботилась больше, чем о своих «Хасан+ Хусан». Угощала яичницей, жареным мясом, пловом, лагманом, шурпой...

– Да пошлёт тебе аллах доброго здоровья, сынок, – приговаривала она беспрестанно, – убережёт от несчастного случая, от дурного глаза да недобрых людей...

Я очень полюбил её, тётушку Фатиму. И целыми днями с удовольствием слушал её длинные речи. Только один раз вышел на улицу, сходил на футбол. Наш славный «Шоликор» играл с командой «Велосипедиста» и проиграл со счётом 4:1.

Но я на поле не вышел – не потянуло. Так и казалось, что ко мне сразу кинутся все футболисты и начнут пинать своими тяжеленными бутсами. Представил такое и поскорее

убрался со стадиона. Видно, не скоро теперь снова увлекусь футболом...

– Давненько вас ждём, давненько! – вскричал Алимджан Алимджанович, главный инженер стройтреста, и обнял меня за плечи. – Поручаем вам, дорогой, комсомольско-молодёжную бригаду четырнадцатого участка.

Я хотел поблагодарить, но главный инженер перебил меня:

– Всё знаю, дорогой. – Он пожал мне руку. – Саид-ака рассказывал о вас. Его рекомендация для нас – всё!.. – Помолчав, он добавил: – Когда сможете приступить к работе, дорогой?

– Хоть завтра.

– Желаю успехов.

Выйдя из управления, я долго бродил по стройке. Кинотеатр на девятьсот шестьдесят мест. Детсад. Магазины. Многоэтажные дома. Дома, дома... Здесь будет и мой. Он будет выше самого высокого, красивее самого красивого дома в городе. Глянут на него прохожие и ахнут.

«Смотрите, смотрите, какой дом выстроил Хашимджан Кузыев, тот, который приехал в наш город из Ферганской долины! – воскликнут они. – Молодец, Хашимджан, честь и слава тебе!» «А вы что думали? – скажут другие. – Хашимджан свои слова на ветер не бросает. Пospорил с математиком Кабуловым и директором школы Атаджаном Азизовичем – и пожалуйста, доказал своё».

«А помните, что говорил этот директор, как его... Атаджан Азизович? Смешно даже вспоминать...» Эх, дорогой Саид-ака! Если бы вы знали, как здорово выручили меня. Никогда не забуду вашей помощи. Что захотите, то и сделаю. План ваш, например, помогу выполнить. Хасана и Хусана в кино буду водить. Ещё... А ведь ещё я могу заасфальтировать подъезд к вашему дому, на что у вас не хватает времени!

Я выскочил навстречу самосвалу, гружённому раствором цемента.

– Эй, эй, шофёр, остановите машину!

– В чём дело, товарищ?

– Я инженер четырнадцатого участка. Выполняю особое поручение Алимджана Алимджановича. Этот цемент мы сейчас отвезём в одно место.

– Нельзя, товарищ, – покачал головой водитель. – Цемент этот предназначен...

– Был, был предназначен, – перебил я его. – А теперь он нужен в другом месте. Понял? А с вашим начальником я сам поговорю. Давайте поехали, не бойтесь.

Я знал, что дома никого нет. Саид-ака на работе, тётя Фатима ушла на рынок, а Хасан плюс Хусан в школе, ума набираются. Вот обрадуется дядя Саид, когда вернётся с работы и увидит, что я сам, один зацементировал всю дорогу, ведущую к их дому. Уж эту работу я постараюсь сделать на славу, совсем как настоящий инженер.

Вскоре мы были на месте. Я соскочил на землю и стал помогать шофёру подрулить машину задом к воротам.

– Левее бери, левее! Прямо держи, вот так! Хорош! Машина остановилась, и в тот же миг я почувствовал на себе чей-то обжигающий взгляд. Обернулся и обомлел. Ворота распахнуты настежь, в двух шагах от меня стоит Саид-ака. В его глазах, суженных до предела, пляшут какие-то недобрые огоньки, усы торчат как пики.

– Откуда этот цемент, Хашимджан? – почти прошептал он. Потом завопил страшным голосом: – Эй, стой, не ссыпай!

Саид-ака отбросил меня в сторону и одним прыжком взлетел на подножку самосвала.

– Это ты, Каримджан? Как ты сюда попал? Откуда этот цемент?

– Со стройки, Саид-ака... – испуганно прогудел водитель. – Мне вон новый инженер велел. Сказал, что приказ главного...

– Новый инженер? – переспросил Саид-ака. – Хашим, что ли? Вот ты какой, оказывается,

шустрый... Не успел ещё носа показать на работе, а уже начал государственное добро таскать?

Саид-ака кинулся в мою сторону, но, не увидев меня (я успел нахлобучить шапку), остановился.

– Сбежал, негодяй, – сплюнул он, тяжело дыша. – И хорошо, что сбежал... Вовремя показал своё истинное лицо, стервец!

Потом Саид-ака решительно открыл дверцу кабины.

– А ну отодвинься, артист! Поговорим мы ещё с тобой...

Громко взревев, самосвал ринулся вперёд. А я остался, глотая пыль, поднятую машиной, невидимый, маленький и жалкий. Опять натворил... Хотел сделать добро, а получилось наоборот. И в который уже раз!

Вечером ноги сами привели меня к дому старого мастера. «Неужели он не поймёт, что я не хотел плохого? – думал я. – Объясню ему всё, как было, пообещаю, что больше не буду...»

Подойдя к знакомому дому, я снял с головы шапку, на всякий случай вернул себе свой мальчишеский вид.

На звонок вышел сам дядя Саид. В руке он держал зубочистку, усы были масляные. Видно, только что плов кушал.

– Тебе чего, мальчик?

– Добрый вечер, – сказал я дрожащим голосом.

– Здравствуй, – ответил Саид-ака. – Уже поздно, сынок. Хасан и Хусан легли спать. Завтра приходи играть.

– Вы... вы меня не узнаете, Саид-ака?

– Не припомню что-то... Да разве всех мальчишек махалли⁸ запомнишь?

– Но я ведь... я же Хашимджан!

– Очень приятно, – неприветливо буркнул старый мастер. – Знал я одного Хашимджана... чуть не опозорил меня, негодяй. А ты, мальчик, иди домой, спать ложись. Утром небось неохота вставать – в школу идти...

Ворота жалобно скрипнули и закрылись...

ПОРОЮ И СОБАКЕ ЗАВИДУЮТ...

Опять ищу работу. По утрам скупаю целую кипу газет, просматриваю объявления. Их очень много. Даже столбы и деревья на остановках обклеены ими. Кому нужна машинистка, кому – секретарь, кому – сторож. Но не стану же я сторожем или ещё лучше – машинисткой?! Я хочу, чтобы работа была интересной и могла быстренько прославить меня. А в инженеры или в техники я не пойду. Потому что их работа тоже не фунт изюма. Вон Саид-ака из-за одной несчастной машины цемента какой шум поднял – страшно вспомнить. А ведь ещё герой. Небось больше двадцати – тридцати лет на стройке работал. А взять машину цемента не имеет права. Захочешь помочь, тебе тоже влетит по первое число. Нет уж, лучше не спешить, поискать что-нибудь такое, интересное, творческое...

Просмотрев газеты, я выходил на улицу. Вначале проверял знакомые столбы и деревья на остановках по Братскому проспекту, потом шёл по Навои, а напоследок сворачивал к площади Етти Агач.

Не зря умные люди сказали, что кто ищет – тот всегда находит. Однажды я увидел бумажку, приклеенную к телефонной будке. Это было то, что я так долго искал. «Городскому детскому театру требуются артисты, – говорилось в объявлении. – Принятые обеспечиваются

⁸ Махалля – квартал.

жилплощадью. За справками обращаться в отдел кадров до 2 часов дня. Дирекция».

Значит, опять засияло моё солнышко. Артистом я стану в два счёта. Петь умею, плясать тоже. Не пройдёт и месяца, как моё имя загремит на всю республику, на весь Советский Союз. Зря жаловался на судьбу – я самый счастливый человек на свете!

Круглые электрические часы, висевшие на столбе, показывали без десяти минут два.

«А вдруг я опоздаю и моё место займёт кто-то другой? – подумал я со страхом. – Такого не должно случиться. В путь, Хашимджан, в путь!» Мне, наверное, позавидовал бы любой олимпийский чемпион по бегу – так быстро мчался. Без пяти минут два я стучался в дверь, обитую чёрным дерматином. Я решил, что лучше поговорить с самим директором, чем идти в отдел кадров. Так будет вернее.

В кресле за столом сидел маленький человечек, примерно на одну-две пяди ниже меня, наверно, одного роста с Хасаном, сыном дяди Саида. Сидит директор в кресле, а от ног его до пола около полуметра расстояния. Пышная чёрная борода закрывает всю грудь и исчезает где-то под столом. «Неужели этот Карабас тут директором?» – подумал я с удивлением.

– Чем могу служить? – оглушительно громко произнёс маленький человечек.

– Простите, мне директора...

– Я и есть директор театра.

– Знаете... это... я пришёл наниматься на работу.

– На какую работу?

– На обыкновенную работу. Артистом. По объявлению. Директор помахал ножками, помахал и кое-как опустился на пол. Обойдя стол, подошёл ко мне.

– Театр наш служит самому юному зрителю, брат мой, – начал он не спеша. – Это правда. Но хотя зрители наши – детишки, брат мой, в театре работают вполне взрослые, серьёзные люди. Артисты по образованию и призванию. Как видите, мы не сможем принять вас на работу. Вы для этого слишком молоды, брат мой. И театрального образования у вас, конечно, нет.

Директор перевёл дух, погладил бороду и продолжал, глядя куда-то в окно:

– Люди вашего возраста, брат мой, наше дело представляют как одно сплошное удовольствие. Им подавай славу, цветы и аплодисменты. А в сущности, жизнь актёра – это адский труд. Талант плюс труд. Кропотливый, изнурительный труд. Прежде чем мечтать об искусстве, брат мой, надо уяснить себе, есть ли у тебя способности. Ведь не всякий человек сможет войти в образ собаки, коровы или козы...

– Это я-то не смогу войти? Да я лучше любого вашего артиста умею лаять, блять и мычать!

Директор подошёл к своему столу, вскарабкался в кресло и некоторое время сидел, склонив голову набок.

– Тогда давайте попробуем, брат мой, – сказал он потом. – Проляйте-ка собакой.

– Какой собакой?

– Например... например, вы старый, паршивый пёс...

– Кто, я пёс?!

– Да, да. Вы старый, паршивый пёс. Целыми днями лежите на улице у ворот, греясь на солнышке, ни на что не обращаете внимания. Вам всё надоело, всё приелось. Но дети, бегающие на улице, беспрестанно докучают вам. То привяжут к вашему хвосту пустую консервную банку, то дёрнут за вашу вонючую шерсть. Всё это вы терпеливо сносите, потому что привыкли к шалостям детворы. Но вот какой-то прохожий зазевался и наступил на ваш грязный хвост. Скажите, что вы тут сделаете?

– Я подниму морду, прорычу «ыр-р-р-р!» и останусь спокойненько лежать на месте, – ответил я не задумываясь.

– Bravo! Видно, есть в вас божья искра, брат мой! Немного подзаняться, и будет у театра

неплохая собака.

Потом меня прослушал Акыл Тургунов, главный режиссёр театра. Он собирался поставить пьесу, где собака играет одну из главных ролей.

– Старик, пролайте собакой, у которой недавно родились щенята, – попросил Акыл Тургунов.

Я пролаял.

– Нет, не так, – покачал головой режиссёр. – Вы не передаёте материнскую ласку и нежность, старик. Повторите, пожалуйста. Я повторил.

– Не годится, – махнул рукой Тургунов. – Вы не вживаетесь в образ, старик.

– Я вживусь, вот увидите! И ласку передам, и нежность – всё, что хотите! Только не отказывайтесь от меня!

Акыл Тургунов близко поднёс свой острый нос к моему уху.

– Выслушайте меня внимательно, старик, – зашептал он горячо. – И всё, что услышите, зарубите себе на носу. Наш театр переведён на хозрасчёт. Если касса пуста – пусто и в наших карманах, понимаете?

Я кивнул.

– Если мы выдадим слабый спектакль, если наши актёры будут играть кое-как, то зритель к нам больше не пойдёт. Кто останется в накладе? Мы с вами. Спектакль должен быть живым, интересным и реалистичным. Услышав лай собаки, зритель не должен думать, что это лает Хашимджан Кузыев. Он должен думать, что это лает настоящая собака. С четырьмя ногами, с хвостом и пастью. Вы меня понимаете, старик?

– Понимаю.

– В таком случае, старик, идите и репетируйте. Встретимся через неделю.

Итак, меня приняли на работу. С месячным испытательным сроком. Зарплату обещали выплачивать сдельно. Место в общежитии дадут через месяц, если зачислят в штат.

А пока посоветовали снять комнату. Мне это было на руку, потому что в общежитии я не смог бы репетировать.

Теперь всё зависело от меня самого.

С помощью волшебной шапочки я разыскал не комнатку, а небольшой дом с двориком, на окраине города. Прибыв к калитке дощечку с надписью «Осторожно, во дворе злая собака!», приступил к репетициям.

В день я вживался в образы нескольких собак. В первой половине скулил, как голодный, осиротевший щенок. Потом лаял собакой, которая защищает своих детей. Во второй половине дня, и особенно по ночам, выл страшным голосом волкодава.

Спал я не на кровати, а у дверей, постелив под себя ветхий тюфячок. Научился просыпаться от малейшего шороха, как настоящая собака, и выть на луну.

Мои старания не прошли даром. Режиссёр слушал, как я лаю и вою, и с удовольствием жмурил глаза. Потом хлопнул меня по плечу и радостно воскликнул:

– Да вы гениальный артист, старик!

Наконец выпустили на сцену. Как договаривались, мне заплатили сдельно: сказал один раз «Гав!» – две копейки, два раза гавкнул – четыре копейки. На первом же спектакле я нагавкал на три рубля семьдесят четыре копейки. «Если и дальше буду так хорошо зарабатывать, – думал я с радостью, – то в конце месяца пошлю домой посылку с гостинцами».

Но не знал я, что на земле ещё существует чёрная зависть и что некоторые люди могут позавидовать даже собаке.

Работал у нас человек по имени Карим. Его причёска походила на гнездо цапли. И ноги были длинные и тощие, как у цапли. Так вот, этот Цапля почему-то с первого взгляда

возненавидел меня. Когда зрители аплодировали мне, он с отвращением затыкал уши. Когда Акыл Тургунов хлопал мне по плечу и говорил: «Молодец, старик!» – он отплёвывался и убежал со сцены. «Я ему ничего плохого не сделал, – думал я. – Если не любит, пусть не любит?!» Не знал я, что он пойдёт на подлость.

– Вас вызывает директор, – прибежала однажды секретарша Мирагзамова.

– У меня репетиция, – отмахнулся я. – Потом зайду.

– Нет, он требует сию минуту.

Войдя в кабинет директора, я поздоровался. Мирагзамов не ответил. Его нахмуренные брови, колючий взгляд не обещали ничего хорошего. Но я не волновался, потому что ни в чём не был виноват.

– Кузыев, почему вы компрометируете доброе имя своего учреждения?

– Компро... компром... – Я не смог выговорить этого мудрёного слова и простодушно спросил: – А что это значит товарищ Мирагзамов?

– Человеку, позорящему свой коллектив, следовало бы знать, что оно значит, – проворчал директор. – А мы-то думали, вырастим из вас настоящего артиста.

– Что я такого сделал? – прошептал я со страхом. Мирагзамов молча нажал на кнопку и вызвал секретаршу.

– Пригласите Карим-аку...

Через минуту Цапля стоял у директорского стола, подобострастно положив руку на сердце.

– Каримджан ака, расскажите-ка нам то, что вам известно о недостойном поведении Хашимджана Кузыева.

– Расскажу, с удовольствием расскажу...

Я слушал круглые, скользкие слова и будто медленно-медленно погружался в кипяток. Нагло улыбаясь, Цапля говорил, что я вожусь с компанией тёмных личностей. Будто после работы мы с ними собираемся в чайхане, в складчину готовим плов и пьянствуем. Будто, напившись, я говорю, что во всём нашем театре нет ни одной живой собаки, ни одной птицы, и советую лучше ходить в зоопарк, где все звери настоящие, чем зря тратить деньги на спектакли нашего паршивого театра!

Я был до того ошарашен, что не знал даже, как оправдаться. Ну чем я могу доказать, что ни в какую чайхану никогда не ходил, ни с какой компанией не водился? Кто поверит мне?!

Директор пригрозил, что выгонит в три шеи, если не одумаюсь, не исправлю своё поведение, и отпустил меня.

Злорадно ухмыляясь, следом за мной вышел Цапля.

– Что вас заставило так поступить? – спросил я, дрожа от негодования. – Ведь всё это чистая ложь!

– Что заставило, говоришь? – засмеялся Цапля. – Ложь, говоришь? Конечно, ложь! А сделал я это просто так. Гляжу, чересчур уж ты выдвигаться стал. Дай, думаю, остановлю парня, пока не поздно.

– Позавидовали, значит? Хотите, чтобы только вам было хорошо?

– А как же, кхе-кхе! Хорошо ли, плохо ли другим – мне наплевать. Важно, чтобы самому было хорошо. А что, если тебя вдруг назначат на моё место?! Вот я и постарался тебе навредить.

– Вы негодяй! – сказал я, сжимая кулаки. – И вы ещё поплатитесь за свой поступок!

Вечером должна была состояться премьера пьесы, в которой я играл главную роль – собаку, конечно. Этот спектакль мы готовили давно и тщательно, потому что Акыл Тургунов почему-то считал его своей лебединой песней.

Действие происходит на широком зелёном пастбище. Мирно пасутся овцы. Я неотступно

следую за молодым чабаном, трусь о его ноги, иногда гоняюсь за разноцветными бабочками. В полдень овцы укрываются в тени. Молодой пастух, оставив меня стеречь отару, уходит в аул. Он учится в вечерней школе, решил сходить за учебниками, чтобы приготовить уроки во время работы. Это ведь полезнее, чем играть на свирели.

Беззаботно светит весеннее солнце. Высоко в небе заливается жаворонок. Всё кругом мирно и спокойно. И вдруг появляется волк – Карим-ака, то есть Цапля. Стуча зубами, он подползает к маленькому ягнёнку и раскрывает страшную пасть:

– Я тебя съем!

– Капла-ан, помоги-и! – кричит ягненок.

Я бросаюсь на помощь. Между мной и волком начинается борьба. Я бьюсь, не жалея сил, но волк постепенно одолевает меня.

– Каплан, держись, друг! – раздаётся тогда голос ягнёнка. – В твоих руках моя жизнь!

Эти слова возвращают мне потерянные силы, и я перегрызаю врагу горло.

...Зрительный зал набит битком. Играет тревожная музыка. Все чувствуют, что сейчас случится нечто страшное. Не чувствует этого только молодой пастух. Беззаботно потрепав меня по шее, он вприпрыжку убегает в аул, и на сцену выползает голодный волк.

Не дожидаясь, пока ягненок крикнет о помощи, я надел шапку и кинулся на врага. Цапля не видел, кто кусал ему руки и ноги, кто угощал здоровенными пинками и тумаклами.

– Помогите! – завопил он, прикрывая лицо руками. На сцену выбежали несколько артистов. Но я вскочил на плечи Цапли и продолжал тузить его сверху и кричал:

– Будешь ещё клеветать на честных людей?

– Клянусь честью, никогда не буду! Помогите, помогите!

Зрители вначале с интересом смотрели, как воет и мечется серый волк, а потом, почуяв неладное, стали пробираться к выходу. Опасались, наверно, что волк сошёл с ума. А тут ещё я соскочил с плеч Цапли, и он с дикими воплями кинулся прочь со сцены. Через секунду зрительный зал опустел...

Пустым он был и на первый, и на второй, и на третий день. Автор пьесы, который присутствовал на премьере и теперь видел пустующий зал, вычеркнул из произведения образы Каплана и серого волка. Я остался без роли.

– Ничего не могу поделывать, брат мой, – разводил руками Мирагзамов. – Драматург сам сократил вашу роль.

– Тогда дайте мне другую роль, не собачью...

– А справитесь ли? – усомнился директор, но попытаться разрешил.

Три дня бились мы с главным режиссёром, перепробовали роли коров, птиц, лошадей, бегемотов, крокодилов, мартышек – ничего не вышло. На четвёртый день Мирагзамов пригласил меня к себе.

– Вы юны, друг мой, – начал он издали. – Не лишены способностей. Много ещё ролей сыграете. И баранов, и коров, и соловьёв – будьте уверены. Но пока вам придётся оставить сцену. Мы пошлём вас учиться.

– Учиться? – вскричал я в ужасе.

– Да, получите образование, тогда приходите... Откуда чего взялось, я разом простонал шакалом, завыл псом, зарычал львом и кинулся в дверь...

ГДЕ ТЫ, РОДНОЙ МОЙ ДОМ?

Вот так бесславно и позорно пришлось бежать из театра. Пусть бы Мирагзамов назначил меня контролёром, рабочим сцены – я бы и не пикнул. Но он, видите ли, придумал: «Пошлём вас учиться!» Чего придумал! Почему это я должен учиться, если твой театр не имеет пьесы с обыкновенной собачьей ролью? И вообще, если ты директор, люби своих подчинённых, сам воспитывай их, закажи для них пьесу с необходимой ролью, а не гони людей учиться. Господи, есть ли на свете человек, который бы любил меня и жалел?!

Правда, мама меня любила. И сестрёнки тоже. Я это знаю. Наверное, именно потому очень скучаю по ним. Да и с рыжим Артыком, и с соней Шакиром, и с Головастиком Арифом повидался бы с удовольствием. Я ушёл от них, чтобы стать знаменитым человеком. Бился и боролся, всячески страдал желая доказать своё. И у меня ничего не вышло. Хоть ты скажи, моя дорогая шапочка, почему мне ни разу не повезло за всё время моих скитаний?

– Знаний тебе не хватает, Хашимджан, во всём, за что бы ты ни брался...

– Что ты сказала, дорогая?

– Да, да, Хашимджан, лучше бы тебе послушаться мудрых наставлений Кабулова и уважаемого директора Атаджана Азизовича.

– И ты это всегда знала, шапочка-волшебница? Выходит, дорогая, ты, попросту говоря, водила меня за нос?

– Нет, Хашимджан, я не водила тебя за нос. Я верой и правдой служила тебе. Скажи, разве я не помогала тебе в трудные минуты? Разве не спасала от опасностей? А что я ещё могла сделать? Волшебства моего хватало только на это. Я и сама, наивная душа, верила, что ты кое-чего добьёшься с моей помощью. Во времена, когда я помогла бедному пастуху, у которого падишах отобрал невесту, это было ещё возможно. А нынче, оказывается, не обойтись одним волшебством, нельзя и шагу сделать без знаний, Хашимджан. Это я теперь очень хорошо поняла. Думаю, и тебе пора усвоить эту истину, дорогой мой мальчик.

Ошибся, значит, ошибся. Понять это можно. Но с каким лицом пойдёшь к Кабулову или Атаджану Азизовичу и признаешься в своей ошибке? Легче в трескучие морозы в прорубь нырять, в июльский зной целую неделю жить без воды или пешком до самой Москвы идти. Но этого никто не требует. И признания своих ошибок никто не требует. Живи как хочешь, броди по белому свету, но тогда и не жалуйся, что нет тебе удачи, что на твою бедную голову сыплются одни несчастья.

Я решительно поднялся, тщательно вымыл уши и шею, надел чёрный костюм, подаренный дядей Саидом, и поехал в Центральный универмаг. Голова моя работала, как хорошо смазанная машина.

Домой с пустыми руками не приедешь. А денежки у меня есть, поднакопил за время работы в детском театре.

Первым долгом купил подарок маме: шёлковый платок. Потолкался в очереди и достал папе неплохую вещь – мотоциклетные рукавицы на меху. Кудрявой Донохон раздобыл белую капроновую ленту, а Айшахон – синтетическую папку для тетрадок.

Не забыл я и уважаемых учителей. Атаджану Азизовичу купил на память шариковую ручку, а Кабулову, как математику, – счётные палочки.

Потом я вспомнил, что скоро сентябрь и нужны учебники за седьмой класс. Кроме книг, я купил штук тридцать общих тетрадей. Пригодятся. Может, когда-нибудь напишу книгу о своих странствиях. А пока прощай, родной город. И вы прощайте, поэты в фетровых шляпах, и вы, остроумные, беззаботные артисты, прощайте! Счастливо оставаться, дорогой Саид-ака! Я перед вами виноват. Очень виноват. Но когда-нибудь оправдаю ваше доверие, Саид-ака. Вот увидите...

Поезд будто чувствует, как я спешу домой, летит вперёд, словно птица. Мимо проносятся хлопковые поля, яблоневые сады, селения... Телеграфные столбы не отстают от поезда, бегут рядом, словно решили провести меня до самого дома.

«Я бегу-у! – кричит радостно тепловоз. – До-мо-ой!» Вот и станция. Отсюда до нашего кишлака рукой подать. Но я не бегу домой, потому что надо решить, как быть с волшебной шапочкой. Если я возьму её с собой, могу не удержаться и опять натворю что-нибудь. А выбросить – жалко. Лучше всего, конечно, отнести туда, где я её нашёл.

– А как ты сама думаешь, дорогая?

– Правильно, Хашимджан. Выбрасывать меня не надо. Кто знает, может, я ещё и пригожусь тебе. Или кому-нибудь другому...

С чемоданом в руке я подошёл к заброшенной лачуге на окраине нашего кишлака.

– Прощай, моя дорогая шапочка! – Я прижал её к груди и поцеловал.

Она тоже чмокнула меня в щёку:

– Прощай, мой весёлый друг Хашимджан! Уже темнело, когда я добрался до дома. Открыв калитку, увидел сестрёнку Донохон. Она шла из сарая, несла охапку дров. Я ласково окликнул её. Вместо того чтобы кинуться мне на шею, она с грохотом бросила поленья и испуганно завопила:

– Ой, мамочка! Привидение явилось, привидение! С половником в руке выскочила из кухни Айшахон.

– Где, где? – крикнула она, а потом тоже завопила: – Привидение, привидение!

– Чего вы разорались? – удивился я. – Какое я вам привидение? Я ваш родной брат Хашимджан!

– Не может быть! Откуда ты явился?

– С того света! – крикнул я, совсем выходя из себя.

– С того света! Он явился с того света! – запищали сестры и сломя голову бросились на

улицу.

Под навесом стоял запылённый мотоцикл. Значит, папа дома. Во дворе ничего не изменилось. Только цыплята, которых я морил голодом, стали большими курами. Они высовывали головы из загородки птичника и тихо кудахтали. Опять, мол, явился, вражина...

– Покажите мне его! – раздался вдруг родной голос мамы. – Обниму хоть привидение моего ненаглядного мальчика! Где ты, Хашимджан мой?

– Мама!

– Хашимджан! Ты ли это, сынок, не во сне ли я тебя вижу?

– Мама, вы тоже думаете, что я – привидение? Я это! Я, ваш сын Хашимджан Кузыев!

– Как же мне не узнать тебя, свет очей моих! Радость моя!

Вскоре прибежал папа, собрались соседи. Все обнимали меня, целовали, а папа зарезав барана в честь моего возвращения. Я с удовольствием ел шашлык из свежей баранины и рассказывал о своих похождениях. Я чувствовал, что всё это в прошлом, что теперь начинается новая жизнь, но какая она будет, я ещё не знал. О ней – другой рассказ.

Часть вторая. ВЕРХОМ НА ЖЁЛТОМ ДИВЕ.

РАСПЛАТА, ИЛИ АМЕРИКАНСКИЙ ФОКУС

До чего же я рассеянный: столько порассказал о себе, а описать свой родной кишлак не догадался. А вдруг вы захотите приехать ко мне или решите письмецо отправить, тогда что? Ни адреса, ни даже названия нашего кишлака не знаете.

А называется он Ходжакишлаком. Говорят, ходжей здесь раньше очень много было. Со всех концов долины сюда стекались. Провинятся у себя на работе в мечети – и бегут к нам. Дела плохо пошли – опять к нам. Вот и прозвали наше селение Ходжакишлаком. Ходжа – это паломник. Так раньше называли людей, совершивших паломничество в Мекку на поклонение праху пророка Мухаммеда. Считалось, что поклонись один разочек этому праху и сам станешь вроде святого.

Наш кишлак не Мекка, но к нам тоже приходили. Сказать правду, у нас есть место, которому можно поклоняться. Это могила Узункулака. Дед в ней один похоронен, верующие святым его считают. Находится она в двух-трёх километрах от Ходжакишлака. Недалеко от гор, там и базар районный близко.

Узункулак – это значит «длинные уши»; но почему святого так прозвали, я не знаю, а спросил у бабушки, так она вместо того, чтобы объяснить про уши святого, вцепилась в мои уши.

– Не твоё это дело, безбожник! Лучше бы стал со мной рядом и помолился святому из святых.

– А зачем? – спросил я. – Зачем мне молиться?

– Кто от души поклоняется святому Узункулаку, тот достигает исполнения всех своих

желаний.

– И отличником станет?

– Конечно, станет. И давай не болтай много! Мешаешь мне...

Она добрая, моя бабушка, но очень строгая. Специально переехала к нам, чтобы, как она сказала, собственноручно заняться моим воспитанием. К тому же маму на всё лето послали в Ташкент, на какие-то курсы повышения квалификации. Она и Айшахон забрала с собой.

Папа, как вы сами знаете, работает в Мирзачуле, дома бывает от случая к случаю. И ещё, оказывается, нрав у меня бедовый, боятся, что, не ровён час, опять убегу из дома. «За мальчиком нужен глаз да глаз!» – твердит бабушка всему кишлаку. Но зря она боится. Убегать я пока больше не собираюсь, хотя живётся мне нынче не сладко. Посудите сами: на улицу нельзя, громко засмеяться нельзя, поспать подольше нельзя... Даже телевизор включить нельзя! Бабушка говорит, что телевизор от нечистого и что нам худо будет на том свете перед судом аллаха. Я понимаю: дело тут не столько в аллахе, сколько во мне. И потому спрашиваю с наивным видом:

– Бабушка, а за что аллах будет нас судить? Ты-то ведь не смотришь телевизор?..

– Помолчи, пустоголовый! Иди лучше уроки учи, второгодник.

«Уроки учи!»! Легко сказать! На дворе лето, каникулы, все отдыхают, гуляют, купаются, рыбачат, а ты сиди зубри уроки. Да ещё за шестой класс. В седьмой-то меня не перевели. Сказали, полгода гулял, касот... катост-рофически отстал. Так и не пригодились учебники, которые привёз из своих странствий по белому свету.

Я, конечно, особо не убиваюсь, по сидеть понемногу за книжками приходится. Для виду. А то какое же это будет «перевоспитание»?! Человек специально ради тебя приехал, распорядок составил, а ты его не уважишь... Всё бы это не так страшно, если...

Я вам ещё не говорил, что у меня этим летом появилась одна странная и совсем мне ненужная «обязанность»? Вот слушайте, что это такое.

Не успею я покричать (для бабушки) всякие там «а-прим, б-прим» и захлопнуть книгу, она тут как тут:

– Садись, теперь будешь учить «Кулху обллоху ахад». От шайтановых наваждений очистишься.

«Кулху обллоху ахад» – это такое стихотворение. Из Корана. Бабушка говорит, что его сочинил тот самый Мухаммед, который будто бы жил некогда в городе Мекке и к которому потом, после его смерти, люди стали ездить на поклонение. Правда это или нет, что он был ещё и поэтом, – я не знаю, но слова его стихотворения не легче запомнить, чем алгебраические формулы. Сколько ни зубри – тут же вылетают из головы.

– Бабушка, а может быть, Мухаммед не сам написал эти стихи? Списал у кого-нибудь, а?

Этого достаточно, чтобы бабушка кинулась драть мне уши. А я только того и жду: тотчас вылетаю в сад, крича на ходу:

Абдурайи-и-и-им,
Мадрайи-и-и-и-им,
Хвост телячи-и-и-ий,
Нос бычачи-и-и-и-ий!

Абдурайим и Мадрайим – мои одноклассники. Вернее, бывшие одноклассники. А когда их имена громко тянешь, получается точь-в-точь стихи Мухаммеда. Вы б видели, как при этом бабушка выходит из себя!

– Подожди ты у меня, пустоголовый! Вот приедет папа, всё ему выложу – он тебя за ноги

повесит!..

– Пусть вешает. Мне всё равно. Даже лучше будет. Не буду тут мучиться и с Мухаммедом поговорю лучше о том, что такое верлибр. – Это я ещё от встречи с поэтами помню о верлибре.

Я перелезаю через забор, а бабушка кричит вдогонку:

– Ну погоди, я выбью из тебя всю дурь, станешь ты у меня человеком!

Хорошо, что бабушка любит ходить по соседям. Тогда я вволю отвожу душу. Прыгаю, кричу, пою, танцую. А иногда, как вот сейчас, хожу на руках. Сестрёнке Донохон это очень нравится, и мне тоже развлечение и разминка.

И сегодня этим занимался. Только дошёл до калитки, вижу: Закир идёт по улице. Вернее, плетётся. Плетётся и спит. Он вообще такой, Закир, вечно спит. Сам. мой ровесник, а с виду – будто в десятом классе учится. Здоровенный малый, но храбрости – ни капельки. Он даже девчонок боится. Они знают это и нарочно задирают его. Закиру бы только поспать. Вы даже не поверите, если я расскажу, как однажды он уснул на бревне, по которому мы ходили на уроке физкультуры. Шёл, шёл, остановился вдруг и уснул. А когда учитель растормошил его, похлопал глазами и говорит:

– Я не спал... просто отдохнул немного.

Увидев меня, Закир несказанно обрадовался.

– Дружище, а я-то тебя и не заметил! – воскликнул он. Подумал немного, потом спросил: – А почему ты так... вверх ногами стоишь?

Не дожидаясь моего ответа, Закир вытащил из кармана большой зелёный огурец и протянул Донохон.

– А ты не хочешь? – вытащил он ещё один.

– Давай! – Я сделал сальто и встал на ноги. – Куда ты идёшь, Закирджан?

– Уроки готовить, – кивнул он на книжки, которые держал под мышкой.

– Какие уроки? – удивился я. – Сейчас же каникулы...

– А ты разве не слышал, дружище?..

– Про что?

– Переэкзаменовка у меня на осень, – вздохнул Закир. – Буду пересдавать родной язык, алгебру... и ещё русский язык. Завуч сказала, что мальчик я не бестолковый, но будто бы надо немного позаниматься летом, и тогда стану успевающим.

– Да ты знаешь, сколько ещё до осени?! – воскликнул я. – Целых три месяца! Сейчас всё выучишь, а к осени позабудешь.

– Я тоже так думал, Хашимджан. Но мама сказала, что не даст мне спать, если я уже теперь не начну готовиться к экзаменам. Холодной водой пригрозила обливать. Но ты же знаешь, дружище Хашимджан, не могу я не спать! Хочешь ещё огурец? Бери, у меня много. Полные карманы набил. Ну я пошёл, Ариф меня ждёт. Я ведь его буксир...

– Буксир? Какой ещё буксир?

– Ну, Ариф должен меня вперёд тащить. К экзаменам готовить.

Опять разговорились. Закир забыл, что ему надо идти. Мы сели на деревянную скамеечку возле калитки, и он, позёвывая, долго рассказывал о своём житье-бытье. Потом опять вспомнили об осенних экзаменах. Обсудив этот вопрос, мы решили, что это гиблое дело – осенние экзамены. Если человек получил плохие отметки по трём предметам, значит, фундамент его знаний непрочный, и не учти ты этого сейчас, в седьмом классе опять провалишься. В восьмом будет и того хуже, а к десятому совсем профаном станешь. Лучше лишний годик посидеть в шестом, укрепить фундамент. Тогда всё пойдёт как по маслу: с лёгкостью отличником станешь, может, и старостой изберут, все уважать будут...

Закир глубоко задумался. Так глубоко, что я заглянул ему в лицо: не спит ли мой дружок.

– Путешествуя по родной стране, – сказал я, – встретил я парня. Он был таким умным, таким умным, что я не могу даже описать, каким он был умным. Почему, спрашиваешь? Да потому, что он, оказывается, в каждом классе сидел по два года. А в шестом классе – целых три года.

– Правда? – удивился Закир.

– Ей-богу! – поклялся я. – Если хочешь, мы тоже ещё по годик поучимся в шестом. Вместе. Займём парту на «камчатке», уроки на пару будем делать. Спать захочешь в классе, положи голову мне на колени и храпи на здоровье...

– Дай руку, дружище! – вскричал Закир, вскакивая с места. – Железное слово?

– Железное.

Мы крепко обнялись и поклялись в вечной дружбе.

– Теперь мы с тобой как родные братья! – воскликнул я радостно и вдруг вспомнил, что бабушка велела нам с Донохон нарвать в саду персиков, вынуть из них косточки и выставить на крышу сушиться. – Пойдём, Закирджан, докажем всем, что мы не лодыри и не лентяи.

И Закир доказал, что он не лодырь и не лентяй – работал за троих. За какой-то час мы оборвали все персики и подняли на крышу.

– А теперь будем разламывать их и вынимать косточки? – спросил Закирджан.

Солнце висело над самой головой, я весь взмок. Поэтому предложил:

– Если хочешь, можем отдохнуть, Закирджан?

– Я не устал, дружище. Воды, правда, выпил бы с удовольствием...

– О-о, это я мигом устрою. Айран тебе сделаю... Айран приготовить проще простого: взял кислого молока или простокваши, взболтал хорошенько и разбавил холодной водой. Напиток получается – куда до него всяким лимонадам!

Сделать-то айран просто, да не удалось мне угостить своего друга. Меня самого угостили. И не айраном. Вот послушайте, что вдруг приключилось.

Только было я спустился с крыши, слышу, на улице голосочек звенит. Знакомый голосочек моего уважаемого соседа Ариффа. Я его уже сто лет не видел. Почти со дня возвращения из странствий.

Арифф шёл, заложив за спину руки, с гордым и умным видом. «Смотри, как нос задрал, – подумалось мне, – будто только он один-единственный на всём свете будет учиться в седьмом классе!» Но я всё же окликнул его:

– Здорово, Головастик!

Арифф кинул на меня невидящий взгляд, словно никого рядом и не было, но остановился.

– Куда топаешь, Головастик?

– Не твоё дело! – ответил он, подбоченившись. – Сам знаю, куда иду.

– Пожалуйста, иди куда хочешь, мне-то какое дело! Я спросил просто так.

– Знаешь, а я в лагерь ездил! – вдруг оживился Арифф и шагнул ко мне. – Ты не представляешь, как там было здорово. Купались, загорали, в горы ходили, в волейбол играли...

– Подумаешь, важность какая!..

– Скажи лучше, что тебе завидно! В лагерь ведь посылают только успевающих, а таких, как ты, и к воротам не подпустят.

Эх, любит же хвастаться этот Арифф! О чём бы ни говорил – «я» да «я»! Даже если кто отлупит его, гордо бьёт себя в грудь и хвалится, что это он поколотил.

– Видно, Головастик, видно, что не многому тебя научили в твоём хвалёном лагере! – сказал я спокойно, хотя руки у меня здорово чесались. – Всё такой же хвастун!

– Кое-чему научили! – гордо вскинулся Арифф. – Я теперь запросто американский фокус показать могу!

– Американский фокус? Может, мне покажешь? Арифф покачал головой:

– Нет, тебе не покажу. Нельзя.

– Почему нельзя?

– Плакать будешь.

– Это я-то плакать?!

– Да, ты.

Я смеялся минут пять, пока не заболело в животе. Ариф терпеливо ждал, когда я успокоюсь.

– Хорошо, – сказал он потом, – если дашь слово, что не заплачешь, так и быть, покажу тебе американский фокус. Принеси-ка из дома платок и верёвку. Да смотри, чтобы крепкая была верёвка!

Я мигом слетал за платком и верёвкой.

– Теперь повяжи себе платком глаза, – приказал Ариф. – Чтобы ничего не было видно.

Я повязал. После чего Ариф стянул мне руки назад и тоже крепко связал их.

– А это зачем? – поинтересовался я.

– Не торопись, увидишь. Становись на колени.

Я стал на колени.

– Ты меня бил в прошлом году? – спросил Ариф ни с того ни с сего.

– Я же потом просил прощения...

– Нет, ты скажи, бил или нет?

– Бил. Чего сейчас об этом говорить! Ты давай показывай свой фокус, Головастик!

– Вот тебе «фокус»! Вот тебе «Головастик»!

От первого же удара я упал на землю и беспомощно барахтался, пока Ариф не спеша колотил меня. Я даже кричать не мог, потому что в рот набилась целая пригоршня песка. Всё бы это ничего, но вот меня вдруг шибануло что-то большое, твёрдое. Раздался испуганный вскрик:

– Ах ты, хулиган!..

Кто-то развязал мне сначала руки, потом глаза. Надо мной стоял Адылов, учитель из нашей школы. Его велосипед, с вздыбленными спицами и согнутым ободом, валялся рядом.

Адылов молча смотрел на меня.

Я сплюнул песок, попытался встать. Болели те самые рёбра, которые мне поломали футболисты, на них, видно, и наехал Адылов на своём велосипеде.

Вокруг нас собрались люди. И все начали говорить, что я, мол, расту хулиганом, что мама и папа очень избаловали меня, что если и дальше так пойдёт, то страшно даже представить, кем я стану. Я попытался объяснить, что не виноват, что ничего плохого не делал, что это Ариф показывал фокус. Но только масла в огонь подлил. Даже бабушка, которая прибежала от соседок, накинулась на меня. А Ариф стоял в сторонке и исподтишка показывал язык.

– Это твой платок? Это твоя верёвка? – спросил кто-то. – Почему ты сваливаешь свою вину на других?

– Это у него американским фокусом называется, – вставил невинным голосом Ариф.

– Вы, товарищ Адылов, поднимите о нём вопрос, – предложил кто-то. – Стоит ли этого Хашима держать в школе?..

Я еле сдерживал слёзы. Меня обманули, меня избили, наехали велосипедом на мои больные рёбра – и я же во всём виноват. И надо ведь, чтобы наехал на меня именно Адылов, учитель из нашей школы! Опять всё станет известно Атаджану Азизовичу. «Как?! Снова Кузыев! – с горечью скажет он. – Горбатого, видно, могила исправит, гнать придётся его из школы, гнать!» Бабушка до вечера ни словом не обмолвилась. А вечером, как нарочно, папа приехал.

– Ты или приструни своего Хашима, или я оболуюсь керосином и подожгу себя!

– вдруг заявила бабушка.

Папа ответил не сразу. Отхлебнул из пиалы глоток чаю, потом ещё глоток. А я весь съёжился, лежу, смотрю на мерцающие на небе звёзды, потираю ушибленные бока и мысленно заклинаю папу: «Неужели ты тоже против меня, папочка? Неужели ты тоже захочешь, чтобы меня выгнали? Защити же меня, защити, папочка!» Ведь я так хотел доказать, что тоже могу учиться хорошо, что и я способен на хорошие дела...

– Если хочешь поджечь себя, лучше облиться бензином, а не керосином, – сказал наконец папа.

Вот так. Он не испугался, не стал отговаривать бабушку, а взял да ещё и посоветовал, как лучше исполнить свою угрозу. Потому что бабушка уже больше ста раз обещала поджечь себя. Услышав папины слова, она так и взорвалась:

– Что за шуточки?! Я тебе дело говорю, а ты смеёшься...

– Какой тут смех? – удивился папа. – Судьба ребёнка – не шуточки! Чего вы все пристали к мальчику? «Это хорошо, это плохо»! Да вы с ума его сведёте! Нельзя всё время крутить баранку машины в одну сторону – авария будет. А Хашим парень вполне нормальный. Вот, например, помогает вам даже по хозяйству. Персики сегодня собрал. Правда, немного озорной, но ведь на то он и мальчишка!

– «Помогает по хозяйству»! Лучше бы уж вовсе не помогал! Ты поднимись на крышу, посмотри: все до одного персики пообрывал. И спелые, и зелёные. Помогает он!

– Ничего. Человек не сразу учёным рождается. Придёт время – узнает, как надо работать. Ты вспомни, мать, разве я был пай-мальчиком? А теперь? Правда, я не профессор и не академик какой-нибудь. Простой тракторист, но меня все уважают. И я имею всё, что нужно человеку: семью, дом и Друзей хватает... Да, чуть не забыл, у меня сегодня радость!..

– Что за радость? – взволнованно перебила его бабушка.

– За хорошую работу на целине решили премировать. Меня и Касымова. Машинами «Москвич».

– Машиной? – недоверчиво развела руками бабушка. Я готов был закричать «ура», расцеловать папу, а заодно и бабушку, но в этот момент раздался голос:

– Извините, пожалуйста, наш Закир не заходил к вам? Я крепко закрыл глаза: это был голос матери моего друга, Закирджана. Занятый своими бедами я совсем забыл о нём. Опять мне влетит, если он уснул на нашей крыше...

– Я здесь, мамочка, здесь... – раздался вдруг сонный голос Закира. – Я не спал, просто полежал в саду. Учил, учил уроки, голова разболелась, вот и полежал немного...

– Пойдём, пойдём, дома расскажешь, как ты учил уроки. Я внимательно выслушаю тебя! – пообещала мама Закира.

– Видишь, у каждого – своё! – сказал папа, обращаясь к бабушке, и засмеялся.

АППАРАТ ОТ СГЛАЗА

Попробуй усиди дома, если тебе запрещено выходить на улицу. Будто тысячи голосов зовут, манят, какие-то невидимые руки подталкивают сзади. «Иди, иди, – говорят они, – поиграешь, побегаешь с ребятами, к Закиру заглянешь. Может, и ему твоя помощь нужна. Ведь вчера, пока ты занимался „фокусами“, он работал!»

– Чего ты носишься, как курица с яйцом?! – прикрикнула бабушка.

– Ничего и не ношусь... Просто мне стыдно, бабушка. Вчера пообещал Закиру помочь прополоть морковь, а помочь, наверное, не смогу. Надо дома сидеть...

Бабушка внимательно посмотрела на меня, потом отвернулась и сказала, вздохнув:

– Обещал – так иди, чего торчишь тут!

Ах, моя любимая бабушка! Никогда не знаешь, что она сделает. Может и уши надрать, и конфетами угостить, и молитву учить приказать, и погулять отпустить, когда это тебе запрещено.

Я чмокнул бабушку в морщинистую щёку, вылетел на улицу и чуть не сбил с ног сестрёнку Донохон. Лицо её было мокрое от слёз.

– Кто тебя побил?

– Болит у меня, – сказала Донохон, обеими руками держась за живот. Волосы её были растрёпаны, личико стало маленьким-маленьким и очень бледным. У меня сердце защемило от жалости.

Я осторожно взял сестрёнку под руку и повёл домой.

– Живот... Ой, живот!.. – стонала Донохон. Уложив её на кровать, бабушка спросила, что она ела.

– Ничего... суп... а утром сметану... – ответила сестрёнка слабым голосом.

– Тебя сглазили, внучка, – решила бабушка, приложив ладонь к её лбу. – Беги, Хашим, позови старуху Саро. Я сделал вид, что не слышал приказа.

– Кому говорят?! Беги скорее! – прикрикнула бабушка. Возражать ей теперь бесполезно. Только разозлишь. А эту тётушку Саро я терпеть не могу. Говорят, будто она общается с самим аллахом и он помогает ей излечивать разные болезни. Правда, Кабулов сказал, что она обыкновенная мошенница, дурачит простачков, выманивает у них деньги. Но ведь говорить – одно, а доказать – другое. Ещё никто не доказал, что Сарохон – мошенница. А слава у неё, как у какой-нибудь киноактрисы. Все её знают. Чуть что – бегут к ней, как я вот сейчас. Я-то не сам бегу, меня бабушка заставила. И других, наверно, кто-нибудь заставляет, может, бабушка или дедушка, или старая мать. Добровольно я бы ни за что не пошёл к этой знахарке. Не нравится она мне, и всё тут. И сына её Мирабиддинходжу, не люблю. Он очень жадный. Имеет два велосипеда и никому даже потрогать их не разрешает. В прошлом году я три часа уговаривал его дать разок прокатиться. Не на новом, чешском, а на старом велосипеде. Всего-навсего один круг сделать. Мирабиддинходжа согласился только тогда, когда я отдал ему свой складной перочинный ножик. Взял ножик да ещё заставил поклясться, что сделаю я только один круг и что не сломаю седло, не погну раму, не испорчу окраску, не прокалю камеры... Я и не подозревал, что он подвох подготовил. Оказывается, у велосипеда была поломана одна спица. Мирабиддинходжа сказал, что это я её сломал. Позвал на помощь старшего брата, и они вдвоём здорово нобили меня.

– Подождите, мы ещё с вами поговорим! – пообещал я тогда. Но разговора как-то не получилось. Не люблю мстить...

Сарохон лежала на шёлковых подушках, лениво отгоняя пучком травы назойливых мух.

– Здравствуйте, тётушка...

– Сто лет жизни тебе, молодец! – ответила знахарка, приподнявшись на локтях. – Коли поиграть пришёл, Мирабиддинходжи дома нет.

– У меня сестрёнка заболела. Бабушка велела вас позвать.

– Слава тебе господи! – обрадовалась Сарохон. – Сейчас прибегу, касатик, сейчас!

– Не забудьте захватить свой аппарат от сглаза, – сказал я на всякий случай.

Знахарка громко засмеялась, оторвала от пучка веточку мяты.

– Это райская трава, – сказала она, закатив глаза. – От всех забот и волнений ограждает человека. А врачу я без аппаратов, касатик, без аппаратов, с божьей помощью.

По дороге домой я нигде не останавливался, ни с кем не разговаривал, минуты за две дошёл. Пришёл, а Сарохон уже у нас сидит. Будто на крыльях прилетела. «Кто знает, может, в самом деле ей аллах помогает?» – невольно подумал я.

Сарохон подошла к кровати Донохон и вдруг широко зевнула. Глядя на неё, почему-то зевнули и мы. Потом она опять зевнула. И мы зевнули. И пошло – минут пять зевали все, никто не мог остановиться.

– Принесите свежей золы и гармалы⁹, – приказала Сарохон.

Почитала молитву, свежую золу всыпала в пиалу, прикрыла тряпкой и начала ладонями растирать живот Донохон.

– Изыди, дьявол, убирайся в старую мельницу, сгинь с глаз долой, – бормотала Сарохон, шумно зевая. – Не оставлю тебя в покое, дьявол, пока не изыдешь...

Донохон притихла в своей постели, лицо её слегка разругалось. Бабушка побежала в дом и, радостно причитая, принесла денег и две банки сметаны. Сарохон пересчитала деньги, спрятала их за пазуху и ушла.

Ночью Донохон стало хуже. Я проснулся от её стонов, а бабушка ломала руки и всё приговаривала:

– Кто тебе разрешил играть у омота, внученька? Ведь там, в зарослях, жёлтые дьяволы водятся. Вот они и вселились в тебя... Ничего, милая, потерпи немного, дедушка мулла Янгок вмиг изгонит нечистых!

– Всё же, может, доктора позвать? – предложил кто-то. По голосу я узнал нашу соседку, Рахиму-апа.

– Ни к чему тут доктор, Рахима. Они не разбираются во внутренних болезнях, им бы только операции делать. А девочку резать я не дам!

Я осторожно выбрался из постели и выглянул в окно. Двор был ярко освещён, в очаге пылал огонь, на кривом тутовом дереве висела баранья туша, которую не спеша свеживал наш деревенский мясник. Мулла Янгок, маленький, толстенький человек, следил за его работой, иногда приговаривая:

– Осторожнее, сынок, осторожнее, гляди, не попортить мне шкуру ягнёнка, она для исцеления девочки необходима... – Потом он поворачивался к женщине, хлопотавшей у котла: – А ты, дочь моя, лучку ещё подбрось в котёл и картошечки. Люблю шурпу с бараниной, да чтобы поострее была.

Съев почти полкотла шурпы, мулла Янгок направился в комнату, где лежала Донохон. Он не шёл, а катился, как орешек. Поэтому и называли, наверное, его Янгоком – Орешком.

Когда бабушка входила в комнату, мулла Янгок бормотал свои молитвы, раскачиваясь из стороны в сторону, а оставшись один, вынимал из кармана какую-то бутылку и отхлёбывал из горлышка.

– Бай-бай-бай! – приговаривал он при этом. – Так и обжигает дёсны, проклятущая, ниспошли вам всем аллах доброго здоровья!

Орешек укатил утром. Захватил с собой половину бараньей туши, шкуру и ещё деньги потребовал у бабушки.

– К утру девочка будет бегать, как козлёнок, – сказал он, уходя.

Но бедной Донохон не стало лучше. Она каталась в постели, стонала охрипшим голосом. Подушка была мокрая от слёз и пота. Рахима-апа поспешно оделась и, ничего не говоря, побежала на почту. «Будет звонить папе», – догадался я.

В полдень к нашему дому подлетела серая «Волга». Из неё выскочили человек в белом халате и папа в своём промасленном комбинезоне. Ничего не говоря, они побежали в дом.

Доктор бегло осмотрел Донохон и отрывисто бросил:

– Приступ аппендицита. Быстро в машину! Бабушка заревела в голос, заметалась. Я

⁹ Гармала – лечебная трава, применяется при желудочных заболеваниях.

выбежал на улицу, чтобы не слышать её крика, а тут сам папа сказал:

– Садись, Хашимджан. Вместе отвезём сестрёнку.

Врач, который делает операции аппендицита, сидел, оказывается, в буфете. Увидев машину, он выбежал на улицу, крикнул:

– Я сейчас! – и побежал обратно. Донохон положили на носилки и унесли. По коридору забегали мужчины и женщины в белых халатах.

– Ждите здесь, – бросил доктор, который приезжал к нам, и тоже убежал. Папа устало опустил на скамейку, обхватил голову руками.

– Ничего, Хашимджан, ничего... – сказал он тихо. – Я думаю, операция пройдёт удачно, не плачь, сынок... Мужчинам нельзя плакать.

Я отвернулся, чтобы папа не видел моих слез. Очень может быть, что мужчинам не положено плакать. А если ты не в силах сдержать слёзы? Вон ведь у папы у самого глаза блестят, и он украдкой вытирает их рукавом...

Мне страшно было думать о Донохон, которая сейчас лежала на операционном столе. Поэтому я старался думать о старухе Саро, о мулле Янгоке. Погодите, милые, я ещё поговорю с вами. Я ещё покажу вам баночки со сметаной, остренько заправленную шурпу! Вы ещё у меня попляшете!

В дверях показался доктор. И лицо его, и волосы, и халат были мокрые от пота. Папа бросился к нему:

– Ну как, доктор?

Тот слабо улыбнулся, закурил, вложил спичку обратно в коробку и сказал:

– Ничего, ничего... успокойтесь. Всё в порядке. Но если бы опоздали на полчаса – никто бы в мире её не спас.

Папа резко отвернулся и быстро зашагал прочь. Плечи его тряслись. Когда я догнал, папа спрятал в карман платок.

– Садись, Хашимджан, поедem домой, успокоим бабушку, хотя она со своими муллами чуть не угробила девчонку...

Только теперь я заметил, что у ворот стоит папин мотоцикл. Он весь был покрыт пылью в два пальца. Не знаю, по каким дорогам мчался папа, чтобы вовремя поспеть на помощь Донохон...

ЗДРАВСТВУЙТЕ, АЛЛАХ!

– Шапочка моя!

– Хашимджан! Ты ли это, друг!

– Я, моя дорогая, не узнаёшь разве? Очень соскучился по тебе!

– Я тоже, Хашимджан. Я знала, что ты придёшь за мной.

– Ты мне очень нужна, дорогая. Я хочу увидеть, как эта Сарохон разговаривает с господом богом. Я теперь точно знаю, что она мошенница, но не знаю, как это доказать.

– Там видно будет, Хашимджан. Ты же умный парень, что-нибудь да придумаешь.

– Тогда в путь, мой верный друг, в путь!

Ещё не было девяти часов утра, а у Сарохон во дворе сидели семь старух, пятеро стариков и трое ребятишек. Лица у всех жёлтые-прежёлтые, как переспевшие дыни. Глаза печальные и покорные, точно у собаки мельника Шергазы Хромого. Это они от болезни стали такими. И Сарохон на пару с аллахом должна их вылечить.

Я прошмыгнул в комнату. Знахарка сидела в тёмном углу, одетая во всё чёрное. На сухом, морщинистом, как сушёная груша, лице сверкали огромные глазищи. На плечи и грудь свисали

грязно-белые космы волос. Совсем как колдунья. Мне даже чуточку страшно стало. В прошлый раз не так было.

Тогда я думал о сестрёнке и страха не чувствовал, да и знахарка не выглядела такой зловещей.

Сарохон бормотала что-то скрипучим голосом и протягивала руки с растопыренными пальцами вперёд.

– Куф, су-уф-ф-ф! – шипела она при этом и плевалась по сторонам.

Когда глаза привыкли к темноте, я увидел женщину с ребёнком на руках. Она стояла на коленях и испуганно жалась к стенке.

– Сына твоего опутали жёлтые дьяволы, дитя моё! – громко крикнула вдруг Сарохон, воздев руки вверх. И тут загрела музыка этих самых дьяволов. Она состояла из звона и грохота, тоненького подвывания и противного визга. Откуда неслась она: из-за стены ли, сверху или из-под земли – я не смог понять. Да и не старался – испугался очень. Хотел даже лыжи наострить, да вовремя вспомнил, что я невидим и никакие дьяволы мне не страшны.

Музыка оборвалась так же неожиданно, как и возникла. В глухой тишине пролетел тоненький, визгливый, как у сурная, голос:

– Ами-и-инь!

– Аллах услышал твои молитвы, дитя моё, – проскрипела Сарохон. – Чтобы изгнать жёлтых дьяволов, ребёнка надобно завернуть в шкуру жёлтой козы. На то воля аллаха!

Тётушка Сарохон воздела руки к небу, помолчала, потом нагнулась вперёд, выпучила горящие глаза и просвистела:

– Всемилостивый обещает излечение занемогшему. Ты сама слышала его голос, дитя моё. А эти пилюли будешь давать мальчику по три раза в день: утром, в полдень и вечером. Они от самого бога... А мясо жёлтой козы принесёшь сюда.

Разговор, который старуха повела дальше, мне стал неинтересен. Важнее всего узнать, какая это музыка откликается на слова Сарохон и кто кричит замогильным голосом «Аминь!». А вдруг тут в самом деле есть что-то от аллаха?

Поправив на голове шапку, я осмотрел ниши, прорубленные на стенах, проверил соседнюю комнату. Ни тут, ни там, кроме разной посуды и всякой мелочи, ничего не обнаружил.

Полез на плоскую крышу. Она разделялась пополам двумя стенами. Между ними свисала верёвочная лестница. Значит, стена, которая делит комнаты в доме Сарохон, изнутри полая.

Осторожно спустившись вниз, я увидел небольшую дыру, от которой начиналась кирпичная лестница.

В подвале было темно и сыро. С низкого потолка свисало много овечьих и козких шкур. В углу штабелями возвышались банки со всякими соленьями и вареньями. В самой середине подвала стоял глиняный кувшин, вёдер эдак на сто воды.

Голоса из комнаты Сарохон слышались здесь очень хорошо. Вот к ней вошёл какой-то новый посетитель, откашлялся.

– Да, отец, вас опутал чёрный дьявол, – проскрипела Сарохон. – Это самый нечистый из всех нечистей, да хранит нас господь, куф-суф-суу-ф-ф-ф!

Не успела она умолкнуть, как вдруг кувшин, подле которого я стоял, ожил, начал греметь, ухать и дребезжать. Я от страха подскочил, волосы у меня зашевелились на голове. Кое-как унял дрожь в коленках. Нечего бояться, дьяволы-то меня не видят и думать не думают, что я стою рядышком.

Я тихонько подкрался к кувшину и заглянул в него. И что вы думаете? В кувшине сидел... наш миленький Мирабиддинходжа! На руки его по локоть были нанизаны большие металлические кольца, в одной руке он держал несколько детских погремушек, в другой –

старую дойру¹⁰. Вот это всё и издавало тот ужасный грохот, усиливаемый эхом в глиняном кувшине...

«Уж не ты ли, Мирабиддинходжа, являешься его величеством аллахом?! – подумал я, еле сдерживая смех. Страха, который ещё минуту назад опутывал мне руки и ноги, как не бывало. – Что ж, здравствуй, аллах. Будем знакомы!» И тут меня такое зло взяло, такое зло, что я выхватил иголку, которую всегда ношу приколотой к тюбетейке, и вонзил её в плечо шайтана Мирабиддинходжи.

– Вой до-од! Караул! – завопил он во всё горло. Сарохон – старуха хитрая, сразу по-своему повернула вопль сына.

– Вот видите, отец, – донёсся её гнусавый голос, – очень уж тяжёлая у вас хворь – даже ангелы кричат «караул»!

«Сейчас они ещё не так закричат!» – подумал я и опять кольнул Мирабиддинходжу.

– Мама, мамочка! – дико завизжал «ангел». И полез из кувшина.

– Прикуси язык! – шлёпнул я его по макушке и загнал обратно.

«Дьявол» тонко скулил. Глаза у него чуть не вылезали из орбит.

– К-кто т-ты? О б-боже!.. – простонал он в ужасе.

– Я – Азраиль.

– Аз... Аз-раиль? – Мирабиддинходжа громко икнул.

– Да, Азраиль, – сказал я сурово. – Ангел смерти. Прилетел за твоей душой. Готовься, сейчас ты умрёшь.

– Умру? Ой, мамочка, ма-а-мочка!..

– Перестань икать! – Я слегка заехал ему по уху.

– Хорошо, дедушка Азраиль, не буду икать...

– Так. Ты знаешь мальчика по имени Хашимджан?

– Знаю... То есть я его...

– Знаешь, значит. А почему тогда ты не даёшь ему покататься на своём велосипеде?

– Как – не даю? Однажды он целый круг сделал на моём велосипеде. Клянусь аллахом.

– Не трогай бога, балбес! – Я дёрнул Мирабиддинходжу за ухо. – А за что вы вместе с братцем избили этого Хашимджана?

– Ей-богу, я не виноват, дедушка Азраиль. Это нас чёрт попутал!

– Говорят тебе: не трогай ни чёрта, ни аллаха! – Я отпустил ухо Мирабиддинходжи и схватил его за горло. Потом сказал: – Нет тебе прощения, мальчик. Ты всегда врёшь, и поэтому я сейчас же должен вынуть из тебя душу!

– Умоляю вас, дедушка Азраиль, не вынимайте мою душу. Простите меня!

– Не прощу. Ты обманываешь людей.

– Я больше не буду. Меня мать заставляет!

– Мать заставляет?

– Ну да! Это же она приказывает мне кричать «Аминь!». И в этот кувшин лезть заставляет. И этими погремушками греметь...

– Я же говорю, что ты всегда врёшь! Не ты ли рассказывал в школе, что дома у вас слышится голос аллаха?

– Я же сказал: мне мать велела так говорить.

– Выходит, сознательно обманывал ребят?

– Я не только ребят обманывал, дедушка Азраиль. Я всех обманывал. Потому что мать заставляла.

¹⁰ Дойра – ударный музыкальный инструмент типа бубна.

– Всё понятно. – Я на минуту отпустил горло Мирабиддинходжи, дал ему передохнуть, потом опять схватил и сказал: – Теперь выслушай меня внимательно, мошенник. – Я говорил очень сердито, хотя еле-еле сдерживал смех. – Завтра же ты выйдешь на улицу и объявишь всем ребятам, что рассказы о гласе аллаха – чистейшая ложь. Не то я обязательно выну из тебя твою грязную душонку!

– Всем расскажу, дедушка Азраиль, всем! Сегодня же, сейчас же побегу в школу и расскажу!

– Опять врешь? – щёлкнул я Мирабиддинходжу по носу. – Кому ты сейчас расскажешь в школе, если там каникулы?

– Я забыл об этом, дедушка Азраиль! И вообще в школу-то я хожу раз в неделю. – Мирабиддинходжа даже хихикнул довольным голосом.

– У-у, туняец! – сказал я и вытер руки о штанину. – Вот кого надо было оставить на осень, а не беднягу Закира.

– Мне тоже не сладко живётся, – вздохнул Мирабиддинходжа. – У меня дела, может, и похуже... Потому что я тупоголовый. Мама так говорит...

– Ладно, теперь со всем этим покончено, и ты должен учиться отлично, – сказал я твёрдо. – Как только схватишь двойку – тотчас заберу тебя на тот свет.

– Хоп¹¹, дедушка, буду стараться. Я собрался уходить, но тут мне в голову пришла одна мысль. Я погладил хрупкую шею Мирабиддинходжи и спросил:

– Ты сказал, что знаешь мальчика по имени Хашимджан. Это правда?

– Знаю, дедушка, знаю, как не знать такого...

– Ладно, не болтай много, – оборвал я его. – Это хорошо, что ты знаком с такими ребятами, как Хашимджан. Молодец! Там, на небе, его все очень уважают. И поэтому, если этот Хашимджан попросит тебя дать ему покататься на велосипеде, я надеюсь, ты не откажешь ему?

– Конечно, дедушка Азраиль. Пусть катается сколько захочет. Даже на целых полчаса дам...

– Ну, всё! Сиди теперь здесь и не шевелись. Я поднялся по лестнице на крышу, спустился во двор. Мне вспомнилось, как Сарохон вынула из мешочка какие-то пилюли и подала женщине с ребёнком. Надо посмотреть, что это за пилюли. Сарохон такая бестия, может заставить человека золу простую глотать...

Мешочков, сшитых из разноцветных тряпок, оказалось у знахарки пять штук. В них были разные таблетки и порошки в аптечной упаковке. Пенициллин, биомидин, капли разные... Вот тебе и лекарства, ниспосланные всевышним! погоди же, бабка, с Хашимджаном шутки плохи!

Я засунул руку в глубокий карман безрукавки Сарохон, вытащил ком замусоленных, мятых денег. Отсчитал десять рублей и побежал в аптеку. Мирабиддинходже, конечно, можно верить, но сколько бы он ни говорил, а доказать ничего не сможет. Поэтому ему надо помочь. И вот чем я решил этого достичь: купил слабительные и заменил ими все порошки, что лежали в разноцветных мешочках.

Вы б видели, что происходило на другой день в доме старой плутовки! Сбежались все больные, которых Сарохон «лечила» одними слабительными, и здорово отколотили её. Да ещё унесли с собой все овечьи и козьи шкуры...

МУЛЛА ЯНГОК ПРОСИТ ПЕНСИЮ

Я целый день слонялся по кишлаку, надеясь поймать Мирабиддинходжу. Дома его не было. Я хотел взять у него велосипед и съездить на разведку к могиле Узункулака. А

¹¹ Хоп – хорошо.

Мирабиддинходжи всё нет и нет. Решил отправиться пешком. Подумаешь, каких-то два километра. За полчаса дойду.

За околицей меня догнал на мотоцикле папа.

– Ия! – удивился он. – Куда это ты направился, Хашимджан?

– Да так, проветриться хочу.

– Хочешь, поедем со мной? Председатель сельсовета попросил задержаться на денёк, в одном деле помочь.

– Едем, папа!

Я мигом забрался на багажник.

Чудесный у меня папа, скажу я вам. Он и на бульдозере работает, и на тракторе, и машину умеет водить. А мотоцикл свой гонит – больше ста километров выжимает.

Вдали показались высокие тополя, что растут возле базара. Папа свернул налево, ещё немного проехал, и мы остановились. К нам не спеша подошёл высокий худой человек в гимнастёрке. Это был председатель сельсовета Абдушукуров. За ним следовал ещё один человек. Второго я в лицо не знал.

– Не опоздал? – спросил папа, здороваясь с ними за руку.

– Опоздать-то не опоздал, – почесал затылок Абдушукуров, – да понимаешь, какая тут петрушка получается... – Он кинул на меня косой взгляд и спросил: – А это что за фруктик с тобой?

– Не фруктик, а Хашимджан Кузыев, – буркнул я обиженно.

Абдушукуров рассмеялся, подмигнул мне, словно хотел сказать: не сердись, мол, не признал сразу. Но я отошёл в сторону и всё равно слышал весь разговор.

Говорил в основном председатель сельсовета. Папа и незнакомый человек слушали молча, изредка поглядывали на тополя близ гробницы.

– И знаете, что он мне заявил? – рассказывал Абдушукуров. – «Без согласия духовенства, говорит, не имеете права разрушать святое место!» – «Здесь будет строительство пионерского лагеря, – отвечаю ему. – А на месте гробницы Узункулака по плану должен быть построен кинотеатр». – «Нет, – упрямится он, – вы не имеете права обижать верующих, советский закон не допускает разрушения памятников старины!» – «Какой же, говорю, это памятник старины – могила Узункулака? Это же типичный рассадник религиозного дурмана!» – «Хорошо, – согласился вдруг мулла Янгок, – разрушайте гробницу, если только примете моё условие».

Папа и гость из района оживились, придвинулись поближе к Абдушукурову. Тот продолжал:

– И знаете, что он потребовал? У этого мошенника хватило наглости просить о пенсии. «Вы уступаете мне, я – вам, – нагло заявил он, – шестьдесят рублей пенсии меня устроят. На том и покончим полюбовно».

– М-да, сложное положение, – раздумчиво произнёс человек из района.

– А чего тут сложного! – горячо воскликнул папа. – Вы только прикажите, сяду сейчас на бульдозер и вмиг разворошу это осиное гнездо! У меня с ними счёт особый, с этими прохвостами...

– Нельзя, – сказал Абдушукуров, – и дело вовсе не в наглom мулле Янгоке. Мы вынуждены уважать чувства верующих. Правда, их немного, но они искренне верят, что гробница Узункулака и в самом деле святое место.

– Вы правы, – сказал незнакомец, – в этом деле нельзя действовать напролом. Надо изыскать безболезненные пути чтобы и строительство объекта не сорвать, и чувства верующих не оскорбить...

Он надвинул шляпу и направился к штабелям досок, сложенным у дороги. Там стоял

крытый брезентом «газик». Папа и Абдушукуров последовали за ним.

«Наверно, не скоро ещё они освободятся», – подумал я бочком-бочком отходя к кустам, в сторону гробницы Узункулака.

Кажется, я уже говорил, что сюда на базар по воскресеньям приезжает много народа. Дехкане¹² окрестных кишлаков торгуют здесь дынями, яблоками, персиками и всякими другими фруктами и овощами. Иные ловкие старухи приносят даже шурпу в кастрюлях и бойко сбывают её.

Я медленно пробирался промеж людей, когда вдруг увидел Арифа. Он сидел, прислонившись к дереву. Перед ним на земле лежал мешочек с курт¹³.

– Кому курт, кому курт! Очень вкусный курт! – выкрикивал он своим писклявым голосом.

Я присел на корточки против Арифа, взял один шарик и положил в рот.

– Очень пересолённый, – сказал я и поморщился, – зачем людей обманываешь?..

– Бить будешь, да? – задрожал Арифчик. – Отомстить хочешь?

– А как же?! – серьёзно ответил я. – Теперь моя очередь показывать фокус.

– Я... я же... – съёжился Ариф. Я засмеялся:

– Ладно уж, на этот раз прощаю. А впредь смотри...

– Правда? – засиял Ариф и обрадованно залопотал: – Знаешь, я решил помочь тебе в этом году. Пусть сам буду получать тройки, но тебя выведу в отличники. Да ты ешь, ешь курт. Я сам его приготовил. Правда, чуток пересолил, но ничего. Штук пятнадцать уже продал.

– С чего это ты вдруг торговлей занялся?

– Кабулов говорит, всякий труд заслуживает уважения, – изрёк Ариф. – А я знаешь как трудился, пока изготовил этот мешочек курта? Деньги мне нужны: надо купить книжный шкаф. Хочу библиотеку создать. Домашнюю.

– Ну-ну, – сказал я и пошёл дальше.

– Кому курт, кому курт! – зазвенел опять голосочек Арифа.

Но тут же его покрыл другой, дикий, испуганный крик:

– Берегись, змея!

– Дракон!

– Конец света!

Толпа на миг замерла, и я увидел огромную, метров в пять длиной, чёрную извивающуюся змею. Она медленно выползала из-за куполообразного строения гробницы святого Узункулака.

Поднялась паника. Люди бежали, кричали, плакали, падали. По земле рассыпались в беспорядке яблоки, дыни.

Казалось, змея несётся прямо на меня.

– Наверху небо, внизу земля, исполни моё желание, шапочка моя! Сделай меня невидимым! – едва успел я шепнуть.

Почувяв себя в безопасности, спокойнее огляделся по сторонам и заметил в руке увесистую палку, невесть откуда появившуюся. Наверное, шапочка позаботилась. Ну, а смелости мне занимать не приходится!

Через миг я уже был рядом со змейей, стремительно сползавшей с каменной лестницы гробницы. Подняв палку двумя руками, я с силой ударил змею – метил в голову, но попал по спине.

Разъярённая змея подпрыгнула высоко вверх и кинулась ко мне. Что было делать – я

¹² Дехкане – крестьяне.

¹³ Курт – шарики сушёного кислого молока.

побежал. Змея – за мной. Ещё чуть-чуть – и догонит. Мне бы, наверное, не спастись, но тут случилось неожиданное. Из-за гробницы выскочило что-то клетчатое и кинулось к змее. Она остановилась, но я уже не мог сдержаться.

Мне в самом деле показалось, что эта змея (или дракон, чёрт его возьми) и это клетчатое чудовище – одного поля ягоды и заодно занимаются они тёмным делом. Я размахнулся и со всей силой трахнул клетчатое чудовище по голове. Оно рухнуло наземь как подкошенное. Тогда я атаковал и распластавшуюся змею. Она забилась на месте...

Я бросил палку и, пошатываясь, пошёл к ручью. Меня тошнило... Напившись воды, я несколько успокоился, но продолжал сидеть на берегу ручья. Оказывается, даже сюда докатились дыни, брошенные насмерть перепуганными людьми. Я нашёл две штуки. Одну спрятал в траве, а другую расколол об землю. Но съесть дыню мне не удалось – помешали два человека, которые крадучись пробирались к гробнице. Из услышанных обрывков разговора я установил, что это помощники муллы Янгока. Оба они были в потрёпанных халатах. Один со шрамом во всю левую щёку, другой – горбатый.

– Странное случилось со змеёю, – сказал человек со шрамом испуганным голосом. – Боюсь, уж и впрямь не приложил ли тут руку всевышний?

– Не болтай чепуху, какой ещё всевышний! В сказке живёшь, что ли? – пробурчал горбун.

– Но тогда кто же размозжил голову змее и оглушил того парня? Рядом ведь никого не было.

– Давай-ка лучше поторопись, а не рассуждай. Мы должны помочь Янгоку. Он, наверное, в затруднении перед этим малым...

Я опять надел шапку и поспешил за ними. В домике, что находился за гробницей Узункулака, сидели мулла Янгок и парень в клетчатой рубаше, о котором только что говорили, как я понял, помощники Янгока и которого я сдуру оглушил ударом палки. Голова его сейчас

была перевязана красным поясным платком.

– Вы обещали уплатить мне сто рублей, если я выпущу свою змею в толпе, – плаксиво говорил он.

– Ты получил тридцать рублей? – ответил мулла Янгок. – И хватит с тебя!

– Моя змея погибла. Я не требую всей её стоимости. Но отдайте хоть обещанные сто рублей.

– Твоя змея не должна была разгонять весь базар да ещё и паломников. Надо было лишь напомнить неверующим, что аллах существует и она ниспослана именно всевышним. Змея не выполнила задания, сдохла и половины дела не сделав, а я должен отвечать, да? Может, ты сам её отравил, кто тебя знает?!

– Заплатите... – чуть не плача, протянула Клетчатая Рубаха. – Я эту змею пуще зеницы ока берёг, цирку хотел продать...

– Ладно, вот тебе ещё три рубля, и мы в расчёте. Выпьешь за наше здоровье. Тридцать три рубля за богом проклятую тварь – это очень хорошая цена, не правда ли, ребята?

«Ребята» – человек со шрамом и горбун – согласно кивнули. А горбун к тому же зловеще шагнул к Клетчатому, засучивая рукава. Бедняга хозяин «дракона» взглянул на огромные, волосатые ручищи горбуна, сглотнул слюну и поспешно пробубнил:

– Вы правы, вы правы... Я сам купил её за пять рублей, Красная цена ей – тридцать три рубля.

– Вот видишь, дитя моё, выходит, ты хотел надуть честных людей – служителей аллаха. А ещё плачешь!

Клетчатый поспешно вырвал трёшницу из рук Янгока, опасливо обошёл горбуна, не отрывая взгляда от его рук, и опрометью бросился вон.

Мулла Янгок, человек со шрамом и горбун, которые молча смотрели ему вслед, разразились громким хохотом.

– Ну и провели мы этого малого, – прокудахтал мулла Янгок. – И дело сделали, да притом не одно, и денег не заплатили полностью.

– Почему это не одно? – поинтересовался горбун.

– Таинственная гибель змеи здорово нам помогла. Теперь поползёт слух, что разгневанный аллах вначале ниспослал дракона, но, внемля нашим молитвам, своей же невидимой рукой размозжил ему голову. И пусть тогда, – мулла Янгок погрозил кому-то кулаком, – пусть тогда они посмеют сунуться сюда!

Я понял, что он имел в виду Абдушукурова, человека из района и моего папу. Но горбун заговорил совсем о другом.

– Выходит, сегодня мы выгадали, значит, заработали шестьдесят семь рублей, – бросил он будто невзначай. – Не мешало бы их поделить поровну.

– Золотые слова! – с готовностью поддержал его человек со шрамом. – И не обязательно поровну, Балтабай. Надо совесть иметь: Янгок трудился больше нашего. А потому пусть он получит больше нас – двадцать три рубля, а нам даст всего лишь по двадцать два. Мы и на это согласны. Тем более, что лично я решил уехать домой.

– Вот как? – удивился горбун.

– У-у, грабители! – взвился мулла Янгок. – Хоть оба сгиньте, проклятые!

Но, глянув в решительные лица своих друзей, на волосатые руки-грабли горбуна, он полез в карман.

Я осторожно выскользнул в дверь...

БАБУШКИНА РАДОСТЬ

Теперь мне было ясно: одолеть муллу Янгока не так просто, как, например, бабушку Саро. У гадалки скрипучий голос, большие страшные глаза, разные погремушки да Мирабиддинходжа с тонкой шеей. А у муллы Янгока? У него же настоящая шайка головорезов. Пусть человек со шрамом уходит, но ведь один только горбун чего стоит?! Вон как циркача надули, век не забудет: и змеи своей дрессированной лишился, и денег. Недаром, видать, расстроился человек из района, услышав про козни Янгока, и сказал, что в том деле нельзя идти напролом.

Эх, подсказал бы мне кто-нибудь, что делать! Уж я бы обделал всё, как полагается! Отступать теперь нельзя. Раньше я хотел отомстить только за сестрёнку, а теперь и личный счёт имею. Ишь ты какой ловкий мошенник: меня хочет аллахом объявить, ручки на этом погреть! Ведь как он сказал:

«Таинственная гибель змеи здорово нам помогла!» Выходит, я убил эту гадюку и Янгоку же помог? Нет, брат, шалишь, не выйдет твоя затея. С Хашимджаном шутки плохи. Но только как подступиться к делу?

– Шапочка моя, шапочка, может, ты посоветуешь?

– Я и так уже голову ломаю, Хашимджан, но ничего путного на ум не приходит. Лучше поищи сам, дорогой, и ты обязательно найдёшь выход.

И я стал днями и ночами искать этот выход. А он никак не находился. Я перестал бегать на улицу, ходить на руках и охотиться на воробьёв, которые выклёвывали вишни в саду. Бабушка поглядывала на меня с подозрением: уж не задумал ли я новый побег? А потом стала жалеть:

– Если хочешь, Хашимджан, иди погуляй с товарищами.

– Нет, бабушка. Лучше дома посижу.

– И что случилось с мальчиком – ума не приложу! – беспокоилась она. – Как ртуть живой был, а стал тише воды ниже травы. Спаси аллах, не напала бы хворь...

При слове «аллах» я оживляюсь, начинаю расспрашивать: а был ли аллах вообще, где он находится, сколько у него ангелов, как он успеваает за всеми людьми присматривать, кто его родители и откуда вообще люди узнали, что он существует, раз его никто не видел.

– Всё из Корана, сынок, – охотно отвечает бабушка и начинает рассказывать всякие сказки из этой мудрёной книжки.

Я слушаю внимательно, наматываю на ус. И не насмехаюсь, как прежде. Наоборот, задаю всё новые и новые вопросы. Бабушка не нарадуется, глядя на меня. Даже соседям похвасталась, что я теперь образумился, божьими делами интересуюсь. Я посмеивался про себя, но помалкивал. Главное – побольше узнать об аллахе, о муллах и святых. Может, пригодится, когда я придумаю план расправы с Янгоком. И как в воду глядел, именно эти мои расспросы и помогли мне.

Донохон стала поправляться. Она уже ходила по палате, придерживая руками левый бок. Там у неё был шов. Сестрёнка сама показала его мне, когда я в последний раз ездил с папой в больницу. Синеватый такой шрам...

Папе опять пришлось уехать в Мирзачуль. Он и так долго пробыл дома из-за болезни Донохон. А дел, говорит, накопилось – ужас. Мы остались с бабушкой вдвоём. Тогда-то я и заинтересовался божьими делами.

Как-то бабушка на целый день ушла из дома и вернулась очень усталая, но довольная.

– Внучек мой дорогой, – сказала она, накормив меня вкусным пловом, – очень рада, что ты стал прилежным и послушным мальчиком.

– Я тоже рад, – ответил я, сладко потягиваясь.

– Ты обратил внутренний взор к всевышнему, и он просветил тебя, – продолжала бабушка.

– Да, да, бабушка, это я и сам чувствую...

– Твоими бы устами мёд пить, внучек мой дорогой! Хочешь, я отдам тебя в ученики мулле

Янгоку?

– В ученики? Мулле Янгоку? А что у него там, школа открывается, что ли?

– Да нет, ему мальчик нужен, помогать в божьих делах.

– А он возьмёт меня?

– Возьмёт, я уже договорилась с ним. Решила, что нелишне будет, если ты какой-нибудь месяц поучишь божью науку. – Бабушка ласково погладила меня по голове, просительно заглянула в глаза.

Вы посмотрите только! Она меня просит! Да ведь это именно то, что мне нужно! Поверчусь там у Янгока, пронюхаю всё, а в нужный момент – бац! – и накажу его.

– Конечно, пойду, бабушка! Да я сам хотел проситься в ученики к уважаемому мулле Янгоку. Ведь, наверное, именно он помог своими молитвами хирургу, который оперировал нашу Донохон...

– Порою помощь молитв не сразу заметна, сын мой, – резонно заметила бабушка. – Иногда удаётся обойтись молитвами, а иногда приходится обращаться и к дохтурам...

В эту ночь я впервые за последние дни спал спокойным сном. А бабушка вовсе не ложилась. Вначале долго копалась в сундуках, перебирая их содержимое, потом замесила тесто, разожгла огонь в очаге. Она жарила, парила и пекла разные вкусные яства – угощение для муллы Янгока.

Утром чуть свет мы отправились к гробнице Узункулака. Я нёс на голове огромную круглую корзину, полную всякой всячиной. Поверх яств бабушка положила в корзину одну рубашку, штаны и стёганный халат – подарки эти она извлекла из своего древнего сундука.

Мы поднялись по каменным ступеням, по которым ещё недавно ползала чёрная змея, обогнули куполообразную гробницу и вошли в дом.

– Салом алейкум, – поздоровался я ещё с порога. Пусть видят, какой я приветливый мальчик.

– Ваалейкум ассалом, – ответил мулла Янгок, не глядя на меня. Глаза его были устремлены на корзину.

– Это мой внук, о котором мы с вами вчера говорили, – пояснила бабушка, кланяясь. – Хашимджаном его зовут.

– Богатырь, богатырь, – потрепал меня по плечу мулла Янгок. – Бог даст, сделаю из вашего Хашима человека, будьте уверены.

После ухода бабушки мулла Янгок объяснил мне, как подобает вести себя в святом месте. Если меня позовут, я должен говорить: «Я здесь, хозяин!» Работу прикажут сделать:

«Будет исполнено, хозяин!» Входя в дом, правую руку должен прикладывать к сердцу и подаваться немного вперёд, будто в поклоне. А выходить должен, пятясь назад, не смея показывать спину. Ещё Янгок сказал, что я должен уметь молчать, не болтать о том, что увижу и услышу здесь. «Не то у тебя вздуется и разорвётся живот, и ты умрёшь мучительной смертью», – пригрозил он. «Это мы посмотрим!» – подумал я про себя.

Вот так я стал учеником муллы. Знакомые ребята стали дразнить меня «муллой Косточкой», чему я вовсе не обижался. Откуда им знать, зачем я заделался муллой Косточкой?

Учёбы у муллы никакой не было. И работа не такая трудная. Принесёшь воды, когда мулла Янгок хочет совершить омовение, заваришь чай, сообщишь «хозяину» о приходе посетителей, встретишь их с поклоном. Один раз в день выезжаешь на осле в поле, за клевером. И ещё чистишь скребком ослика, потом водишь его гулять. С этим осликом я очень подружился, но он доставил мне и неприятности. Об этом я расскажу попозже... В остальное время я был свободен. Гуляй – не хочу. Мулла Янгок мне не мешал, молиться не заставлял, не то что бабушка. И подзатыльниками не угощал. Только когда у него было плохое настроение, вызывал меня и говорил:

– Мулла Хашим!

– Я здесь, хозяин!

– Что-то сердце шалит сегодня, дитя моё. Подай-ка мне вон тот сосуд, с оби замзамом.

Вначале я думал, что под этим мудрёным названием значится какая-нибудь райская вода. Но, оказывается, это просто настоящее виноградное вино, какое у нас в подвале стоит в бочонках.

Я наливаю в пиалу «оби замзама» и подаю Янгоку. Он с удовольствием потягивает вино и говорит в рифму:

– Бай-бай-бай! Унеслась душа в рай!

... В тот день я оседлал осла муллы Янгока и отправился домой проведать бабушку. У пустыря, где мы когда-то гоняли мяч, увидел Арифа с Закиром. Они ползали в траве, что-то искали.

– Что вы там потеряли? – соскочил я с осла.

– Деньги потеряли. Ты их не видел? – с надеждой спросил Ариф.

– Видел, – ответил я. – Они ещё утром сели в автобус и укатили в райцентр.

Ариф ничего не ответил. Он был очень расстроен. А Закир даже головы не поднял. Видно, теперь Арифу поклялся в вечной дружбе.

– Может, не здесь потерял? – спросил я, тоже принимаясь перебирать траву.

– Нет, кажется, именно здесь я их обронил... Когда шли к учителю, мы тут немного посидели. Я ещё платок доставал из кармана...

– А зачем вы шли к учителю?

– Сдавать экзамен по родному языку, – поднял голову Закир.

– Экзамен? – удивился я. – Ну и как, сдал?

– Ей-богу, сдал! На четвёрку.

– Много спрашивал?

– Десять вопросов задал. Ещё тетрадь с упражнениями проверил. И поставил четвёрку.

– Да ну?

– Вот тебе и ну! Если хочешь, я наизусть могу сказать, что такое прилагательное и причастие. Правда, Ариф?

– Отстань.

Закир повернулся ко мне.

– Теперь алгебра да русский остались. И всё. Буду учиться в своём классе. А с тобой водился бы, так и не перешёл бы, дружище.

– Очень ты мне нужен, соня, – разозлился я. – Ну, Ариф, нашёл свои деньги?

– Нет, – всхлипнул Ариф, – не нашёл... Столько мучался, по копеечкам собирал... Думал, накоплю сколько нужно и куплю книжный шкаф.

– А много денег-то было?

– Больше десяти. Десять рублей двадцать пять копеек.

Ариф пыльными руками утёр слезы. Лицо его стало грязным и жалким.

– Ладно, не плачь, – подошёл я к нему. – Потерял – значит, потерял... Тут уж ничего не поделаешь...

– Жалко, – прошептал Ариф. – Слезы всё бежали по его лицу. – Знаешь, как жалко... Теперь мне ни за что не собрать столько...

– Не плачь, – повторил я, не зная, что ещё сказать. Но тут меня осенило. – А деньги мы найдём. Я их раздобуду, не быть мне Хашимджаном!

– Откуда ты их раздобудешь? – поинтересовался Закир.

– Сам знаю. Вы идите домой, а я поехал к Узункулаку. Встретимся в понедельник.

ОПЕРАЦИЯ «ОСЛИК»

В воскресенье, как обычно, наш с муллой Янгоком уголок опять превратился в базар. Сказать правду, после того случая с «драконом» сюда стало стекаться больше народу. Шутка ли, на глазах у всех невидимая рука разможила голову страшной змее. Кто хочешь поверит, что это дело рук «разгневанного аллаха». Откуда людям знать, что на свете существует моя волшебная шапочка!

Быстренько покончив с делами, я привязал к шее ослика колокольчик на красной ленте и повёл его к ручью, возле которого всегда устраиваются те, кто приезжает сюда с детьми.

План операции «Ослик» был прост. С тех пор как в наших кишлаках стало очень много велосипедов и мопедов, ослов почти никто не держит. Во всём районе еле отыщешь парочку-другую. А что детишкам всякие там мопеды? Их так и тянет к ослам. А покататься на ослике – это вообще их вечная мечта. В прошлое воскресенье, гляжу, какой-то пацанёнок забрался на нашего ослика и ездит себе туда-сюда. Я подбежал, кричу:

– А ну, слезь сейчас же, спину сломаешь животному!

– Пусть покатается, – говорит папаша малыша. – Ничего твоему животному не сделается. А сломаётся хребет – я заплачу.

– Нужны мне ваши деньги! – разозлился я и ссадил мальчишку.

Обещая выручить Арифа, я имел в виду нашего ослика. Если повозить немного на нём детишек, ничего страшного не случится. А за удовольствие они будут платить.

Я набросил на спину ослика старый чапан муллы Янгока и подозвал девчонку, игравшую поблизости в камушки. Она со смехом и визгом проехала на ослике, на шее которого зазывно звенел медный колокольчик. Сразу отовсюду сбежалась малышня.

– Дяденька, покатайте меня!

– И меня покатайте!

– Несите по двадцать копеек, – отвечал я. Правда, запросил я дороговато, но желающих покататься это не испугало. Я даже не успевал брать деньги и водить ослика рысью по кругу. Пришлось назначить мальчишку лет двенадцати кассиром. А малышам я велел выстроиться в очередь для порядка.

Часа два гоняли мы с осликом по кругу. Я весь взмок, да и ослик еле передвигал ногами. В очереди оставалось человек пять-шесть, и я, чтобы поскорее кончить дело, стал брать по два пассажира. «На сегодня хватит, – думал я, делая последние круги, – рублей пять-шесть заработали, и хватит. Пора на обед закрываться».

В это время недалеко от нас остановился красный мотороллер. С него соскочили длинноволосый парень и девушка в узеньких брючках. Они направились прямо ко мне.

– Эй, шеф, дай разок прокатнуться тёте на твоём механизме! – крикнул парень смеясь.

– Нет, ослик устал, – ответил я. – И потом, на нём нельзя кататься.

– Это почему же нельзя? – плаксиво спросила девица. – Мелюзга же катается!

– На то они и мелюзга, а вы – большая, вам нельзя. Если очень хотите, после обеда я выведу взрослого осла, на нём и покатайтесь.

– Буду я ждать! – фыркнула девица. – Сейчас хочу покататься, Фред! И именно на этом ослике!..

– Послушай, шеф, покатай девчонку, жалко тебе, что ли! – сказал длинноволосый Фред.

– Ни за какие деньги! Хоть убейте...

– Дурак, хочешь рубль тебе дам?

– Нет.

– Фре-ед! – протянула девица кокетливо.

И парень совсем голову потерял. Даже на преступление пошёл. Схватил меня за плечи, руки вывернул назад – я даже шевельнуться не мог. А девица завизжала от восторга, вскочила на ослика и давай его гонять. Я брыкаюсь, кусаюсь, вырываюсь, но этот длинноволосый балбес держит крепко и только смеётся.

Минут пять так продолжалось. А потом вдруг смех девицы оборвался. И Фред разом разжал руки. Не понимая, что случилось, я огляделся и увидел беднягу ослика: он широко расставил ноги, обессиленно раскачивался из стороны в сторону и сильно дрожал. Девица уже соскочила с него и теперь испуганно заламывала руки. Я бросился к ослику, желая поддержать его, не дать упасть, но было поздно: он пошёл боком-боком и рухнул, закатив глаза.

– Ослик, мой ослик! – дико закричал я и упал на колени перед ним.

Я ещё надеялся, что ничего страшного не случилось, что ослик полежит немного, встанет и пойдёт. Но он не вставал. Я просил, умолял его открыть глаза, гладил по шее и не понимал, что теперь ослику ничем не поможешь. Как в тумане слышался мне испуганный крик девицы: «Бежим, Фархад, а то неприятностей не оберёшься!» Не заметил, как этот Фред-Фархад сунул мне в руки рублёвую потную бумажку и затарахтел своим дурацким красным мотороллером. Очнулся я, когда кто-то больно дёрнул меня за ухо.

– Что ты натворил, негодяй? – Надо мной стоял мулла Янгок.

– Он ещё не умер... – прошептал я сквозь слёзы.

Не выпуская моего уха из цепких пальцев, мулла Янгок повёл меня в дом. Я был готов ко всему. Пусть он избьёт меня до смерти, пусть ездит на мне, как эти детишки ездили на бедном ослике, пусть что угодно сделает! Пусть бы только ослик не умер...

Закрыв за собой дверь, мулла Янгок остановился напротив меня. На его лице не было ни капельки злости или угрозы. Наоборот, он приветливо улыбался.

– Сколько денег ты выручил, дитя моё? – спросил он вдруг.

– Нисколько... – Я замотал головой. Если Янгок узнает, что я катал детишек за деньги, то мне определённо не поздоровится. Кроме того, мне совсем не до денег было...

– Грешно лгать, дитя моё, – пропел мулла Янгок. – Место лжеца в аду, дитя моё. Зачем лжёшь, я же знаю, что ты с самого утра возил детишек за плату. По двадцать копеек брал.

Давай-ка сосчитаем выручку.

– Эти деньги я отдам Ариффу. Он потерял свои, которые копил для библиотеки...

– Какая ещё библиотека?! Давай сюда денежки, дитя моё!

– Не дам!

– Уж не ослышался ли я? – удивился мулла Янгок и так же, как тот длинноволосый, вмиг скрутил мне руки, вытряхнул из карманов все монеты. Потом отпустил меня, выбрал пятак и подал мне:

– Возьми, дитя моё, леденец себе купишь. Мне до того было обидно от всего случившегося, что я чуть не ревел.

– Ну-ну, не расстраивайся, дитя моё. Подумаешь, ослик сдох. Туда и дорога. Красная цена ему трёшка, а ты выручил семь. Я тебе на эти денежки куплю завтра пару таких осликов. Накроем их расшитыми попонами, шею и голову украсим разноцветными помпончиками – не ослики будут, а игрушки... Ты будешь катать детишек, а я буду собирать деньги. Потом я куплю тебе машину. Новенький «Москвич». Машину водить умеешь?

– Нет, не умею.

– Ничего, бог даст, научишься. А сейчас возьми вон ту корзину с мясом и иди к мяснику. Пусть деньги отдаст сразу. Скажи, что здесь ровно семнадцать килограммов. Скажи сам мулла Янгок вешал. Беги, дитя моё, беги. Бог даст, перед смертью я назначу тебя шейхом.

Через несколько дней мулла Янгок исполнил своё обещание: пригнал двух осликов. Точно таких, какого я загнал. И что интересно, он раздобыл и попоны, и разноцветные помпончики.

– Завтра воскресенье, дитя моё, – сказал он, поглаживая редкую бородку. – Чувствуется мне, горячий денёк выдастся. Ты уж постарайся, сын мой...

– Постараюсь, конечно, постараюсь... – пообещал я и про себя подумал: «Ни за что не позволю ему загубить этих животных! И наживаться на них не дам, гнилой ты Орешек!» Наутро мулла Янгок разбудил меня чуть свет и стал торопить, чтобы я поскорее выводил осликов на работу. А я всё оттягивал, дожидаясь, когда соберётся вокруг побольше народу.

Часов в десять началась потеха: я вывел осликов в гущу толпы, вставил им под хвост по ветке колючки. Ослики взбрыкнули, заорали благим матом и кинулись в разные стороны, ударяясь об людей, опрокидывая корзины, мешки и ящики. Картина получилась точь-в-точь как при появлении «дракона». Только на этот раз было не страшно, а смешно. Я забрался на куполообразную гробницу Узункулака и хохотал до упаду. И когда даже посиневший от злости Янгок появился, я ничуть не испугался и всё продолжал смеяться.

– Подойди сюда, щенок! – прошипел он злобно.

– Слушаюсь, хозяин! – Я спрыгнул вниз. Янгок закатил мне оплеуху, как клещами, вцепился в мою руку и волоком потащил в дом.

– Я покажу тебе, негодяй, как портить мне дело! – шипел он, скрежеща зубами. – Жаль, что я убить тебя не могу, щенок!

По-моему, не стоит подробно рассказывать, как Янгок завёл меня в комнату и бил чем попало и куда попало. В этом нет ничего интересного. Он бил меня и заставлял каяться.

– Покайся, негодяй, покайся, пока не поздно! Поклянись, что больше не будешь подводить меня! Я молчал-молчал, потом не выдержал:

– Не покаюсь, ни за что не покаюсь! Погоди ты, Орешек, я ещё сведу с тобой счёты!..

– Что-о? Что ты сказал?! – заревел Янгок и опять бросился ко мне.

Но я успел отворить дверь и кинулся наутёк.

ЗАГОВОР УБИЙЦ

Всю ночь меня мучили кошмары. Только усну, а мулла Янгок тут как тут: осторожно подползает ко мне, обеими руками хватает за горло и начинает душить.

«Я покажу тебе, негодяй, как портить мне дело!» Просыпаюсь в испарине, прихожу в себя, опять засыпаю. Только сомкну глаза, опять появляется Янгок. Он летает надо мной, как вертолёт, кружится, шепчет заклинания, колдует. У меня начинает вздвухиваться живот, будто шар, в который накачивают воздух, и он вот-вот должен лопнуть, взорваться как бомба. Вскрикнув, я опять просыпаюсь, ощупываю живот: нет, не вспух и, похоже, взорваться не собирается.

Успокоившись, снова засыпаю. И снова снится какая-нибудь чушь.

Так промучился до утра. Встал с головной болью. А тут ещё бабушка начала придирается: зачем, мол, прибежал, уж не прогневил ли чем дорогого муллу Янгока.

– Нет, не прогневил, бабушка, нет, – успокоил я её. – Просто мулла дал мне отпуск. На один день, на свидание с тобой...

Бабушка захлопотала, стала готовить мне завтрак. А я сел обдумывать, что делать дальше. Хорошо бы, конечно, на всё махнуть рукой, лечь на травке в саду, достать учебники и учить уроки. И чтобы никто тебя не корил, не пилил: «Опять бездельничаешь, останешься на второй год, непутёвый!» Сам во всём виноват. Согласился, когда бабушка предложила стать дурацким учеником Янгока. Правда, если бы я не согласился, она бы силой меня не заставила. Но я хотел выведать секреты муллы да ещё за сестрёнку отомстить. Поэтому пошёл, хотя мог всё это узнать каким-то другим путём. А секретов-то у муллы, оказывается, почти никаких: надувает людей как может, и всё тут. Взять бы да позвать милиционера: арестуйте, мол, этого человека, он вор и мошенник! Но не такой уж простачок мулла Янгок. Скажет: «Докажите, что я вор и мошенник. Я никому плохого не сделал. В поте лица служу аллаху. Вы на меня наговариваете, потому что хотите свою вину скрыть: вы убили моего ослика, единственного, любимого, незабвенного ослика!» Глядишь, я бы в дураках и остался. С муллой не стоило связываться, а уж коли связался, надо дело довести до конца. Придётся вернуться к Янгоку, попросить прощения, сделать вид, будто понял свою ошибку и раскаиваюсь.

Приняв такое решение, я повеселел, даже голова перестала болеть. Взял гроздь винограда и тронулся в путь. Шёл я быстро и весело, но чем ближе подходил к гробнице, настроение становилось всё хуже и хуже. Хотелось вернуться обратно или, во всяком случае, сегодня не идти к Янгоку. И тут я вспомнил волшебную шапочку.

– Скажи, дорогая, стоит ли связываться с этим муллой Янгоком? Ведь его всё равно рано или поздно разоблачат. Не я, так другие.

– Так-то оно так. Но разве мулла Янгок не избил тебя, Хашимджан?

– Избил. Да ещё как!

– А ты разве протер, когда тебя избивали в нечестной драке, Хашимджан?

– Нет, не протер. Правда... Арифу простил, но ведь я сам сколько раз обижал его ни за что ни про что...

– Вот видишь! А мулле Янгоку, значит, можно тебя колотить безнаказанно, так, что ли?

– Вот ещё! Я пообещал Янгоку свести с ним счёты!

– А чего тогда голову ломаешь? Или трусишь?

– Я? Трушу? Ты ещё меня не знаешь, дорогая! Я его... Да я этого Янгока, как орех, расколю.

Но на всякий случай, дорогая...

Я быстренько надел шапочку и прошептал:

– Наверху небо, внизу земля...

– Ты правильно решил, Хашимджан, – крикнула сверху шапочка, – не стоит лезть на рожон!

Я быстро взбежал по каменным ступеням наверх. Дверь в дом была приоткрыта, и оттуда

доносились приглушённые голоса. Я тихо вошёл в сумрачную комнату.

Мулла Янгок сидел в глубине комнаты на мягких шёлковых подушках. Перед ним стоял склонив голову Горбун. С того дня, как я убил змею, здесь его не было видно. Я подумал даже, что он уехал навсегда вместе со своим дружкой, мюридом, который со шрамом.

– Долго же ты гулял, Балтабай! Я уж и не надеялся тебя увидеть, – говорил недовольным голосом мулла Янгок.

– Две недели мотался по кишлакам, пока собрал все долги, причитающиеся вам... – ответил Горбун. – А вы ещё недовольны.

– Где деньги? – сразу подобрался Янгок, как тигр, готовый прыгнуть на жертву.

– Вот они. – Балтабай подал мулле деньги, завернутые в платок.

– Это всё? – спросил Янгок, подозрительно оглядывая Балтабая.

– Копеечка в копейку, ака. Кое-кто расплатился продуктами, так их я оставил вашим жёнам. В кишлаке Айтепе и Культепе. Мясо, рис там, мука...

– Зря ты брал продукты, Балтабай. Если всё отдавать жёнам, нам никогда не выбраться из этой дыры, дитя моё.

– Я не мог иначе, Янгок-ака. Или бери продуктами, или ничего не дают.

– Надо было припугнуть гневом аллаха.

– Пугал, Янгок-ака, пугал, да мало толку – не пугаются.

– Ох, сын мой, тяжёлые времена настали: нет у людей страха. Боюсь, в один прекрасный день возьмут они да погонят нас отсюда. Надо поскорее сколотить деньжат и смываться.

– Золотые слова, дорогой братец. Пора смыывать удочки. Вроде палёным запахло...

– Ты о чём это? По лицу вижу, есть у тебя что-то на уме. Садись поближе, Балтабай, рассказывай...

– Не утешительный рассказ будет, братец, – начал Балтабай.

– Да говори же поскорее!

– Выполняя ваше поручение, брат мой, я обошёл тридцать три кишлака и так, шаг за шагом, добрался до Мирзаабада...

– Ты был в Мирзаабаде?

– Так точно. Там у меня родственнички живут. Они рассказали, что из Ферганы приезжал следователь, расспрашивал про какого-то мошенника, по фамилии Уразаев, который года два-три тому назад всучил какому-то простаку вместо тысячи рублей пять настольных календарей.

Мулла Янгок вскочил с места и в волнении забегал по комнате.

– всплыло! О боже, всплыло! И откуда они узнали мою фамилию?

– Так это вы? – деланно удивился Балтабай. – Я и не подозревал!

– Не прикидывайся дурачком, Балтабай! – вспыхнул мулла Янгок Уразаев. – За мошенничество дадут от силы пять лет тюрьмы. Это тебе не убийство, дитя моё... Балтабай вздрогнул и испуганно огляделся вокруг. Янгок Уразаев минуту смотрел на него, что-то обдумывая, потом просветлел лицом, подошёл к нише в стене, достал кувшин с вином и сел на место.

– М-да, и твои дела не лучше моего, Балтабай, – сказал он с притворным вздохом. Потом налил в пиалу вина, подал Балтабаю. – Сдаётся мне, – не спеша продолжал Янгок, – сдаётся мне, что этот нечестивец Абдушукуров напал на твой след, дитя моё. Вчера он приходил сюда с несколькими милиционерами...

Балтабай замер, поднеся пиалу к губам.

– Пей, пей, герой, не трясись, – усмехнулся Янгок. – Не всё ещё потеряно. Положение твоё можно исправить, если взяться за дело с умом...

– А кто такой Абдушукуров?

– Председатель сельсовета. Тот, который решил разрушить наше гнёздышко.

– Меня-то он откуда знает?

– Он всё знает, дитя моё. Вчера меня допрашивал: где, говорит, этот горбатый мюрид скрывается? Нам, говорит, известно, что он не мюрид, а бежавший из тюрьмы уголовник Балтабай Султанов. Растратчик и убийца.

Горбун уронил пиалу с вином на пол. Руки его прямо-таки танцевали.

– Спрячьте меня, святейший, умоляю вас именем аллаха!

– Я такой же святейший, дитя моё, как ты – ангел! – засмеялся Уразаев. – И навряд ли аллах тебе поможет, Балтабай. Он высоко в небе. А Абдушукуров рядышком.

Балтабай с ужасом оглянулся, словно боясь, что Абдушукуров и взаправду стоит рядышком и протягивает руки, чтобы схватить его. Глаза «мюрида» налились кровью и пылали отчаянной решимостью. Я похвалил себя за то, что догадался стать невидимым.

– Я убью его! – взревел Балтабай, выхватывая из-за голенища большой кривой нож. – Клянусь аллахом, убью!

Меня бросило в холодный пот. И я тихонько отступил к двери.

– Спокойно, дитя моё, – сказал Янгок, – спрячь пока эту штуку. Ты прав: не жить тебе на свободе, пока на твоём пути стоит этот Абдушукуров. Но прежде чем убить его, надо приготовить себе убежище, чтоб было куда скрыться...

Балтабай нервно засмеялся:

– Легко сказать, почтенный...

– Так и быть, помогу тебе ещё раз, сын мой, – сказал Янгок, положив руку на сердце. – Такова уж моя натура: делать людям добро – моя слабость. Кто пригрел тебя, когда ты был как затравленный зверь? Мулла Янгок. – Он протянул руку и ткнул пальцем в горб Балтабая. – Кто тебе эту штуку приделал? Разве не мулла Янгок? Кстати, теперь ты можешь его снять...

Я не успел удивиться тому, что, оказывается, горбы можно снимать при желании.

– Ничего, он мне не мешает. – Балтабай схватил свой горб, оттянул его назад и отпустил. Он мягко шлёпнулся на место. – За то, что вы меня укрыли, я премного благодарен, Янгок-ака. Но ведь и я постарался отработать свой долг на совесть!

– Доброта муллы Янгока беспредельна – он и теперь поможет тебе, – продолжал Уразаев, не слушая «горбуна».

– Говорите же, святейший, что делать, я на всё готов. Прикажите – и я хоть сейчас пойду задушу этого Абдушукурова!

Тут я допустил неосторожность и задел локтем створку двери. Услышав тоненький скрип, заговорщики тревожно вскинулись. Минуту-другую они прислушивались к звукам, доносившимся снаружи. Я даже дышать перестал.

– Ветер это, – сказал наконец Янгок. – Я уже обдумал, как нам быть с тобой...

Он замолчал, пылливо разглядывая Балтабая.

– Завтра... нет, сегодня же я поеду в Ташкент, найду верных людей, с помощью которых подышу место, где тебе можно будет укрыться на время. А послезавтра приедешь ты, прикончишь здесь Абдушукурова и приедешь – и концы в воду!

– Я согласен, – прошептал Балтабай. – Век не забуду вашей доброты, святейший!

– Святые дела за здорово живёшь не делаются, дитя моё, – усмехнулся Уразаев. – Ты знаешь, сколько я уплатил, чтобы стать при Узункулаке муллой? Полторы тысячи! Да ещё неделю пришлось целую свору всяких шейхов поить коньяком и угощать пловом. И тебе придётся раскошелиться, Балтабай...

– Сколько?..

– Да уж посчитай сам, сын мой. Верным людям надо подсунуть, за убежище заплатить, всякие хлопоты... Нельзя жалеть деньги, когда решается вопрос жизни и смерти, Балтабай.

– Да я конечно... – пробормотал «мюрид», запуская дрожащую руку за пазуху.

– А ещё лучше, – поспешно продолжал Янгок с загоревшимися глазами, – отдай мне все свои деньги. Буду хранить их, пока над твоей головой висит грозный меч правосудия. Сам знаешь, человек я честный, чужой копейки не трону...

Балтабай поднял ошалевший взгляд на Янгока, промычал что-то невнятное.

– Давай, давай, дитя моё, – сказал Янгок ласково. – Можешь положиться на меня, как на своего отца. Погоди, деньги надо считать при закрытых дверях, так вернее... – Он встал и направился к двери.

Чем ближе подходил Янгок к двери, я тоже отступал назад, а когда щёлкнул замок – я был уже на улице.

Втянув полной грудью свежего воздуха, я облегчённо вздохнул. Теперь я знал, что мне делать. Я докажу всем, что мулла Янгок, любитель поест остро наперчённую шурпу из баранины и «святой, изгоняющий разных дивов», – вовсе не мулла и никакой не святой, а обыкновенный мошенник, пристроившийся у могилы Узункулака. Только бы бабушка мне не помешала и Закир составил бы компанию. А то жутковато всё же одному, ведь враг у меня коварный...

ВЕРХОМ НА ЖЁЛТОМ ДИВЕ

Дома была радость – вернулась Донохон. Она снова могла бегать, прыгать, скакать. Сестрёнка кинулась мне на шею и пошла щебетать о том, какой у них был хороший доктор, что он приносил ей каждый день конфет, что играл с ней даже в куклы, что она теперь не боится врачей и больше того, когда вырастет, сама обязательно станет врачом, потому что доктора – самые хорошие люди на свете.

Бабушка стояла неподалёку, слушала болтовню Донохон и искоса поглядывала на меня – видно, собиралась спросить, зачем я опять заявился.

– Тебя не доктора спасли, Донохон, – сказал я ласковым голосом. – Тебя спасли горячие молитвы тётушки Сарохон и дедушки муллы Янгока.

Сами понимаете, всё это я говорил, чтобы усыпить бдительность бабушки.

– Но доктора сделали мне операцию! – воскликнула Донохон.

– Видишь ли, операцию они сделали после того, как дедушка Янгок изгнал из тебя злых духов – жёлтых дивов, – продолжал я, незаметно наблюдая за бабушкой.

Та с удовлетворением слушала, не чувствуя, что я ехидничаю. А я всё распался, повергая Донохон в изумление своим красноречием. Я умолк, когда бабушка ушла, шепнул сестрёнке, что иду к Узункулаку, и выскользнул на улицу. Лишь бы застать Закира. Мне до зарезу нужна его помощь. Если он пойдёт со мной, я не струшу. Пусть ничего не делает, только бы рядом находился. Остальное я сделаю сам.

Закир встретил меня не очень приветливо.

– Чего тебе, я уже спать собрался? – спросил он недовольно.

Я молча глянул на солнце, которое ещё висело над горизонтом, и буркнул:

– Спокойной ночи, сын мой. – Сказал и повернул назад, словно собирался уходить.

– Погоди! Пришёл, так уж говори зачем.

– Ты же спать собрался? Позову Арифа, без тебя обойдётся.

– Перестань упрямиться, скажи, что хотел, – уцепился за рукав Закир.

– Ладно, слушай. Только обо всём, что сейчас услышишь, – молчок, ясно?

Закир кивнул. Я продолжал:

– Сегодня из больницы вернулась моя сестрёнка. Она говорит, что видела в зарослях у омута жёлтого дьявола и после этого заболела. Чтобы попасть на станцию, Янгок должен пройти через мостик у омута. Там я и решил подкараулить его.

– А не врёт она? – усомнился Закир.

– В том-то и дело, что не врёт. Я и сам вчера видел дива. Мешок тащил за спиной...

Закир отвёл меня в сторону и таинственно прошептал:

– Теперь верю! Я слышал, что дивы всегда ходят с мешком. И знаешь, что они в них носят? Кизяки!

Я так и закатился: ну и Закир, вечно какую-нибудь глупость придумает!

– А ты не смейся! В прошлом году тётушка Сарохон рассказывала. Шла она как-то мимо омута, глядит – сидит на кочке мальчик, похожий на Мирабиддинходжу. Сидит и плачет. Тётушка спросила, чего он плачет, а тот ещё пуще ревёт. Пожалела его тётушка, взяла на руки. Он был лёгким, как птичка. Посадила мальчика на плечи и зашагала домой. А мальчик с каждым шагом всё тяжелел и тяжелел, под конец немоготу стало его нести.

«Слазь, сынок, пройди немного пешком», – сказала тётушка, глянула за плечо, а там вместо мальчика – мешок. И в мешке том кизяки!

– Это определённо проделки дива. Вот потому-то я и хочу отколотить его сегодня.

– Что? – округлил глаза Закир.

– Хочу отколотить, – повторил я. – Можешь идти со мной. Докажешь, что ты тоже не трус.

– А я... ночью... книжку хотел почитать... – промямлил Закир потерянно.

Я заранее знал, что он так легко не согласится пойти со мной.

– Как хочешь, – пожал я плечами, – мне думалось, что такой храбрый и сильный человек, как ты, не откажется намять диву бока. Посмотри на свои мускулы – ты ими пяток дивов в бараний рог согнёшь!

Закир с уважением поглядел на свои мускулы.

– Я могу взять и Арифа, – продолжал я. – Он, конечно, послабее тебя, но, чем чёрт не шутит, тоже, может, прославится...

– Значит, ты хочешь, чтобы я намял диву бока? – спросил Закир, выпячивая грудь.

– Зачем же? Я и сам справлюсь. А ты будешь вроде судьи. Ну, ещё, если я захочу попить, подашь водички...

– По рукам! – Закир по-богатырски расставил ноги и с силой шлёпнул рукой по моей ладони. Но потом опять засомневался: – А что, если див окажется сильнее нас? Возьмёт и унесёт в небеса...

– Не бойся, не унесёт. Но на всякий случай захвати с собой верёвку. Я привяжу тебя к дереву.

– Ладно, – с радостью согласился Закир.

Потом он сбегал домой, отпросился у матери на ночь: сказал, что пойдёт к Арифу русский язык учить. Что поделать, пришлось соврать. А то бы его не отпустили. Тем более – со мной. Да ещё на бой с какими-то дивами. Но Закир всё-таки молодец – и на ночь отпросился, и кое-что с собой вынес: верёвку, длинный, как сабля, кухонный нож, сучковатую кизилковую палку и снесь – две лепёшки, лукошко огурцов и помидоров. Это у него вообще здорово получилось.

Нож я оставил Закиру («Если див тебя тронет, руби ему голову!»), а сам взял палку.

Когда мы добрались до омута, начинало смеркаться. Мы очистили место под кривым деревом джиды («Сюда ты меня привяжешь, дружище...»), устроили из травы лежанку и залегли в засаде. Справа нас прикрывали большие мшистые валуны, слева – омут, а впереди – мостик через речку. Кто бы здесь ни прошёл, мы бы всех увидали.

– Я привяжу тебя к дереву чуть позже, – пообещал я Закиру.

Он ничего не ответил, даже не обернулся на мой голос. Глаза его были тоскливо устремлены в сторону кишлака, который светился множеством ярких огоньков. Ветер доносил до нас блеяние овец, мычание коров, стук вёдер, женские голоса.

Вскоре всё утихло, прямо над нами всплыла полная луна, ярко осветив лужайку и заросли. Шум речки стал слышнее. Что-то ухнуло в зарослях и умолкло.

– Если кому расскажешь о том, что здесь увидишь... начал я с угрозой, не отрывая взгляда от моста, – не поздоровится...

Когда с кем-нибудь разговариваешь, страх отступает. Поэтому я хотел слышать голос друга. Но вместо ответа до меня донёсся храп. Мой друг, товарищ и помощник Закир спал безмятежным богатырским сном. В первый момент я хотел шлёпнуть его по макушке, но потом мне стало жаль Закира. «Пусть спит, – решил я. – Важно то, что он пошёл со мной. Боялся, а пошёл. Может, не хотел, чтобы я один подвергался опасности, а может, всерьёз намеревался сразиться с дивами...» Я подумал-подумал и надел волшебную шапочку.

– Ты чего дрожишь, Хашимджан? – спросила она.

– П-продрог...

– Боишься?

– П-признаться, шапочка моя, немножко боюсь...

– Не бойся. Трусливые никогда не достигают цели, Хашимджан. Помни об этом.

Я сжал палку в руках и крадучись пошёл к мостику. Ветер шуршал в прибрежных камышах, вода тихо журчала в речке, луна спокойно висела над головой. Вокруг никого.

С полчаса посидел я в зарослях и вернулся к Закиру. Он сбросил с себя куртку, раскинул руки и тоненько свистел носом. Я поправил ему голову, чтобы – не дай бог! – не испугал моего «дива» своим храпом, и прилёг рядом. Время, видно, близилось к полуночи, стало клонить ко сну. Может быть, я и уснул бы, если бы вдруг... не услышал сторожкие шаги. Идёт! Я вскочил на ноги, крепко сжимая в руках дубинку. Держись, Хашимджан! Пора отомстить за твою сестрёнку Донохон, за бедного парня в клетчатой рубашке и за всё, за всё!

Я вышел навстречу тени, которая несла в руке что-то тяжёлое, и крикнул хриплым от волнения голосом:

– Стой! Кто идёт?

«Див» остановился, испуганно огляделся по сторонам и, никого не увидев, очень удивился.

Конечно, я не ошибся – это был мулла Янгок. Его голос я узнал сразу.

Справившись с замешательством, Янгок двинулся дальше.

– Кому я сказал «стой»?! – Я выбежал к мостику и преградил «диву» дорогу.

Он остановился шагах в десяти от меня.

– А кто это сказал? – решил схитрить Янгок. Или думал, что ослышался: ведь он никого перед собой не видел.

– Я сказал! Человек. – Теперь мне было не страшно. Единственное, что заботило меня, – это мой голос. Если Янгок его узнает, всё может провалиться.

– А почему тогда тебя не видно? – допытывался Янгок.

– Не твоё дело, – ответил я. – Сам скажи, кто ты такой; жёлтый или чёрный див?

– Я мулла Янгок, а не див.

Я подошёл поближе и остановился как вкопанный: на Янгоке не было его истрёпанного чапана и пожелтевшей от грязи чалмы. Усов и козлиной бороды тоже нет. Одет в полосатый серый костюм, при галстукке. Новенькая фетровая шляпа сдвинута на самые глаза.

– Это ты, мулла Янгок? – спросил я. – А где же твоя борода?

– Я ещё очень молод, чтобы носить бороду, – ответил он. – Мне всего сорок два года.

– Вот как?! Так ты же мулла?

– Был муллой, да весь вышел, – хихикнул Янгок, потом вдруг спохватился: – Извините, я пойду, очень спешу.

– Стоп! – крикнул я и, подойдя к Янгоку сбоку, постучал палкой по его спине. – Бросай чемодан! Сейчас мы посмотрим, что там у тебя: кизяки или головы безвинно убитых тобой людей?

– Какие кизяки, какие головы?! – возмутился Янгок. – Я на мокрое дело никогда не иду, гражданин... извините, не знаю, как вас величать. Пусть этим занимаются такие дураки, как Балтабай...

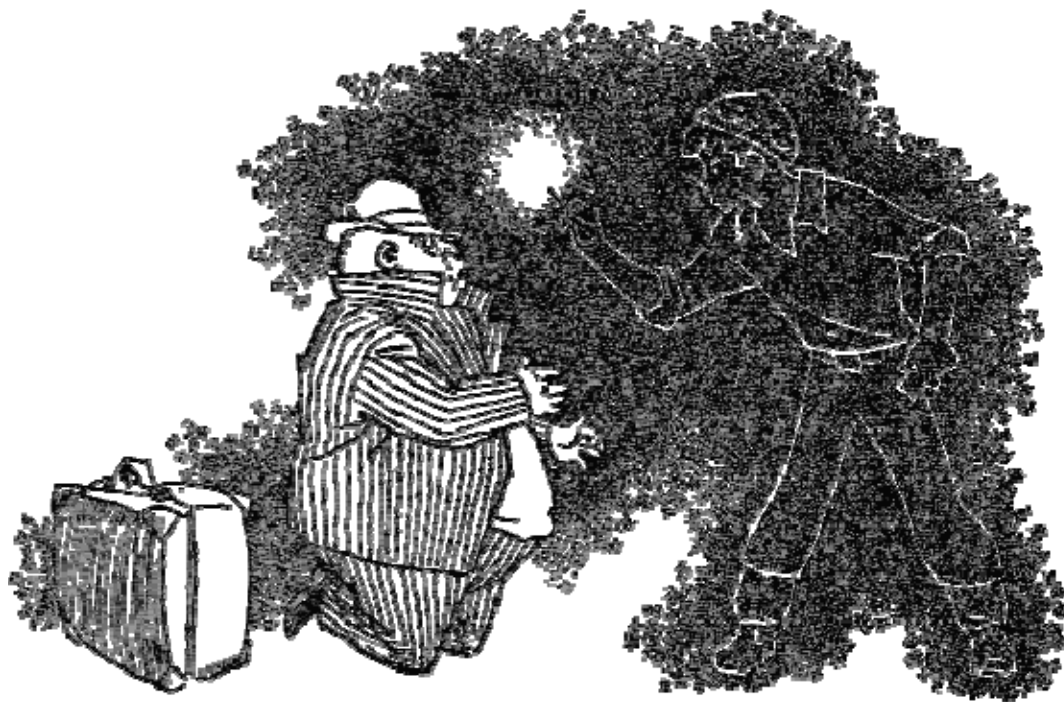
– Понятно. Они будут убивать, а ты их укрывать, так, что ли?

– Чёрта с два! Мне бы только на московский поезд успеть, а там ищи ветра в поле! Очень нужен мне ваш Балтабай! Отпустите меня, гражданин, я опаздываю.

– Никуда ты не пойдёшь, – ткнул я палкой в грудь Янгока. – Помолись лучше перед смертью, потому что я решил убить тебя! Жёлтый див я, слышал про такого?

– Див? Жёлтый див? – спросил Янгок, несколько не испугавшись, – Откуда ты взялся, из сказки, что ли? Если бы ты сказал, что ты – невидимый агент ОБХСС, я бы поверил, но див...

– Я тебе покажу – из сказки! – сказал я сердито и, чиркнув спичку, поднёс к лицу Янгока.

Он испуганно упал на колени.

– Молись, пока не поздно.

– Но я не умею молиться, товарищ див...

– Не умеешь? А когда ты работал муллой, молился?

– Бормотал всё, что придёт на язык, и только. Никаких молитв я не знаю!..

– Всё ясно. Бери чемодан в руки! – приказал я, угощая Янгока лёгким пинком. – А теперь нагнись, вот так. И не дрожи, а то уронишь! – предупредил я, взбираясь на него верхом. – Порядок. Ну, давай скачи.

– Куда скакать?

– В кишлак. Прямо к сельсовету. Ну, пошёл!.. Скажу я вам, никогда не думал, что это такое удовольствие – скакать верхом на жёлтом диве! Как вы сами помните, я катался и на «Волгах», и на грузовиках, и на трамвае, но такого удовольствия никогда не получал. Янгок Уразаев,

отъевшийся на дармовых харчах, нёсся к кишлаку, как первоклассный скакун, – только ветер свистел в ушах. Он, видно, надеялся, что я его отпущу. Но не тут-то было. Я пригнал его прямо к сельсовету, хотел сдать сторожу. А того, как назло, не оказалось на своём посту.

Дверь сельсовета была не заперта, и я, не слезая с Янгока, объехал все кабинеты, высматривая, в каком бы его запереть. Но все окна здесь, оказывается, без решёток. «Нельзя его оставлять тут, – решил я, – сбежит мой мошенник».

– Немного подумав, я нашёл наилучший выход: запер Янгока в старой тёмной конюшне, где хранились разные колёса и запчасти к машине Абдушукурова. Потом я вернулся в сельсовет, сел в председательское кресло и написал объявление:

«Внимание! Здесь заперт вор и мошенник Я. Уразаев, который выдавал себя за муллу Янгока. Просьба связать его и передать милиции».

Приклеил я листок к двери конюшни и со спокойным сердцем вернулся к омуту.

Закир всё ещё спал. Я сел возле него, достал корзину и с аппетитом поужинал. Потом накрылся курткой (Закир не замёрзнет, он больно жирный) и сладко уснул.

ТАЙНА ГРОБНИЦЫ

Муллу Янгок, которого утром вывели из конюшни, клялся и божился, что над ним зло подшутили дивы, что они всю ночь ездили на нём. Но ему уже мало кто верил: «Бороду тебе тоже дивы сбрили? И костюм на тебя надели? А эти пачки денег, что лежали в твоём чемодане, тоже дивы дали?» Я с большим нетерпением ждал возвращения нашего участкового милиционера, который повёз Янгока в район. Если Балтабай пронюхает, что мулла Янгок разоблачён, немедленно скроется. И кто знает, сколько ещё он совершит преступлений, если останется на свободе!

Участковый вернулся после обеда и сразу побежал в аптеку: он вечно там сидит, играет с аптекарем в шахматы.

Когда я вошёл, он грустно глядел на шахматные фигурки, подперев щеку ладонью, а аптекарь посмеивался – видно, выигрывал.

– Дядя милиционер!

Участковый вздрогнул, поднял на меня отсутствующий взгляд.

– Дядя милиционер, вы знаете Балтабая Султанова?

– А как же! – обрадовался участковый.

Радовался он, конечно, тому, что придётся сдаваться аптекарю. А положение у него было незавидное. Один-два хода – и мат!

– Конечно, знаю, как же его не знать, миленького! Это матёрый преступник! Целый год его ищем – не поймаем!

– Я знаю, где он прячется!

– Что? – Милиционер машинально достал с подоконника свою форменную фуражку и надел на голову. – Говори спокойно, мальчик, где ты видел Балтабая Султанова? И не врешь ли?

– Я никогда не вру, – обиделся я. – Он хочет убить Абдушукурова...

Участковый милиционер то ли нарочно, то ли от волнения опрокинул шахматную доску.

– Всё, больше не играем, друг, дело серьёзное!..

– Служба – прежде всего, – вмешался аптекарь. – А мальчика я знаю: это сын тракториста Кузыбая. Толковый парень.

– А-а, это ты сбежал из дома и доставил нам столько хлопот?

Я опустил голову.

– Если говоришь правду и мы поймаем Балтабая, я прощу тебе всё. И ещё попрошу у

начальства, чтобы представили к награде...

– Не надо мне награды, дяденька. Надо поскорее поймать его, пока он не убил Абдушукурова!

– Не убьёт – руки коротки! – Милиционер шагнул к выходу и остановился. – Так где, ты говоришь, скрывается этот вор и убийца?

– Он скрывается там, где гробница Узункулака. Я вам покажу...

Через два часа Балтабая привели к сельсовету со связанными назад руками. Толпа мальчишек бежала за ним, выкрикивая:

– Горбун без горба! Горбун без горба!

Горба Балтабая в самом деле не было. Его нёс в руке участковый милиционер. Показав подушечку с резинками, он подмигнул мне и улыбнулся. Я присоединился к ребятам и тоже начал выкрикивать:

– Горбун без горба! Горбун без горба!

Балтабая ожидала чёрная крытая машина, приехавшая из района. Возле неё стоял Абдушукуров с несколькими начальниками милиции.

– У-у, доконал-таки! – процедил сквозь зубы Балтабай, кинув злой взгляд на председателя сельсовета.

Абдушукуров прервал свой разговор и повернулся к Султанову. Лицо его стало серьёзным и жёстким.

– Поезжай, Султанов, поезжай, приготовил твой Янгок тебе убежище, – усмехнулся он.

Султанова посадили в машину, дверца захлопнулась. Абдушукуров повернулся к своим собеседникам и спокойно продолжил прерванный разговор.

На другой день ещё одно событие переполошило наш кишлак. Объявили, что могила Узункулака будет разрушена и завтра же начнётся строительство пионерского лагеря. Некоторые люди, такие, как моя бабушка, схоронились дома и ждали конца света. Они молились аллаху, чтобы он не гневался на них, не посылал жестокой кары. Они были уверены, что, как только кто-нибудь дотронется до могилы, расколется небо, разверзнется земля и всевышний покарает богохульников. А мы, мальчишки, предоставленные самим себе, побежали к гробнице.

Здесь собралось очень много народа. Неподалёку стоял бульдозер, возле него Абдушукуров совещался с колхозниками.

Через полчаса Абдушукуров объявил, что ломать могилу будут не бульдозером, а просто

разберут кетменями.

На землю упал первый кирпич. Ничего страшного не случилось: земля не провалилась, небо не расколосось.

Кирпич за кирпичом разобрали куполообразное надгробие. Перед глазами присутствующих появилось небольшое углубление в середине гробницы. В нём лежали какие-то кости и череп...

Толпа некоторое время поражённо молчала, разглядывая останки святого, потом все вдруг разом заговорили и начался спор.

– Это ведь останки лошади! – кричали одни.

– Нет, это кости осла! – возражали другие. Вы не представляете, что дальше было. Люди кричали, что это позор, что столько лет какие-то мошенники морочили людям головы, божились, что теперь никто не будет верить в аллаха.

А народу всё прибывало и прибывало. Даже из соседнего района приехали на машинах и велосипедах. Кто-то дёрнул меня за рукав. Оглянулся – бабушка. Накинула на голову старый отцовский чапан и тоже явилась полюбоваться на «останки святого».

– Что ты здесь делаешь, Хашим? – спросила она тихо.

– Святому поклониться пришёл, – ответил я смеясь.

Бабушка молча отошла в сторону.

– Это дело надо прояснить до конца, товарищи! – закричал пожилой колхозник, поднявшись на каменные ступени гробницы. – У меня есть предложение. В горах, недалеко отсюда, живёт стотридцатичетырёхлетний старец. Дедом Кабулом его зовут. При встречах он всегда смеётся, говорит:

«Ну как поживаете, поклоняющиеся ослу?» Видать, этот старец знал, что в гробнице зарыт обыкновенный осёл...

– Надо привезти старика, пусть расскажет нам правду!

– Надо послать за ним машину. Сейчас же! – закричали все.

– Вы знакомы с этим стариком, вот вы и поезжайте за ним, – предложил Абдушукуров пожилому колхознику.

Тот сел в «газик» и укатил в горы.

Скоро он вернулся. Деда Кабула вывели под руки на возвышенность у могилы.

– Старость – не радость, дети мои... – начал он, тяжело дыша, – дайте немного отдышаться... А дело вы сделали, вижу, доброе... – Он кинул взгляд на гробницу и продолжал более бодрым голосом: – Было это давным-давно, дети мои. Уж теперь и не припомню, сколько лет тому назад. То ли сто лет, то ли больше прошло – не помню, но было мне тогда лет восемь... Неподдалёку отсюда жил одинокий старик Рахим-дровосек. Ничего у него не было, кроме единственного осла. Развозил он на нём дрова по кишлакам, тем и кормился, бедняга. Но бедного человека, известно, на каждом шагу несчастья подстерегают. Спускался как-то Рахим с гор, и вдруг вот на этом самом месте осёл оскользнулся, упал и сломал себе хребет. Горевал старик очень. Потом с почестями похоронил осла, а могилу обложил невысокой стеной. В это время с гор спустились какие-то незнакомые люди. «Не уставать вам, дедушка, – сказали они. – Кто здесь почивает, мир его праху?» – «Кормилец мой, – ответил старик плача. – Двадцать лет кормил меня, родимый. И похоронил я его сегодня, святого длинноухого».

Пожалели путники старика, дали ему несколько монет и пошли своей дорогой. А старик остался здесь, потому что идти ему было некуда, негде достать кусок хлеба... Вскоре он умер, а к могиле пристроился шейх Азизхан. Он подновил гробницу. Насадил вокруг тополя и чинары, объявил, что здесь похоронен святой Узункулак, мученик во имя аллаха...

Народ тогда был тёмный, верил во всё, что обещало ему счастье, пусть хоть на том свете. Вот и стали люди стекаться к «святейшей» могиле на поклонение, надеясь молитвами облегчить

свою участь. Азизхан был жесток и могущественен. Уничтожил он всех, кто осмеливался сказать, что здесь покоятся кости обыкновенного осла. Со временем всё забылось, стёрлось из памяти... Эгей, дети мои, немало повидали эти камни, на которых мы сейчас стоим. И ишаны творили здесь свои чёрные дела, и басмачи гуляли с оголёнными саблями...

Все слушали рассказ деда Кабула с большим вниманием. И будто не старый дед говорил, а сама история...

И ЛИСТЯ АПЛОДИРОВАЛИ ЕМУ

Вот и пошли мои дела на лад. Даже бабушка оставила меня в покое. Решила, наверно, что я достаточно перевоспитался. Это я понял сегодня, когда она, кряхтя, вылезла из постели на утреннюю молитву.

– Бабушка, может, мне тоже помолиться? – спросил я нарочно. – Я ведь научился у Янгока нескольким молитвам...

– Спи, сынок, спи, – ответила бабушка. – Довольно и того, что я, старая, шестьдесят лет поклонялась ослу. А молюсь я теперь так себе, для физ... физкультуры... так, что ли, говорят?!

В общем, бабушка оставила меня в покое. Только иногда попросит что-нибудь сделать по хозяйству или сбегать в магазин. Вот как сейчас, например. Послала за мылом. По дороге в сельмаг я встретил Закира. После той ночи, когда мы охотились на «дивов», я его не видел. На плече он тащил длинную неструганую доску.

– Что ж ты теперь будешь делать без муллы Янгока? – ухмыльнулся Закир, останавливаясь.

Никогда бы не подумал, что этот толстячок способен ехидничать.

– Пойду с тобой охотиться на дивов.

– Дудки! – сказал Закир и бросил доску на землю. – Я теперь на такое дело не пойду, дружище. Пустое баловство. И вообще буду подальше держаться от тебя. Ариф – это другое дело. Он помог мне в седьмой класс перейти. Я и русский сдал, и алгебру.

– Значит, ты теперь хорошо считаешь?

– Да, дружище, даже не представляешь, как я это делаю. Кабулов говорит, что из меня выйдет толк.

– Ага! А сколько будет, если я тебе дам пинка, два раза заеду по уху, трижды пройду кулаком по спине и всё это помножу на пять?

– Ты что, дружище, бить меня хочешь? – удивился Закир.

– Нет, но ты всё же посчитай...

– Всего будет... погоди, убери кулак – думать мешает... Всего будет... тридцать пинков, тумачков и кулаков...

– Молодец, правильно сосчитал. А куда ты несёшь это бревно?

– Это не бревно, а доска, – пояснил Закир с важностью и рассказал, что, после того как потерял деньги, Ариф раз думал покупать шкаф, а решил смастерить книжную полку своими руками. Оказывается, самодельная полка в тысячу раз лучше, чем какой-то там фабричный шкаф.

– Уж вы наместерите, представляю! – хмыкнул я.

– А что! Ариф знаешь какой мастер! И добрый очень. Он, например, уже составил список будущих читателей своей будущей библиотеки. Он и тебя записал. Говорит, если Хашимджан захочет – пусть берёт, читает интересные книги. Мы только малышам решили не давать книг. Знаешь ведь, попадётся им в руки книжка, так они сразу листки с картинками вырывают.

Я взялся за один конец доски.

– Пошли, оттащим это бревно на пару...

Ариф трудился вовсю. Весь двор был завален стружками, обрезками досок и разным инструментом. Нижняя часть полки, оказывается, уже готова.

– Кладите сюда, – приказал Ариф. Потом добавил: – И подметите двор. Скоро мама придёт...

– А почему ты не стругаешь доски? – поинтересовался я.

– Так лучше, – деловито ответил Ариф. – Когда доски шершавые, книги прочнее лежат, не падают на пол...

Мы с Закиром принялись убирать двор, а Ариф стал сколачивать другую часть полки.

Через час всё было готово, но я не стал дожидаться, когда Ариф разложит свои книги. Из-за дувала уже давно слышался сердитый голос моей бабушки: «И куда этот сорванец запропастился? Его бы за смертью посылать, а не за мылом!» Но я опять не дошёл до магазина. Сзади на велосипеде появился Мирабиддинходжа и спрыгнул на землю.

– Подожди, друг, мне с тобой посоветоваться надо! Ко мне уже обращаются даже за советами, ничего себе!

– О чём посоветоваться? – спросил я, напуская на себя важность. – Спрашивай, отвечу...

Мирабиддинходжа с таинственным видом оглянулся:

– Вначале поклянись, что никому не раскроешь мою тайну!

Я поклялся.

– Сегодня ночью я хочу убежать из дома, – сказал Мирабиддинходжа шёпотом.

– Посоветуй мне, как это лучше сделать. Ведь ты уже убегал однажды, опыт имеешь...

– А зачем тебе бежать-то?

– Плохи мои дела, друг. – Мирабиддинходжа потёр глаза и повторил: – Плохи мои дела, очень плохи. Ты поклялся никому не говорить, и поэтому я открою тебе одну страшную тайну: недавно я видел дедушку Азраиля. Вначале он хотел убить меня, а потом раздумал, загнал в кувшин и побил немного для острастки. А наказывал он меня за то, что лгу. «Если ещё раз соврёшь, – сказал дедушка Азраиль на прощание, – непременно убью тебя!»

– Ну? – деланно удивился я.

– Ей-богу! Я старался не лгать. Да и мать больше не заставляла после того, как пришли больные и... – Мирабиддинходжа прыснул в кулак, но тут же стал серьёзным. – Теперь она снова хочет заставить меня лазить в кувшин и кричать «аминь». Говорит, раз нет Янгока, все пойдут к нам. – Мирабиддинходжа тяжело вздохнул, вытер кулаком слезы. – А я не хочу больше в кувшин лазить. И врать не хочу. Боюсь, опять явится дедушка Азраиль. Второй раз он мне не простит. Обязательно убьёт.

– Не огорчайся, друг, найдём выход.

– Мне теперь совсем жить не хочется, – продолжал Мирабиддинходжа, потягивая носом. – Дома мать ругает, а то и колотит чем попало, и в школе покоя нету... Я никому не говорил, что меня оставили на второй год... в шестом классе. Потому что все считают, что я пустоголовый. А мне знаешь как учиться хочется, и без двоек. А двоечником я стал из-за того, что сидел в кувшине и кричал «аминь». Помогги, друг, мне добрым советом, скажи, в какую сторону мне лучше бежать, где спрятаться, чтобы никто меня не нашёл. Никто, никто, как вот тебя... Ты же очень ловкий и добрый парень...

Знаете, иногда на меня такое находит, что я начинаю говорить очень красиво и убедительно, дальше уж некуда. Тогда все слушают разинув рты. Будто это и вовсе не Хашимджан говорит, а какой-нибудь лектор из района. За полчаса я легко отговорил Мирабиддинходжу убежать из дома, убедил, что это очень хорошо – ещё годик поучиться в шестом классе.

– Мы сядем с тобой на одну парту у окна. Будем крепко дружить, – говорил я с жаром. – Меня в этом году наверняка изберут старостой. Тогда я назначу тебя председателем

санкомиссии. Потому что ты хороший парень. Вот увидишь, мы с тобой заживём душа в душу. А с матерью твоей я сам поговорю. Сегодня же. Не будет она больше заставлять тебя лазить в кувшин и кричать «аминь»! Будь спокоен!

– Ты настоящий друг, Хашимджан! – растроганно воскликнул Мирабиддинходжа.

– Значит, договорились. Дай руку, будущий председатель санитарной комиссии!

Я крепко пожал Мирабиддинходже руку, посадил его на велосипед и отправил домой. Потом пошёл своей дорогой.

Надо же когда-нибудь принести бабушке мыло! А насчёт того, как быть с тётушкой Сарохон, я не беспокоился. Посложнее дела бывали. И то всё кончалось благополучно. И теперь будет нормально. Ведь у меня есть волшебная шапочка. Моя дорогая, верная волшебная шапочка. И с нею мне не страшны никакие испытания!

Я шёл по пыльной кишлачной улице, и деревья, что растут вдоль арька, кивали мне своими ветками и будто бы хлопали в ладоши: «Правильно, Хашимджан, правильно! Тебя испытаниями не испугать!»

Часть третья
У МЕНЯ МНОГО ДРУЗЕЙ

Большое угощение

Кажется, было двадцать шестое, нет, вру, двадцать седьмое августа... А может, и не двадцать седьмое... Но это неважно. Главное – стоял очень жаркий, душный день. Ну просто невозможно было дышать. На улицах кишлака ни души. Даже птицы попрятались. Арифова собачка влезла по горло в арык и глубоко и часто дышала, высунув красный язык. Листья деревьев точно вырезаны из жести, не шелохнутся. А нам духотища нипочём: наелись персиков из сада Мирзы-бобо, накупались в речке, пока не посинели, и теперь валялись на песке, грелись. Вдруг на горизонте появилась моя сестричка Донохон. Кричит что-то, руками размахивает.

– Ты не можешь подойти поближе? – крикнул я. – Чего надо?

Очень не хотелось встать с тёпленького песочка.

– Я стесняюсь, вы все голые!

– Тогда кричи громче!

– Вас ищет новый учитель!

Мне лень было встать, одеваться, тащиться куда-то, но заставил себя: надо! Дело стоит, наверное, того. Во дворе у нас, на сури, сидел учитель – парень лет двадцати – двадцати двух, высокий, худощавый. Чёрные блестящие волосы, лицо удлинённое, глаза большие, лоб высокий.

Как только я шагнул в калитку, учитель внимательно оглядел меня. С головы до пят. Я остановился поодаль (мало ли что он выкинет, этот новый учитель).

– Здравсте.

– Здравствуйте. Это вы будете Хашимджан? – Учитель положил на поднос гроздь винограда, соскочил с места и, протянув мне обе руки, представился.

Его звали Вахидом Салиевичем Салиевым, он совсем недавно окончил институт и вот приехал к нам в кишлак. Будет преподавать алгебру и математику. Три дня тому назад его назначили руководителем того самого шестого «Б» класса, в котором я буду учиться в этом году. (Надо сказать, новый учитель всё это доложил, почему-то глядя не на меня, а на бабушку, которая взгромоздилась на сури тотчас, как только мы с Вахидом Салиевичем поздоровались.)

– Я уже ознакомился с личными делами учащихся, – продолжал учитель, всё так же глядя на бабушку, но не выпуская и моей руки. – И вот решил кое с кем из них повидаться, поговорить по душам.

– И очень правильно решили, милейший, – ласково одобрила бабушка.

Учитель сел на сури, свесив ноги, и снова принялся за виноград: за раз отправил в рот штук десять ягод.

– Понимаете, бабушка, я считаю, что учитель должен хорошо знать своих учеников, их родителей, обстановку в их семье. К тому же я живу один, делать мне почти что нечего.

– А где ваши родители, сынок? Отчего же вам не перевезти их сюда, к нам?

– В городе они живут. А виноград у вас отменный, бабушка.

– Ешьте на здоровье, милейший, ешьте. А вы женаты?

– Что-о вы, бабушка! Рано мне ещё.

– Тогда вот что я вам скажу, сынок... – Бабушка решительно скрестила руки на груди. – Грязное бельё вы должны непременно приносить мне. Я сама буду стирать. Время от времени я буду навещать вас, проверять, как вы питаетесь. Лишь бы... лишь бы вы наставили на путь истинный этого шалопая Хашимджана. Отец его работает сутки напролёт, даже во сне, и ничего другого знать не желает, кроме своего трактора, а мать – хоть у неё трое детей – целыми днями пропадает на ферме. Не мудрено, что сынок совсем от рук отбил, разболтался вконец. Вон, вон, глядите, встал за вашей спиной, подмигивает мне, кривляется...

– И вовсе я не кривлюсь! Просто в глаз соринка попала, – сказал я обиженно. Мне не понравилось, что родная бабушка говорит про меня плохое совсем чужому человеку.

К счастью, новый учитель, оказывается, в одном сродни моему папе: не слишком-то поддаётся внушению. Бабушка говорит, говорит, чернит меня всю, а он хоть бы что, уплетает виноград за обе щеки, блаженно покачивает головой, и все слова точно мимо.

Наконец Вахид Салиевич покончил с виноградом, отодвинул от себя пустую чашу, вытер рот.

– Ну-ка, Хашимджан, сядьте-ка поближе.

Я опустил на краешек сури. Бабушка зачем-то ушла в сад.

– Как у вас прошли каникулы?

– Неплохо. – Подумал немного, потом добавил: – Очень неплохо.

– Много книг прочли за лето?

– Ни одной, домолла¹⁴.

– Ия! – удивился Вахид Салиевич. – Как это так – ни одной?

– Просто я не могу читать, – признался я. – Раскрываю книжку, ложусь читать – и тут же засыпаю. А то и сердце начинает болеть.

– Отчего же сердце болит? От чтения, что ли?

– Оттого, что я очень нервный.

¹⁴ Домолла – учитель, наставник.

– Нервный? А отчего, позвольте узнать, вы стали таким «нервным»?

– Учителя очень много на дом задают. Вот я и стал нервным... От перегрузок.

Учитель расхохотался, хлопая руками по коленям. Смеялся он во всё горло, закинув голову вверх. Его хохот распугал стаю воробышек на крыше. Они рассыпались по двору, как чёрные упругие мячики.

«Ага, – подумал я, – значит, я понравился новому учителю, раз он так развеселился». И продолжал:

– Кроме того, сестрёнка моя Айшахон тоже нервная, от меня заразилась. Есть у меня ещё одна сестрёнка, Донохон, вон она играет с кошкой возле очага, так она тоже нервная.

– А она... а она отчего же стала... «нервной»? Такая крохотуля...

– Она не крохотуля. Во втором классе учится. Нервной она стала ещё в детском садике... Они там знаете как из-за игрушек дерутся. Вот и становятся нервными.

– Об-бо, Хашимджан, да вы, оказывается, весельчак! Люблю таких людей!

– Вот-вот, за это самое бабушка хочет загнать меня в могилу. – Я решил немного поплакаться.

– Как так в могилу?

– А вот так. «Я, говорит, буду не я, если не сделаю из тебя человека». Человека она сделает, а куда денет меня?

Учитель не мигая уставился на меня, потом опять расхохотался. Смеялся, смеялся, вдруг нахмурился, глаза стали глубокими, серьёзными.

– Вы, Хашимджан, бабушку не обижайте, – проговорил он. – Если бы у меня была такая бабушка, я бы её на руках носил. Посмотрите, всё на вас чистенькое, выглаженное. Во дворе ни соринки, прибрано, аккуратно разложено. Ведь это её работа, верно я говорю? – Не дожидаясь моего ответа, будто и не сомневался, что я волей-неволей кивну головой, спросил: – Как у вас с учебниками, Хашимджан, всё готово?

– Всё готово, домулла.

– Принесите их сюда, проверим.

Я мигом слетал за своим новеньким блестящим портфелем. Оказалось, что кое-каких учебников всё же не хватает. Мы тотчас отправились в школу, где учитель достал мне нужные книги. Потом мы заглянули ещё к трём ребятам. Последним зашли к Акраму. Во дворе у него было полно разных животных и птиц, как в зоопарке. Учитель очень удивился и обрадовался этому. На обратном пути я спросил:

– Домулла, кого мы ещё сегодня навестим?

– Больше никого, – ответил Вахид Салиевич и пояснил: – Ребята, которых мы навестили, плохо учились в пятом классе. С ними я буду заниматься отдельно.

– Значит, вы и со мной будете отдельно заниматься?

– Да, вы же остались на второй год? Выходит, и с вами придётся заниматься.

Так разговаривая, мы подошли к беленькому учительскому домику. В прошлом году в нём жили Рябовы. Муж преподавал немецкий язык, а его русоволосая худенькая жена – русский. Я по обоим этим предметам понахватал двоек, так что всегда обходил этот дом стороной. Ну, а если всё же надо было пройти мимо, я смотрел в другую сторону. А Вахид Салиевич – представляете! – вдруг приглашает меня зайти в этот дом. Уж не знаю, как я поборол в себе страх, как шагнул за порог. А шагнул – так и застыл на месте истуканом. Вначале подумал, что я попал в библиотеку, так много здесь было книг. В шкафах, на столах, в нишах, на подоконниках, даже на стульях и на полу было видимо-невидимо больших и маленьких, ярких и тёмных, тонких и толстых книг.

– Всё это ваше? – изумился я.

– Нет, не всё, – ответил учитель, – часть книг Рябовых.

Я обратил внимание, что Вахид Салиевич сам говорит мало и всё меня выпрашивает. То про одно, то про другое, вконец замучил. Почему-де не люблю я алгебру, почему убежал из дому, с кем подрался да когда, почему бабуля моя решила отдать меня в ученики к мулле Янгоку, а есть ли ещё в кишлаке ребята, верующие в аллаха...

– А журналы тоже Рябовых? – поинтересовался я.

– Нет, это мои журналы. Если хотите – возьмите почитать. Потом принесёте.

– А шахматы тоже Рябовых?

– Нет, и шахматы мои. Поиграем?

– Я играю только в шашки.

– Ну так давайте сразимся в шашки. Но учтите, Хашимджан, я играю очень хорошо.

– Я тоже не слабо, домулла. Расставили фигурки на доске, начали играть. Играю, а думаю совсем о другом. Никто ещё не обращался со мной так, как Вахид Салиевич. Все только упрекали: «Ты никогда не станешь человеком, озорник ты и шалопай!» А новый учитель и Хашимджаном меня зовёт, и на «вы» обращается, и специально домой пришёл повидаться со мной, теперь вот и в шашки играет!

– Домулла, как вы считаете: стану я когда-нибудь человеком или нет? – спросил я неожиданно для самого себя.

– А кто в этом сомневается? – удивился учитель.

– Да все, – махнул я рукой.

– Я уверен, что они глубоко заблуждаются, – проговорил учитель и молниеносно «съел» у меня три фигурки. – Погодите, они ещё сами со стыдом узнают, как глубоко заблуждались. Ходите.

Я пошёл. А что толку? И ходить было нечего. Проиграл. И так сдавался я подряд четыре раза. Определённо мне не везло в тот день. Но я готов был проиграть ещё четыре раза, лишь бы доволен остался мой уважаемый Вахид Салиевич. Потому что, если честно признаться, я в него по-настоящему влюбился.

– Полить двор водичкой? – Я вскочил на ноги.

Учитель покачал головой.

– Двор я сам поливаю, не то совсем обленюсь, Хашимджан, если мою работу будете делать вы.

– Тогда, может быть, принести вам немного Катыка¹⁵? Знаете, какой катык заквашивает моя бабушка? Чистая сметана!

– Спасибо, Хашимджан, я не очень жалую катык.

– Тогда я вам приволоку ведро винограда, точно такого, какой вы сегодня ели. Он же вам понравился!

– Спасибо, если захочется винограду, сам заскочу к вам. Кстати, и с бабулей вашей поговорю, душу отведу. Чудесная у вас бабушка, Хашимджан...

Когда я уходил, Вахид Салиевич дал мне целую кипу иллюстрированных журналов. «Полистайте, картинки посмотрите, если будет время», – сказал он при этом. Я обрадовался не знаю как. Потому что очень люблю смотреть картинки в журналах и читать подписи.

Бабушка глазам своим не поверила (даже рукавом протёрла), когда заметила у меня под мышкой журналы.

– Это что, книжки? – воскликнула она. – Неужто теперь читать станешь?

– Стану, – сказал я. – Буду читать, пока вы не загнали меня в могилу.

¹⁵ Катык – творог.

– Шалопай ты мой маленький... Подойди сюда, давай обнимемся и забудем старое!

После того как мы от души пообнимались, я собрал на сури сестрёнок с бабушкой и давай показывать им картинки и громко, без запинки, читать подписи. Все были очень рады. Даже умница, примерная ученица Айшахон и та не могла скрыть радости.

Она, верно, думала: «Наконец-то брат мой образумился. Теперь он будет хорошо учиться, выполнять все работы по дому и оставит меня в покое!» Я, само собой, разуверять её не стал. Кто знает, может, она окажется права?

Вечером, за ужином, уплетая за обе щеки вкуснейший ширгурунч¹⁶, я вспомнил о новом учителе, и, поверите ли, сразу потерял аппетит. Бедняжка Вахид Салиевич, сидит небось в пустом доме посреди тысяч книг один-одинёшенек, быть может, ходит из угла в угол как неприкаянный или мучается с керосинкой, чтобы сварить себе что-нибудь, а несчастная керосинка и не думает загораться!

– Мама, ширгурунча больше не осталось? – спросил я.

– Папе вот оставила. Ещё хочешь?

– Нет, надо учителю отнести.

– Положи полную косу¹⁷, невестушка! – тотчас встряла в разговор бабушка. – Да полей хорошенько топлёным маслом. Удивительно приятный молодой человек, этот новый учитель. Передай ему, Хашимджан, пусть почаще заходит к нам.

Через минуту, завернув чашу в полотенце, я пулей летел к новому учителю. Примчался и вижу: в кастрюле Вахида Салиевича булькает шурпа, а сам он сидит листает книгу. Ну примерно размером с целый стол! Увидев меня, он не особенно обрадовался, но и не очень удивился.

– Да не нужно было стараться, Хашимджан. Я ведь приготовил себе ужин, – коротко сказал он.

Уходя домой, я оглядел учительский двор. И понимаете, обидно мне стало очень. С тех пор как Рябовы уехали, двор не поливали, и он превратился в настоящую пустыню. Цветы на клумбах завяли, трава на грядках выгорела, нижние листья яблонь повысыхали, ветки поникли. Страшное запустение кругом. И я решил сегодня же ночью полить огород, обрадовать своего любимого учителя.

Сказано – сделано. Как только бабушка уснула, я взял большущий кетмень и зашагал к реке. По дороге я перекрыл все отводы и арычки, по которым вода идёт в чужие огороды. Теперь она пойдёт прямёхонько в учительский двор. Пустил воду. Я здорово поработал, теперь можно было посидеть малость на травке, отдохнуть на берегу реки. Сам не знаю, как уснул.

Проснулся на заре... Глянул на бегущую по арыку воду и пулей понёсся к дому учителя. Но было уже поздно. Двор Вахида Салиевича давным-давно затопило. Бедный учитель стоял по колени в воде и не знал, как справиться с наводнением.

– Кетмень вам не нужен? – крикнул я издали. А что я мог ещё предложить?

– Давайте его сюда, Хашимджан, давайте скорее! – обрадовался Вахид Салиевич.

Мы с ним вместе до утра боролись со стихийным бедствием.

Звени, мой звонок, звени!

В ночь на первое сентября я почти не сомкнул глаз. Думы одолевали всякие. Приятные и тревожные, глупые и толковые, – сами знаете, какие мысли обычно лезут в мою голову. Думал,

¹⁶ Ширгурунч – рисовая молочная каша.

¹⁷ Коса – фарфоровая чаша.

думал и незаметно уснул. Уснул, а мысли, с какими ворочался в постели, прямиком, оказывается, перенеслись в сон. И вот вижу, будто Атаджан Азизович собрал учащихся всей округи и гоняется за мной, чтобы вручить мне «Похвальную грамоту», а я, чудак человек, отказываюсь, убегаю прочь. Наконец поймали они меня. Учитель протягивает мне грамоту, а ребята хлопают, и я вместе с ними.

– Хашим, ты чего это? – услышал я вдруг окрик, и кто-то больно ткнул меня кулаком в бок. – Что это ты руками размахался?

Я тупо поглядел на бабушку, склонившуюся надо мной.

– Где моя грамота? – спросил, не совсем отойдя от сладкого сна.

– Какая ещё грамота?! Повернись лучше на правый бок! – приказала бабушка и проворчала, отходя от моей постели: – Грамоты какие-то ему подавай!..

Я повернулся на правый бок и уснул в тот же миг.

Проснулся я утром от громкого звона. Это гремел кусок рельса, висевшего на школьном тутовом дереве. Кто-то колотил по нему не жалея ни сил своих, ни ушей односельчан. Чуть погода к грому присоединились звуки горна, а потом грохотанье дойры.

– Здравствуй, школа, здравствуй, сентябрь! – вскричал я, выскакивая из постели. Схватил портфель и только фыр-р на улицу – вдруг бабушка на пути.

– Стой, растяпа! Вначале умойся, оденься, позавтракай. И в школу пойдёшь не один, а с сестрёнками, как все порядочные братья.

Да-а, тут уж не возражишь! Вернулся в дом. А там уже на веранде стоит – ах ты моя ненаглядная! – Донохон. Аккуратно причёсана, на макушке огромный бант. Девочка в белом фартучке, белых туфельках, белых гольфиках, а в руке держит большущий букет красных роз. Не удержался, ущипнул сестрёнку за бок:

– На смотрины собралась, невестушка?

А на веранде последними приготовлениями занята и старшенькая красавица, Айшахон. Если бы могла, так и влезла, наверное, в шербатое тусклое зеркальце, висевшее на стене.

Минут через десять я построил их гуськом и крикнул, указывая на калитку:

– Слушай мою команду! В сторону школы твёрдым шаго-ом арш!

Ого-го! Не зря, видно, горнисты, дойристы и рельсисты спозаранку затеяли свою музыку: на улице настоящий праздник. Стар и мал принаряжены, причёсаны, надушены, в руках цветочки, на лице улыбочки, и все идут в одном направлении – к школе! А оттуда несутся звуки горна,

грохот бубна.

Грох-грох-грох-ох-ох,
Грохохох!
Удары часты, как горох,
Как горох, ох-ох-ох!
Идёт учиться Хашимджан,
Учиться идёт Хашимджан!
Отлично учиться жаждет он,
Жаждет он, жаждет он!
По алгебре и русскому,
По предметам, по всему –
Учиться отлично ему.
Отлично ему, ему, ему!
Ох-хо-хо! Грохохох!
Грох-грох – грохохох!

В школьный двор я влетел птицей, танцующей, счастливой походкой. На горне играл мальчик по имени Асад, а на дойре гремел Султан-плакса. Я тут же отобрал у него дойру, закатал рукава, поплевал на ладони да как принялся колотить по дойре – только искры не летели.

Така тум-тум, така тум,
Почти весь свет обошёл я,
Голод и холод – всё испытал я,
Вернулся отлично учиться!

Я мог насочинять и не такого, как вдруг кто-то крепко сжал мне локоть. Обернулся, смотрю – Вахид Салиевич.

- Молодец, Хашимджан, да вы, оказывается, ко всему и дойрист хороший!
- Да, я на все руки мастер, домулла, – скромно потупился я.
- Играйте, играйте громче, – подбодрил меня учитель.

Но, как назло, я уже не мог больше колотить дойру – устали руки. Я отдал инструмент Султану-плаксе и кинулся здороваться с приятелями: с Закиром, новоявленным семиклассником; с Арифбаем, который вовсе задрал нос оттого, что собрал домашнюю библиотеку; с Хакимджаном, обычно убежавшим с последнего урока, чтобы я не смог его поколотить. Появился и Мирабиддинходжа. И вообще ребят собралось видимо-невидимо. Один рассказывает, как отдыхал в пионерском лагере, другой – про своё путешествие в соседнюю республику, третий хвастает, что плавал на теплоходе по Волге, а Шаолим клялся и божился, что у них на бахче выросли дыни... с арбузными семечками.

- Врёшь! – не поверил Закир.
- Спорим? Правда! – чуть не плакал Шалим.

Семиклассник Рафик, хромой на правую ногу, говорил, что видел в городе негров, даже обедал с ними за одним столом. Шахида, которая теперь будет учиться со мной, всё лето, оказывается, работала на ферме, где моя мама дояркой. А когда уходила, то завфермой будто чуть не плакал, так не хотелось ему с ней расставаться. Отпустил с условием, что после десятилетки она придёт работать на ферму. «Я тебя назначу дояркой, а через год в газете

напечатают твою фотографию», – будто бы пообещал он. Шахида рассказывает, а сама краснеет, как помидорина.

Но вот зычным голосом наш физрук, который ещё ни разу не смог подтянуться на турнике, приказал построиться по классам. Мы долго толкались, спорили, кому куда встать. Наконец распахнулись школьные двери и во двор вышли мои любимые учителя: Вахид Салиевич, математик Кабулов, Атаджан Азизович. Я встал на цыпочки, вытянул шею, чтобы наш дорогой директор смог заметить меня.

Директор поздравил нас с началом нового учебного года, потом начал говорить, что мы все должны учиться на «отлично» и вести себя отлично, быть достойным примером для младших. На это ушла у него ровно двадцать одна минута. Потом он говорил ещё семь минут про то, что человек не станет человеком, если он неуч. И закончил свою речь вопросом:

– Правильно я говорю, Хашим?

– Правильно, очень правильно! – ответил я с готовностью, счастливый его вниманием. А я-то думал, что он меня и не заметил в строю.

– Но отлично учиться – это тебе не на дойре играть! – тут же вступил в мирную беседу математик Кабулов.

– В этом году я буду знать математику лучше, чем играю на дойре! – не растерялся я в свою очередь.

Собрание закончилось. Все стали расходиться по классам. Как вы сами понимаете, не без шума, гама и толкотни. Мы с Мирабиддинходжой уговорились захватить парту у окна и сломя голову понеслись в класс. Сидеть у окна – одно удовольствие: светит солнышко, видно всё, что происходит на улице.

Когда расселись, Вахид Салиевич попросил нас уgomониться, поправить галстуки.

– Аббасов, почему ты надел старый галстук? – спросил вдруг учитель.

– Чтобы новый не залоснился, – попробовал отшутиться Акрам.

Кое-кто засмеялся. Но Вахид Салиевич и не улыбнулся. В классе тотчас установилась тишина.

– Не хотелось бы судить о тебе по твоей опрятности, – отдельно произнёс учитель.

– Завтра я приду в новом галстуке, – пообещал Акрам упавшим голосом.

Только он сел, как вдруг дверь распахнулась, и показалась голова маленькой Хаджар, сестрёнки Акрама. Той, что пошла в этом году в первый класс.

– Ака, я забыла, как наша фамилия... – проговорила она робко.

Я думал, сейчас все опять загогочут, но ребята молчали. Видно, не хотели сердить нового учителя. Акрам напомнил сестрёнке их фамилию, и девочка тихо притворила за собой дверь. Учитель произвёл переключку.

– А теперь давайте выберем старосту класса. Кого вы предлагаете, ребята? – спросил он.

В классе я повыше ростом многих да и знаменит по-своему, так что не мне ли было надеяться на этот пост? Я покраснел и вспотел от волнения, но всё же решил поломаться малость, поотнекиваться, когда выдвинут мою кандидатуру.

– Пусть старостой опять будет Хамрокул! – выкрикнул кто-то.

Вот тебе раз! И пошло и посыпалось отовсюду:

– Да, да, надо выбрать Хамрокула!

– Он очень хорошо справляется. К тому же и отличник.

– И поведения хорошего.

Вот так! Ребята галдят, а я всё сильнее втягиваю голову в плечи. И лицо горит, точно сотворил что-то постыдное. Выбрали Хамрокула.

– А кого выберем председателем санитарной комиссии? – спросил опять Вахид Салиевич.

Все молчат. Прикидывают, по-видимому, кто у нас чистюля самый, умный да толковый. Но не-ет уж, эту должность мы не упустим. Тем более что я обещал парню назначить его на это место, когда стану класкомом.

– Председателем санкомиссии мы выберем Мирабиддинходжу, – сказал я твёрдо. – Вы только взгляните на него – весь так и светится: уши и шея сверкают чистотой, зубы, как рисинки, волосы причёсаны, штаны и рубаха выглажены. Думаете, это легко ему даётся? Его мама сроду утюга и иголки в руках не держала, а мыло считает от нечистого. Мирабиддинходжа, бедняга, сам себе всё гладит, стирает и штопает. Скажем, вот у вас у кого-нибудь пуговица отлетела, что вы будете делать? Обратитесь к Мирабиддинходже. – Я выхватил из-под парты тюбетейку друга, вывернул её наизнанку. – Видите иголку с ниткой, приколотую к тюбетейке? Вот какой у нас предусмотрительный председатель санитарной комиссии.

Ребята засмеялись, захлопали в ладоши, как бы единогласно голосуя за Мирабиддинходжу. После этого наш новый учитель сказал, что мы, учащиеся, должны соревноваться между собой, сильные ученики должны взять шефство над слабыми, помогать им.

Первым, конечно, вскочил Хамрокул – вызвал на соревнование Акрама.

– А кто будет соревноваться с Кузыевым? – спросил вдруг учитель, взглядом велел мне встать.

Ну, думаю, будет сейчас драка за меня, по частям растащут. Жутковато стало и радостно. Вы же знаете, люблю я быть на виду. А тут... проходит минута, другая, третья... Все молчат. Мне чуть плохо не стало. Я так стиснул кулаки, что ногти в ладони вонзились.

– Неужели среди вас нет никого, кто хотел бы по-товарищески помочь Кузыеву? – удивился учитель.

А я, так и не дождавшись себе шефа, только собрался сесть, как вдруг кто-то сказал:

– Я возьму над ним шефство!

Гляжу, а это Саддиниса, девчонка, что сидит за первой партой, только макушка торчит. Вначале – вот с места не сойти! – я подумал, что она издевается надо мной. Потому что на днях я здорово напугал её. Дело было под вечер. Саддиниса с охапкой травы на голове шла с поля домой. Я юрк в арык, притаился, а когда она поравнялась со мной, ка-ак залаю! Она с перепугу уронила траву на дорогу и давай ходу. Пришлось взвалить тяжеленный сноп на плечо и побежать следом. Тогда она ещё пригрозила мне, что пожалуется моему отцу и попросит хорошенько всыпать. Но папа мне слова не сказал. И я подумал тогда, что Саддиниса просто забыла наябедничать. Но сейчас мне стало ясно, что она и не думала мстить, а, наоборот, хотела помочь мне в эту трудную минуту, когда все от меня отвернулись.

– Ты не шутишь? – робко спросил я.

– Не шучу, – ответила она, глядя не на меня, а на учителя.

Как раз в этот момент раздался звонок.

Так началось первое сентября. Как вы знаете, уроки в этот день сплошь из одних вопросов и ответов. В основном спрашивали по прошлогоднему материалу. Ребята тараторили всюю. Я скромно отмалчивался и поглядывал в окно. Потому что отвечать-то мне было нечего: всё вылетело из головы за время странствий и учёбы у муллы. Именно поэтому, наверно, учитель географии ехидно заулыбался, завидев меня:

– Ия, Хашим-странник, какими судьбами, братец?

После уроков Саддиниса подошла ко мне.

– Хашимджан-ака, где мы будем готовить уроки? У нас или мне прийти к вам?

Настроение у меня было благодушное: светило яркое солнце, я благополучно влился в новый коллектив, за целых четыре урока не получил ни единой двойки, ни один из учителей не назвал меня разгильдяем – какие же тут могут быть «готовить уроки»?!

– Ничего, – ласково потрепал я её по плечу, – ничего, уроки будем готовить завтра.

– Смотри, как знаешь, – пробормотала Саддиниса. – Видно, маме твоей опять придётся плакать...

– А когда она плакала?

– На днях. Когда зашла к моей маме.

– Почему она плакала?

– Потому, говорит, что сыночек её Хашим – разгильдяй, немало ей горя принёс, что опять воз двоек понатаскает.

– Ничего, приду вот сейчас и развеселю её – сегодня ни одной хвостатой! – С этими словами я включил скорость.

На улице, за школьным садом, меня ожидал Акрам.

Саддиниса

Хотите, теперь опишу вам эту девчонку? У неё большущие глаза, лицо удлинённое, белое, волосы заплетены во много-много косичек, такая тоненькая, что кажется, кашлянешь – и она улетит. А какая умная! Наш мудрый Ариф – шишкоголовый, нынешний семиклассник, ей в подмётки не годится. У неё хоть по арифметике, хоть по геометрии, хоть по русскому, хоть по немецкому – по всем предметам пятёрки. Девчонка что надо, если бы не одна её вредная привычка: всё время недовольно морщит нос. Так хочется ей сделать много хорошего! Неутомима, как муравей. Тоненькие ручки её постоянно что-то делают: переписывают, стирают, разглаживают, поправляют. А прилипчива до невозможности! Знаете, в весеннюю дождливую пору на урючинах появляется липучка – елим называется, пристанет – не отдерёшь. Саддиниса точно вот такая липучка. Опять и опять:

– Хашимджан-ака, когда будем готовить уроки? Хашимджан-ака, сегодня гулять не пойдёшь!

– Не мучь меня, курносая, – огрызаюсь я иногда.

– Почему ты так говоришь? – обижается она.

– Да потому что ты в самом деле курносая.

– Если и курносая – не твоё дело! – сердито поворачивается она и уходит прочь, тогда мне её становится жалко.

Сейчас мы готовим уроки в маленьком солнечном кабинетике Саддинисы. Во дворе возится дедушка-садовник Саддинисы. Папа её работает бухгалтером в колхозе, стучит костяшками счётов и горя не знает. Мама воспитательницей в детском саду, так что её тоже нет дома. По двору бродят нахохленные несушки. На винограднике галдят воробьи, пируют – там ещё полно винограда.

– Эй, Хашимджан-ака, куда это ты устался?

– Никуда я не устался.

– Да уж не оправдывайся, и так вижу! Заставил меня вслух читать, а сам витает в облаках. Какое упражнение задавали по русскому?

– М-м... не помнится что-то...

– Велели сделать триста пятьдесят первое упражнение. Ты же записывал в дневник!

– Записать-то записал, но что-то не совсем понял объяснение учительницы.

Саддиниса, точь-в-точь Нина Тимофеевна, принялась растолковывать мне, как надо выполнять упражнение.

– Теперь понятно? – спросила, закончив.

– Нет, не всё.

– Сколько родов в русском языке?

– Шесть! Нет... кажется, три.

– Хорошо, назови их.

– Мужской, женский и средний род.

– Какие слова относятся к мужскому роду?

– Мужские, конечно, – без запинки ответил я.

– Какие мужские, с какими окончаниями? – допытывалась Саддиниса.

– Хочешь женский род скажу? Слова женского рода оканчиваются на «а», «я»... Точно?

– Точно. А среднего рода?

– Среднего?.. Сейчас... как его...

– Слово «перо» какого рода?

– Вспомнил! Слова, оканчивающиеся на «о», «е», относятся к среднему роду. Перо, поле, метро...

– Да ведь всё знаешь, Хашимджан-ака! – обрадовалась моя маленькая учительница. – Только очень уж ты ленив.

Эта маленькая товарищеская критика не могла испортить удовольствия от похвалы.

– Да ведь мы тоже человеки! – И я принялся отплясывать.

Саддиниса терпеливо дождалась, пока я успокоился, потом опять вернула меня к упражнению триста пятьдесят один. Мы, оказывается, должны составить предложения, употребляя слова всех трёх родов. Я расчертил страничку на три части и принялся за работу.

– Какого рода слово «товарищ»? – спрашивает Саддиниса.

– Мужского рода, товарищ Саддихон.

– Добавь к нему ещё одно слово.

– Акрам – мой хороший товарищ.

– Молодец, товарищ Кузыев! – похвалила Саддиниса. – Теперь запишем это предложение в тетрадь.

Вот так, предложение за предложением, мы исписали целую страничку. Саддиниса радовалась моим способностям и первым признакам усидчивости, как сказала она сама. Да и я был доволен собой. Но вот маленькая учительница взяла мою тетрадь и тут же всплеснула руками.

– Вай-буй, да ведь тут ошибка на ошибке!

– Какие ещё ошибки? – возмутился я. – Всё верно до точки.

– Слово «зелёный» пишется через «е». А ты написал «зилёный». – Она, как обычно делает Нина Тимофеевна, красным карандашом подчеркнула ошибку.

Я промолчал. Тут уж не поспоришь – красный карандаш!

Через несколько минут моя страничка алела, как небо перед закатом.

– Исправь ошибки и перепиши, – приказала Саддиниса.

Роптать, упираться я не стал: боялся, что Саддиниса откажется заниматься и прогонит домой. Собрал всю силу воли и снова принялся за работу.

Верите ли, за всю свою жизнь я столько не писал, сколько написал сегодня за один присест. Сегодня, в этот цветущий солнечный день, в этом папахивающем мышами кабинетике Саддинисы я совершил подвиг – исписал целых две страницы! Отложил наконец ручку и воскликнул:

– Саддиниса! Помочь тебе подмести двор?

– С чего это ты вдруг? У тебя других дел нету?

– Хочу помочь тебе, – пробормотал я, направляясь во двор. – Если признаться честно, хочется сделать для тебя что-нибудь приятное.

Но я ведь вам говорил, что другой такой упрямой девчонки, как Саддиниса, на свете нет. Она вырвала веник из моих рук.

– Если хочешь сделать мне что-нибудь приятное, садись, будем повторять физику.

– Но у нас завтра нет физики!

– Если хочешь стать отличником, уроки надо повторять ежедневно.

Куда денешься? Саддиниса всегда права, спорить с ней бесполезно. Я сел к столу, открыл учебник физики.

– На прошлом уроке мы проходили тему «Весы». Расскажи, какие весы ты знаешь.

Я без запинки прочитал вслух всё, что написано в учебнике про. весы. Саддиниса молча выслушала, а когда я кончил, отобрала книгу и сказала:

– А теперь скажи, какие бывают весы.

– Весы лабораторные, аналитические, весы настольные, торговые, весы хозяйственные – безмен... – Помолчал и добавил от себя: – Весы воровские, спекулянтские...

Саддиниса засмеялась. Я никогда ещё не слышал её смеха. Какой-то... серебряный, чистый-чистый и звонкий. На щеках у неё появились ямочки, а глаза превратились в щёлочки.

– Но ведь про воровские весы в учебнике нет! – проговорила она.

– В вашем учебнике нет, Саддинисаханум, зато в нашем есть! – ответил я.

После физики позанимались ещё родным языком, и лишь после этого Саддиниса начала убирать учебники – конец!

– Давай ещё позанимаемся! – Я не в силах был вот так сразу остановиться.

– Мне нужно в поле за травой, – сказала Саддиниса.

– Тогда я тоже с тобой! Помогу. Только не отказывай мне, не то завтра не приду готовить уроки!

В тот день солнце светило ярко, но в воздухе не чувствовалось особой жары. Трава вокруг

арыков пожелтела, листья с деревьев осыпались и приятно шуршали под ногами, небо прозрачное, в воздухе летали, кружились большие стаи птиц.

Мы шли в поле вдоль берега нашего обмелевшего анхора¹⁸, вода в котором сделалась такой прозрачной, что был виден каждый камушек на дне. Мне вдруг стало невыносимо хорошо и радостно. Я крикнул:

– Саддиниса, давай побежим с тобой наперегонки!

И мы сорвались с места.

Назавтра мама обнаружила в моём дневнике две четвёрки. Вне себя от счастья поцеловала меня в лоб и обратилась к папе:

– Отец, а не купить ли нам Хашимджану новый костюм? Брюки у него совсем истрепались.

Таким образом, я вот-вот должен был встать в ряды образцовых учеников, но вдруг... Вы же знаете, всю жизнь меня преоросительный канал.следует это ужасное «но»! Вдруг случилась эта история. Но расскажу всё по порядку.

Акрам поймал волчонка

Повесив сумку за плечо, я шёл к Саддинисе готовить уроки. Шёл, поглаживая сытый живот (две косушки гуджи¹⁹ с катыком съел за обедом), и распевал личные местоимения, которые проходили сегодня в школе: «Я, ты, он, мы, вы, они!» – как вдруг заметил на перекрёстке человек двадцать ребят. Они кого-то окружили, галдят, размахивают руками. Я, конечно, прямым ходом туда. Вижу: в середине круга мой товарищ Акрам. Изорванная рубашка в крови, штаны мокрые, хоть отжимай. Рядом к электрическому столбу привязан щенок с длинной мордой, довольно рослый, примерно по колено мне будет.

– Чей щенок? – спросил я у Закира.

– Ия, это ты, дружище? – обрадовался тот почему-то. – Это не щенок, а волчонок.

– Ври больше.

– Верно, верно. Взрослые тоже смотрят – удивляются.

– Кто же его поймал?

– Акрам.

– Ври больше! – опять вырвалось у меня.

– Что ты заладил: «Ври да ври!» – возмутился Закир. – Акрам поймал, говорят тебе, час тому назад, своими руками.

– Да расскажи ты, наконец, как поймал-то? – не вытерпел косоглазый Алим. – Что мучаешь людей?

Акрам не спеша сплюнул себе под ноги, лениво скрестил руки на груди и начал рассказывать:

– Пришёл я из школы, а мама говорит: «Сходи, сынок, в поле, пусти воду под лук, послезавтра убирать будем, а земля – что твоё железо, наверное. За то я тебе отсыплю целую тюбетейку орехов». – «Хорошо», – согласился я, взял кетмень и отправился в поле. Подошёл к анхору, только взмахнул кетменём²⁰, вдруг слышу какой-то шорох в камышах. Не успел обернуться, как вот эта тварь вцепилась мне в спину. Представляете?

– Ещё как! – вставил Алим.

– Ты, друг, не перебивай, а то я позабуду... – Акрам облизал губы и продолжал: – Чувствую:

¹⁸ Анхор – река,

¹⁹ Гуджа – похлёбка, изготовленная из сорго.

²⁰ Кетмень – тляпка с широким лезвием.

кто-то крепко цапнул меня. Вот глядите...

Он задрал рубаху и стал медленно поворачиваться по кругу, чтобы всем была видна его спина. На ней и вправду алело несколько продольных полос, из которых ещё сочились кровь. Нам стало не по себе, а некоторые даже попятнулись назад, точно сами оказались один на один со свирепым волчищем. Акрам заправил рубаху и повернулся к Алиму.

– Ну-ка, скажи ты, Алим, что бы ты сделал на моём месте?

Нельзя сказать, что в голосе Акрама не звучали хвастливые нотки.

– Я?.. А что я!.. – забормотал Алим и покраснел.

– Вот как ты лепечешь, хотя на тебя волк и не нападал. А я нисколько не раздумывал, сразу прыгнул в реку. Вода захлестнула волка. Он наострился бежать, но не тут-то было: я хватил его за ногу – и под воду!

Акрам помолчал, оглядел нас победоносным взглядом.

– Вы ведь знаете, я большой собаковод. У меня целая дюжина собак. Я со своими щенками давно борюсь в воде, натренировался достаточно. – Сделав это отступление, продолжал: – Упал я с волком в воду и держу его там с головой. Он, само собой, бьётся всеми лапами, царапается – видите, как отделал меня? – но я и не думаю отпускать. Вытащил на берег лишь тогда, когда он вдоволь нахлебался и перестал барахтаться. Засунул в мешок – и бегом к дяде Чутибаю. Дядя Чутибай сказал, что надо отпустить волчонка. «Нето придёт его мамаша и всех нас перегрызёт», – припугнул он. Но я не согласился отпустить. Тогда дядя Чутибай надел на волчонка намордник и велел нам убраться подальше. И вот теперь мы идём домой.

Акрам перевёл дух, сплюнул себе под ноги. Небрежно так, лениво: вот, мол, мы какие, для нас это обычное занятие – прогуливаться с волком на поводке! Признаться, в последнее время между мною и Акрамом точно кошка пробежала, сторонились мы друг друга. А всё после того случая, как Акрам наябедничал на меня. А дело было так.

Я опоздал на урок. Хотел тихонько юркнуть на место, как Акрам крикнул:

«Вахид Салиевич, глядите, сам мулла-ака на уроки явился!»

Учитель поднял голову. Он сидел на последней парте, проверял домашнее задание Закира.

«Это о ком ты, Акрам?» – спросил Вахид Салиевич, хотя прекрасно видел, что речь идёт обо мне.

«О ком же ещё? – хмыкнул Акрам. – О Хашиме, конечно».

«Ты почему опоздал, Кузыев?» – спросил учитель.

«Ходил напиться», – соврал я.

«Почему вошёл в класс без разрешения?»

«Я вас не заметил, Вахид Салиевич».

Учитель мне ничего не сказал, но я здорово обиделся на Акрама. Во-первых, за то, что ябедничает, а самое главное, что обозвал меня «муллой». На перемене я собрался проучить его, но удержала Садиниса.

«Не надо, Хашимджан-ака, – попросила она. – Если подерёшься, директор переведёт тебя в пятый класс...»

Сейчас я глядел на этого ябеду, который один на один сразился с волчонком и взял его в плен, и, верите ли, начинал от души любить его. Хотелось подбежать к нему, крепко обнять, расцеловать в обе щеки. Но к нему не то что подбежать, даже протолкнуться не было возможности – так плотно обступили его ребята.

– И тебе не было страшно? – с дрожью в голосе спросил кто-то. Кажется, Закир.

– А чего бояться!.. – махнул рукой Акрам и опять сплюнул.

Все мы молчали. Наше внимание переключилось на волчонка: он вдруг взъярился, стал бросаться в разные стороны, стараясь порвать верёвку, рычал, бился головой об землю, стараясь скинуть намордник.

– Представление окончено! – объявил Акрам. – Моему волчонку, по всему, надоело ваше общество.

С этими словами он развязал верёвку. Человек пять-шесть потянулись за ним, но Акрам пригрозил:

– Если вы посмеете и дальше потопать за мной, спущу волчонка!

Ребята отстали. А я, как лунатик, продолжал идти за Акрамом.

– А тебя что, не касается моё предупреждение, мулла-ака? – удивился Акрам. – Или хочешь подраться?

– Да разве с тобой можно драться?! – возразил я. – С батыром, который ловит волков. Ты же меня запросто одолеешь.

– Нет, давай всё-таки померяемся силами. А то семиклассники твердят, что, мол, Хашим – сорвиголова, что к нему даже приближаться опасно, не то что драться. А наши ребята говорят, что я ничуть не хуже тебя. Давай всё же померяемся силами, а?

– Нет, не могу.

– Это почему же?

– Да потому, что сейчас я полюбил тебя от всей души. Сам скажи, как я могу драться с любимым человеком?

– Тогда давай поборемся.

– Бороться я согласен.

Как раз в это время мы уже вступили в Акрамов сад, раскинувшийся вдоль берега анхора. Мы привязали усталого волчонка к урючине и схватились. Признаться, я хотел поддаться этому парню, победившему волка, но едва только начал бороться, сам не заметил, как бросил героя дня на землю, будто мешок с отрубями.

– Нельзя же так сразу валить человека, проговорил Акрам, вставая.

– Начнём по-новому?

Схватились по-новому. Акрам подступался ко мне и так и эдак, потом вдруг разжал руки и

сказал:

– Устал, видно, сегодня, борясь с волчонком. Мы с тобой продолжим завтра.

Дружба зверей

– Что ты собираешься с ним делать? – спросил я, когда мы присели отдохнуть.

– По правде сказать, сам ещё не знаю.

– Ты когда-нибудь бывал в цирке?

– Нет. Но видел в кино. А почему ты спрашиваешь?

– Знаешь, когда я путешествовал по республике... – сказал и запнулся.

Такие мечты вдруг нахлынули на меня, что голова кругом пошла. Вот мы приучаем волчонка и какого-нибудь щенка впрягаться в тележку, а погонщиком делаем котёнка или кролика, одеваем всех в яркие костюмчики и даём представление под названием «Дружба зверей». Народ валом валит на наше представление, мы ездим из кишлака в кишлак, из школы в школу, и всюду с неизменным успехом показываем свой номер. Слава о нас гремит по всему району, по всей области, а там, глядишь, и всамделишными артистами цирка становимся. Акрам-богатырь выступает со своим волком, а я – клоун, смешу публику... Само собой, учёбу мы не бросим...

Акрам слушал меня с разинутым ртом.

– Здо-ро-во! – прошептал Акрам, когда я кончил. – Просто здорово!

– Здорово-то здорово, но трудностей будет тысячи.

– Я трудностей не боюсь.

– Тогда надо приниматься за дело.

– С чего же мы начнём?

– Перво-наперво надо соорудить тележку, чтоб волка и щенка можно было запрячь рядышком. А на тележке нужно устроить красивое сиденье для погонщика-кролика.

Отец Акрама – ветеринар. Наверное, поэтому двор их кишмя кишел большими и маленькими собаками, белыми и чёрными кроликами, на деревьях висело множество клеток с разными птицами. Дома никого не оказалось. Акрам объяснил, что его отец уехал в город сдавать экзамены, а мама, понятно, на работе. Так что лучших условий для дрессировки волчонка и не придумаешь. В сарае мы обнаружили старый велосипед, тотчас сняли с него колёса и принялись мастерить тележку. Толстая ивовая палка стала оглоблей. Но колёса почему-то не желали крутиться. Мы с Акрамом переглянулись.

– Нашёл! – воскликнул вдруг Акрам. – Концы оси надо сточить так, чтобы колёса сидели свободно. Ещё это место мы смажем автолом.

– Молодец, богатырь-волкодав! – похлопал я друга по плечу.

К вечеру мы с горем пополам соорудили нечто похожее на тележку. Только мы хотели начать дрессировку, в калитку постучались.

– Мама вернулась! – побледнел Акрам. – Оттащи тележку в сарай. Быстро! Потом беги на веранду, разложи учебники. Да шевелись ты!

В калитку постучались громче.

– Бегу, бегу! – крикнул Акрам и, еле волоча ноги, направился к калитке. И с запорами возился чуть ли не полчаса. За это время я успел выполнить все указания друга. Мама Акрама вбежала во двор испуганная. Видно, она недавно узнала, что её сын сразился с волком.

– Слава богу, жив-невредим! – обняла она Акрама. – Покажи-ка мне своего волка... Ой, да он совсем маленький ещё!

– Ничего, я его выращу.

– По-моему, его лучше всего отпустить, сынок. Не приведи господь, как бы сама волчица не явилась за ним.

– Не бойтесь, мама. Пока я есть, никакая волчица не осмелится сюда сунуться, – успокоил её Акрам.

Инабат-апа подошла к веранде и остановилась, услышав мой голос. А я громко читал условие задачи по математике.

– Ой, кто это у нас? – удивилась она.

– Это Хашим, сын Кузыбая-ака, вместе занимаемся, – представил меня Акрам.

Я чинно встал с места и поздоровался, приложив руку к груди.

– Ассаламу алейкум, тётушка! Не уставать вам!

– Спасибо, сынок.

– Вот мы сидели тут, готовили уроки, – кивнул я на книжки. Я боялся, как бы взгляд тётушки Инабат не упал на дверь сарая: оттуда торчали оглобли нашей тележки. Впопыхах я плохо прикрыл дверь.

– Мама, мы хотим с Хашимджаном дый день вместе заниматься, можно? – спросил Акрам.

– Можно, если баловаться не будете.

– Нет, нет, что ты! – замахал руками Акрам.

После этого мы отвели волчонка в сарай, посадили в пустую железную клетку, а дверцу заперли на замок. На ужин бросили ему кусок свежего мяса и расстались до завтра (правда, мы ещё тщательно замаскировали свою цирковую тележку).

Думаю, нет смысла скрывать, что на другой день мы с Акрамом сидели на уроках как на иголках, а с последнего сбежали.

Волчонок спал, распластавшись на полу клетки. Но он сразу учуял наше появление, вскочил на ноги, ощерился и зарычал.

– Не спеши, мой жеребёночек, сейчас мы тебя запряжём! – ласково заговорил Акрам.

«Жеребёночек» норовил укусить нас, поэтому пришлось надеть на него вчерашний намордник. Потом мы с грехом пополам привязали его по одну сторону оглобли, небольшую дворняжку по кличке Мард, что значит «Храбрец», надо было привязать с другой стороны. Но едва Храбрец увидел волчонка, как поджал хвост, заскулил и стал порываться бежать.

– Завяжем ему глаза, – предложил я. – Тогда он не будет видеть волка и перестанет бояться.

– Не выйдет, – возразил Акрам. – Собаки за семь вёрст чуют волка.

– А если заткнуть ему нос ватой?

– Тогда он задохнётся.

В этот момент волчонок рванулся, порвал верёвку и молнией кинулся на Марда. Хорошо, что мы надели на него намордник, а то он наверняка сожрал бы бедного Храбреца. Но наш Храбрец ловко увернулся и забился в свою конуру.

Наверное, мы целый час провозились, прежде чем снова запрягли «лошадок» в тележку (на голову им мы надели мешки). Но лошадки не пожелали даже шагу ступить. Пришлось опять ломать голову, как научить их таскать тележку.

– Давай попробуем запрячь порознь, – предложил я.

Поскольку дворняжку мы считали умнеедикого волчонка, решили начинать с Храбреца, но он оказался таким слабаком, что не мог даже сдвинуть тележку с места. Тогда я опять придумал: запрячь рядом с дворняжкой самого Акрама. Тот не возражал. Наконец тележка покатила по двору. Но разве это скорость? Акрам ковылял на четвереньках, и погонять его не было ну никакой возможности.

– Хватит, все коленки ободрал... – заявил Акрам, сделав с Мардом два круга по двору.

Я распряг его, теперь вместо дворняжки запрягли волчонка, а место Акрама занял я сам. Надо сказать, что такого бестолкового животного, как волк, я ещё не встречал: ни разу по-человечески не пошёл вперёд. Мы с ним два раза опрокинули тележку.

– Кончай, надоело! – потерял терпение Акрам.

– погоди, съезжу-ка я ему разок по башке. – Очень разозлил меня этот бестолковый волчонок. Но чтобы вовсе не испортить дела, я не тронул его.

Мы ещё раз запрягли Марда и волчонка вместе. В руках мы держали по прутику, при каждой попытке «лошадок» ринуться в сторону, вразумляли их прутом. Акрам командовал дворняжкой, а я своим бестолковым волчком.

К вечеру Мард и волчонок еле волочили ноги, но так и не привыкли к своим обязанностям.

– Завтра я к тебе не приду, Акрам, – сказал я в отчаянии.

– Это почему же? – испугался мой друг.

– Надоела мне эта возня.

– Да что ты! Это ведь только начало, а самое интересное впереди. Вот погоди, мы с тобой ещё выступим в школе с «Дружбой зверей». Все ребята от зависти лопнут!

Наутро только я собрался с сестрёнками в школу, гляжу, вбегает Акрам. Раскраснелся, запыхался.

– Хорошо, что я тебя дома застал! Можно тебя на пару слов?

– Говори.

– Давай пропустим сегодня первый урок. На немецкий ведь можно не ходить.

Акрам был прав. Учительница немецкого языка у нас новенькая. Ни переключек не делает, ни двоек не ставит. Спросит, кто приготовил уроки, с теми и занимается. Раз так, значит, мы со спокойной совестью можем прогулять первый урок.

Я так быстро согласился с приятелем потому, что за ночь у меня родилась идея. И я поспешил поделиться ею с Акрамом.

– Честь и хвала твоему уму, приятель! – завопил он и довольно чувствительно двинул меня по спине.

Вот до чего я додумался. Мы впрягаем нашего Марда в тележку, бросаем перед ним кусок мяса. Храбрец, само собой, трусит к мясу, проглатывает. Мы кидаем ему ещё кусок. Мард сметает и его. Всё это видит голодный с утра волчонок и начинает понимать, как себя вести.

Надо сказать, что мы кое-чего добились.

Волчонок, видя, что какая-то несчастная дворняжка на его глазах лопает кусок за куском, расвирепел, стал щёлкать зубами и повизгивать. Мы поскорее привязали его к тележке. Волчонок так ринулся к куску мяса, что я еле догнал его. Мы с ним дали три круга по двору.

– Теперь запряжём обоих, – предложил Акрам, дрожа от возбуждения.

Звери раза три-четыре проволокли тележку по двору (конечно, не без нашей помощи). Дело было сделано. Вы бы видели, как мы ликовали, будущие артисты цирка: обнимались, целовались, поздравляли друг друга, точно в самом деле уже выступили на арене цирка.

В тот день, разумеется, мы пропустили не только первый урок, немецкий, а все шесть. На другой и третий дрессировка тоже отняла у нас почти всё время. К концу недели волчонок и дворняжка свободно катили тележку туда, куда мы указывали. Это ли не победа!

– А теперь нам надо справиться цирковую одежду.

Сказано – сделано. Мы сшили из мешковины длинные рубахи и широкие шаровары. Чтобы они походили на одежду настоящих циркачей, разрисовали их чернильными полосами. Так как я должен был выступать в роли клоуна, то изготовил себе островерхую картонную шапку и ярко раскрасил её. Потом левую сторону лица вымазал мукой, а правую – чернилами. Акрам придирчиво осмотрел меня и сказал, что получилось здорово: меня совсем не узнать.

– Вот и хорошо, что не узнать, – обрадовался я, – а то какой же ты артист, если тебя будет узнавать каждый встречный-поперечный!

Мы решили ещё немного поработать со зверями, чтобы они привыкли к нашему новому облику. Мы направились к урючине, к стволу которой привязали волчонка. Первым неладное заметил Акрам.

– Ия, где же он?

На земле валялся обрывок верёвки. Волчонка же и след простыл. Мы кинулись в сад, куда была открыта калитка со двора. Но разве волчонок будет сидеть в открытом на все четыре стороны саду и дожидаться тебя!

– Всё кончено! – вскрикнул Акрам, чуть не плача. – Столько старались, столько бились! Ах, неблагодарный волк!..

– Не расстраивайся, друг. Захочет отведать крольчатины – как миленький вернётся, сам увидишь, – успокаивал я его.

У нас совсем опустились руки. Какой интерес запрягать в тележку смиренную дворняжку?! Я потихоньку отправился домой. Акрам проводил меня грустным взглядом.

Беда, говорят, одна не приходит. Я открыл калитку, шагнул во двор и остановился как вкопанный. На сури под виноградником сидели папа, Вахид Салиевич и наш вожатый Закирджан-ака, который невзлюбил меня ещё с незапамятных времён. Я не знал: то ли повернуться и дать стрекача, то ли подойти к ним. Бежать я не мог, потому что они уже увидели

меня, а подойти, значит, признаться, что прогулял целую неделю.

Будь что будет, решил я, и смело направился к сури. Папа, Вахид Салиевич и Закирджан-ака поднялись с сури и глядели на меня с каким-то удивлением, чуть ли не со страхом.

– Здравствуйте, добрый вечер! – приветствовал я честную компанию.

– Ия? Хашимджан, так это ты, сынок? – вымолвил папа.

– Вы меня не узнали, папа? – удивился я и только теперь вспомнил, что на мне этот дурацкий цирковой костюм, а лицо размалёвано. Вот опозорился, вот ведь влип!

– Как не узнать, очень даже узнал, – проговорил папа с угрозой в голосе. – Иди отмойся. – И махнул рукой. Это могло означать только одно: «Потом поговорим!»

И у меня есть друзья

Я разделся и обнаружил, что правое плечо у меня и локоть ободраны, побагровели и вспухли. Я вспомнил, что третьего дня волчонок цапнул меня за руку, но тогда я и не обратил на это внимания. Теперь я почувствовал ломоту и озноб во всём теле. Вот ведь как мы увлеклись дрессировкой! Несмотря на плохое состояние, я всё же вышел к гостям.

– Теперь другое дело! – удовлетворённо воскликнул Вахид Салиевич, оглядев меня. – Садитесь поближе, Хашимджан, и расскажите нам, где вы были, что делали.

– И почему неделями не изволите появляться в школе, – вежливо добавил мой «любимый» вожатый.

– В школе? – повторил я, как попугай.

– Да, в школе! – угрожающе подтвердил папа.

Э-э, дело оборачивается неважно. Не зря, конечно, они собрались. Втроём, наверное, и обсудили, и осудили, и наказание мне придумали.

– Я болею, – сказал я слабым голосом. – Вот, поглядите руку, если не верите, пожалуйста!

Я скинул рубаху.

– Что с твоей рукой? – спросил Вахид Салиевич, участливо вскакивая с места. – Да она у тебя опухла и посинела!..

Мой дорогой учитель так перепугался, так бережно взял мою руку, что я чуть не расплакался. Не он ли первым поверил, что я смогу стать человеком, не он ли подбадривал меня, заботился, а сегодня пожертвовал своим временем, чтобы проведать меня. Можно обманывать такого человека? Нет, конечно.

– Меня покусал волчонок... – проговорил я, поднимая голову. И всё рассказал от начала до конца.

– Жалко, что он убежал, – пожалел Вахид Салиевич, внимательно выслушав меня. – Вместе бы взяли за дело, глядишь, и добились бы каких-то успехов. А сейчас, выходит, ни волчонка, ни представления...

Глядя, как убивается учитель, я до того пожалел, что занялись дрессировкой втайне от него, что слёзы сами собой полились из глаз.

– Занимаешься разной чепухой... – проговорил отец с горечью. – Когда, интересно, ты наберёшься ума-разума!

Я молчал. А что было ответить?

Папа, Вахид Салиевич и мой «любимый» вожатый сидели в саду до позднего вечера. Бабушка готовила им плов, я носил чай. А Айша и Доно – хитрые! – сели у окна и делали вид, что готовят уроки. Мол, поглядите, товарищи, какие мы примерные и добросовестные. А сами небось или про наряды шепчутся, или пытаются подслушать, о чём разговаривают взрослые. А речь шла не о таких уж интересных вещах: у директора школы Атаджана Азизова корова

объелась жмыха и сдохла, в этом году богатый урожай хлопка, шестиклассники Саддиниса и Хамрокул круглые отличники.

– Так неужели эта Саддиниса у вас круглая отличница? – удивился папа.

– Ещё бы! – проговорил довольный Вахид Салиевич. – Она уроки учит на неделю раньше.

– Не может быть! Такая малюсенькая девочка?

– Ну и что, если малюсенькая! Эта девочка любого мальчика за пояс заткнёт.

Вот заладили! Ведь я знаю, что ради меня затеян этот разговор, ну так сразу и начинали бы, чем ходить вокруг да около. Но вот бабушка принесла глиняный кумган с водой, я полил гостям на руки, после чего они засобирались домой. А мне от этого стало хуже вдвойне, лучше б уж поругали, пожурили, постыдили за прогулы, за плохие отметки.

– Вахид Салиевич, что же вы молчите? – не вытерпел я наконец.

– А что мне говорить? – удивился учитель.

– Но я ведь столько прогулял!..

– Да, но я вижу, что вы сами жалеете об этом. Сами себя наказываете. Зачем же мне ещё ругать вас?

– Я больше не пропущу ни одного урока.

– А вот это вы зря, Хашимджан. Не дело давать клятву, которую не сдержишь.

– Думаете, я не умею держать слово?

– Не знаю. Я этого не видел.

– Хорошо, теперь увидите. Вот торжественно клянусь перед вами, папой, Закиромака, бабушкой, сестрёнками...

– Э, бросьте вы эти торжественные клятвы! – махнул рукой Вахид Салиевич и отвернулся от меня.

Я был готов броситься на землю, биться головой о камни, рвать на себе волосы. Я потерял последнего человека, который мне верил! Я пошёл в дом. Почему-то земля убежала из-под ног, к горлу подступала тошнота. Чтобы не упасть, я ухватился за перила веранды.

– Что с тобой, сынок? – подбежала ко мне мама. – Тебе нездоровится?

– Что-то голова кружится...

– Да у тебя жар! Кузыбай, поди-ка сюда! – испуганно окликнула она папу, уводя меня в дом.

Градусник показывал 39. И температура всё поднималась. Я это чувствовал по тому, как ломило суставы, волнами накатывал жар. Смутно помню, как мама привела медсестру Сабиру-апа, как та кипятила в блестящей металлической коробке толстые, как колья, шприцы. Потом, видно, температура моя поднялась ещё выше, и я потерял сознание.

Не знаю, сколько времени я был в беспомощности. Открыв глаза, я обнаружил, что лежу в своей комнате. Белоснежные подушка и простыня, атласное одеяло. На улице, точно разъярённый волк, завывает ветер. Бросает в стёкла песок, колотит ветками деревьев. У изголовья сидит мама, поминутно вытирает глаза.

– Воды, – прошептал я, еле шевеля спёкшимися губами.

– Ой, верблюжонок мой, очнулся? – Мама нагнулась ко мне, поцеловала в лоб, потом позвала папу.

Он появился не один, а вместе с тем доктором, который недавно оперировал Донохон.

– Я же говорил, что он очнётся, как только спадёт жар. Ну молодцом, Хашимджан, молодцом! – Доктор потрогал мой лоб. – Ну как, молодой человек, болит голова?

– Побаливает.

– Ничего, к вечеру пройдёт. Завтра можно будет вставать с постели, а послезавтра – смело отправляться охотиться на волков.

– Кузыбай, надо бы сообщить Вахиду Салиевичу, что Хашимджан пришёл в себя, –

проговорила мама. – Волновался очень, бедняга.

– А что, мама, Вахид Салиевич... Вахид Салиевич знает, что я заболел?

– Он уже трижды приходил узнать, как ты себя чувствуешь. Так он тебя любит.

Я слабо улыбнулся, попытался пошутить:

– Меня ведь, мама, нельзя не любить...

Прежде чем уйти, доктор велел каждые три часа промывать мою рану раствором марганцовки, затем перевязывать, намазав какой-то вонючей мазью.

А на улице ветер становился всё сильнее.

В комнату вошла Айша. Она только что вернулась из школы: раскраснелась вся, на волосах подтаявшие снежинки.

– Ака, Хашимджан-ака!

– Чего тебе?

– Ты не спишь?

– Нет, сплю! – буркнул я.

– У тебя же один глаз открытый, – рассмеялась Айша.

– Я смотрю сон, поэтому он открытый. А то как же я увижу сон с закрытыми глазами?

– А знаешь, ака, к тебе ребята собираются...

– Какие ребята? – приподнял я голову.

– Твои одноклассники. Хотят проведать тебя.

Не успела она договорить, как в коридоре затопотало множество ног, послышался чейто громкий шёпот: «Давай, веди ты!» Ему ответил другой голос: «Нет, первым ты!» Кто-то хихикнул, кто-то ойкнул. Дверь распахнулась, но в комнату никто не входил, и возня в коридоре не прекращалась. Наконец появился Хамрокул. Рот до ушей, лицо сияет как медный начищенный таз.

– Как ты себя чувствуешь, приятель? – спросил он.

– Э, да я вижу, ты здоров как бык! – высунулся из-за его спины Мирабиддинходжа.

Ответить ему я не успел: комната наполнилась ребятами. Они принесли букет подзамёрзших цветов, кулёк конфет и штук десять яблок. Положили всё это на стол и давай тормошить меня: кто щупает лоб, кто осматривает руку, а кто и пятки щекочет. Вопросы сыпались градом, я не успевал отвечать. Хорошо, что в это время появился Вахид Салиевич и навёл порядок – рассадил всех куда мог.

– Теперь можно и поговорить с больным. Какое там поговорить! У меня что-то застряло в горле, защипало в глазах, вот-вот заплачу.

Не стану скрывать, я до глубины души переживал, что отстал от сверстников и очутился в чужом шестом «Б» классе, среди чужих ребят. Один из них казался мне хвастуном, другой – болтуном, третий – трусом. В класс этот я входил, как входит, наверное, птица в клетку. От тоски я готов был бежать куда глаза глядят. А ведь я, оказывается, здорово ошибался! И вовсе неплохие ребята мои новые одноклассники. Сам я хорош! Сам виноват во всех своих бедах!

– Температура спала? – поинтересовался Абдусамат. Этот парень любит привязывать девочек косичками друг к другу.

– Да, сейчас нормальная. Спасибо.

– А что, не мог ты почитать над собой молитву, чтобы беду отвести? – спросил Гияс. – Зря, что ли, учился у муллы Янгока?

Ребята дружно засмеялись. Шахида, которая сидит за моей партой, кажется, почувствовала, что мне неловко, сама атаковала Гияса.

– Хашим учился у муллы Янгока, чтобы проучить его. А ты зачем старался? Всё равно не научился ездить на быке!

Хохот поднялся сильнее прежнего. Гияс вскочил с места, стал оправдываться.

– Попробовали бы вы сами научиться ездить на таком быке! Он был такой высокий, что без лестницы не заберёшься ему на спину. Только начал подниматься, а он как шагнёт вперёд – я и брякнулся на землю вместе с лестницей.

Вы не представляете, как мама обрадовалась приходу моих одноклассников!

– Не думала, не гадала, что у моего непутёвого Хашима столько друзей-товарищей! Спасибо, детки, что решили провести моего мальчика, спасибо вашим родителям, породившим таких милых детей, спасибо учителям, воспитавшим вас такими чуткими и добрыми!

Она суежилась в комнате, что-то поправляла, доставала, но, не dokonчив начатое дело, спешила на кухню, потом опять появлялась, начинала делать совсем другое. Мама ни за что не согласилась отпустить ребят без угощения. И угостила на славу. Завалила стол разными конфетами, пряниками, сушёными фруктами, которые обычно прятала от нас в шкафу.

– Хашимджан, поправляйтесь скорее, без вас класс наш совсем опустел, осиротел, – сказал, уходя, Вахид Салиевич.

– Нет, не буду поправляться. И стараться не буду! – сказал я, пряча лицо под одеялом.

– Почему же это, Хашимджан? – удивился учитель.

– Потому что все они дразнят меня «муллой»!

Ребята поняли, что я шучу, но что всё же в шутке кроется доля правды. Они зашумели, загалдели, обещая никогда больше не называть меня муллой.

– Тогда считайте, что с сегодняшнего дня я уже поправился, – сказал я, откинув одеяло.

После ухода ребят мама долго сидела возле меня, глядя мне лоб.

– Какие чудесные ребята твои одноклассники, Хашимджан! Весёлые, добрые, ласковые!.. –
Голос у мамы дрогнул.

– Я ведь специально остался на второй год, мама, чтобы учиться вместе с ними! (Мама улыбнулась.)

– Этот... как его... тот парень, который поймал волчонка, он тоже...

– Акрам?

– Да, да, Акрам этот... вчера весь день под окнами торчал. Выхожу пригласить его в дом, а он стремглав убегает прочь. Очень переживал за тебя. Материнское сердце не обманешь. И вообще отличные товарищи у тебя в классе, Хашимджан, сынок. Держись их крепче... не потеряй...

«А где моя голова?»

Вы же знаете, не в моём характере поддаваться обстоятельствам. Если бы не потерял сознание, – с места не сойти! – вовсе не валялся бы в постели. На третий день я был уже на ногах и, несмотря на возражения мамы и бабушки, отправился в школу, в свой любимый шестой «Б» класс. Пусть получу сто двоек, зато буду с товарищами.

Вошёл в класс и тут же пожалел, что поторопился. В нашем классе выпускали стенгазету «Отличник». Так вот новый номер целиком был посвящён нам с Акрамом. Мало что нарисовали: Акрам скачет верхом на волчонке, а я плетусь на худущей дворняжке. Это ладно, как-нибудь пережили бы, главное в том, что у обоих не было головы. Вместо головы – круг, а в круг вписана фамилия. Под карикатурой подпись: «Странно, почему у них нет головы?» И ответ: «Будь у них голова – разве пропустили бы столько уроков!»

Признаться, здорово придумано, остроумно, мне понравилось. Вначале я от души посмеялся, потом вдруг подумал: «А ведь точно так, как сейчас я смеюсь сам над собой, над нами смеялись и другие. Может, пришли домой и родителям рассказали, и те тоже посмеялись от души».

Руки сами собой сжались в кулаки, в голову ударила кровь, но я сдержал себя.

– Кто это нарисовал? Очень красиво! – добродушно улыбнулся я, точно хотел расцеловать того великого художника.

Я знал, что редактором у нас левша Таштемир. А он стоял рядышком, побряхтывал от удовольствия. Услышав мой вопрос, Таштемир горделиво выпятил грудь:

– Я нарисовал, апчхи!.. Отойди подальше, у меня насморк, апчхи!..

– Вы поглядите на него, опозорил человека да гордится, точно геройство совершил. Зачем нарисовал?

– Нарисовал, апчхи!..

– Зачем, говорю?

– Апчхи, апчхи!

– А ты погляди, погляди хорошенько, есть у меня голова или нет? – Для большей убедительности я потёрся головой о его живот.

– Сейчас вроде бы есть, апчхи...

– Эй, Апчхи, я тебя спрашиваю, почему нарисовал меня безголовым?

– А почему ты сам... апчхи... прогуливаешь уроки ради всяких... апчхи!.. Тянешь класс назад... апчхи... апчхи... мы очутились...

– Сейчас же сними карикатуру.

– Апчхи... не сниму.

– Ну погоди! – Я оттолкнул Таштемира, сорвал газету.

В классе поднялась страшная суматоха: кто-то схватил меня за руку, кто-то поднимал с пола Таштемира, другой отряхивал с него невидимую пыль.

Надо же было, чтобы именно в этот момент в класс вошёл мой «любимейший» Закирджан. Так уж мне всегда везёт, вы знаете.

– Как тебе не стыдно, Кузыев! Ты за это ответишь. Садитесь все по местам. Ну-ка скажи, почему ты порвал газету?

– Не знаю.

– Прошу после уроков не расходиться.

Проведём собрание отряда. – Закирджан удалился, по-боевому печатая шаг.

Я тихонько взглянул на Таштемира: как, интересно, он себя чувствует? А несчастный левша отвернулся, надул губы, сидит как индюк. Обиделся, конечно.

Уроки я провёл в беспокойстве: всё подумывал дать стрекача (кто бы мне поверил, если сказал, что плохо себя чувствую!), но я побоялся, что меня сочтут трусом. Будь что будет, что суждено – того не миновать.

Акрам попытался успокоить меня:

– Не бойся, Хашимджан, я свидетель: Таштемир сам виноват.

На классное собрание вместе с Закирджаном пришёл и Атаджан Азизович (Вахид Салиевич, как назло, уехал со старшеклассниками в город на экскурсию).

Собрание открыл Маматджан, самый худущий и длиннющий парень в классе, председатель совета отряда. Справа от него восседал директор, слева – мой «любимый» вожатый.

– Разрешите считать собрание открытым... – Маматджан кашлянул в кулак, схватился обеими руками за край стола и продолжал дрожащим голосом: – Собрание... это... посвящённое... вопросам посещаемости нашего класса «Б»... то есть шестого «Б»...

Я сидел, низко опустив голову (похож ли на раскаявшегося?), и изредка шмыгал носом.

Маматджан предоставил слово директору. Атаджан Азизович поднялся, оглядел всех нас, заметно улыбаясь, потом согнал с лица улыбку, грозно нахмурился.

– Ну-ка, ребята, скажите мне сами: на каком месте ваш класс по посещаемости?

– На седьмом! – раздались нестройные голоса.

– А почему не на первом?

– Потому что у нас прогульщиков много.

– Так. А кто больше всех пропустил уроков?

– Хашим Кузыев!

– Акрам тоже.

– Ещё Умринисо.

– И Шеркузы! – посыпалось отовсюду. Не я один, оказывается, прогульщик! Всем вместе и ответ держать легче. Выпрямил спину, сел поудобнее.

Атаджан Азизович продолжал:

– Выходит, они и виноваты в том, что ваш класс плетётся в самом хвосте, попал на чёрную доску отстающих и портит показатели всей школы. Не так ли?

– Та-ак! Точно так!

– Тогда пусть эти молодцы выйдут сюда, покажутся нам во всей красе. Так, так, выходите, не стесняйтесь, ребята. Молодцы, молодцы! Вы только посмотрите на них. Симпатичные, хорошие ребята вроде, а на поверку... Никак не пойму, как они докатились до жизни такой – стали злостными прогульщиками. Маматджан, веди дальше собрание, пожалуйста. Я посижу в сторонке, послушаю вас. Посмотрим, есть ли настоящие пионеры в шестом «Б» классе, сумеют ли откровенно сказать товарищам об их недостатках.

– Кто желает выступить? – спросил Маматджан.

Таштемир начал говорить с места, но председатель перебил его:

– Вначале подними руку, возьми слово, тогда и говори!

Таштемир разобиделся и заявил, что теперь ни за какие деньги не выступит.

Мои дорогие одноклассники, видать, здорово соскучились по такому собранию. Активничали: стыдили прогульщиков, осуждали, призывали исправиться. Интересовались, почему прогуливаем, не учим уроки, позорим свой класс. «Ну, пронесло грозу, – подумал я с облегчением, – меня не трогают». Но в этот момент Маматджан возьми да заяви вдруг:

– А теперь поговорим о Хашиме Кузыеве. Кто хочет высказаться?

Все молчат. Я гляжу направо и говорю про себя: «Спасибо, мои дорогие, что молчите! Правильно, так, именно так надо поддерживать друзей!» Гляжу налево, думаю: «Никогда не забуду вашей доброты, милые! Спасибо вам!» Но вдруг вскакивает Таштемир и всё портит. Он поднял руку, с поднятой рукой встал с места и так же с поднятой рукой затараторил:

– Вчера мы выпустили стенгазету... апчхи... простите, посвящённую дисциплине в классе. Об этом специально просил Вахид Салиевич. А мулла-ака... апчхи... простите, Хашим Кузыев самым хулиганским образом изорвал газету, апчхи... Кузыев должен держать ответ за свой проступок, апчхи!..

– Не может быть! – нарочно удивился Атаджан Азизович. – Неужто он изорвал газету? Почему ты это сделал, Кузыев?

– А почему они нарисовали меня без головы? – спросил я в свою очередь.

Вот уж где началось настоящее собрание, скажу я вам! Атаджан Азизович сам занялся мной. И Акрама поставил рядышком. Меня теперь обсуждали не как рядового прогульщика, а прогульщика-хулигана. Я стоял и боялся одного-единственного: как бы они вообще не выгнали меня из школы. Где я найду ещё таких чудесных ребят?

– Ну-ка, скажите, ребята, в чём состоит главный и священный долг каждого пионера? –

спросил вдруг Атаджан Азизович.

– Он должен отлично учиться.

– Ещё в чём?

– Быть дисциплинированным.

– Ещё?

– Учиться без прогулов.

– Молодцы! Выходит, пионер Хашим Кузыев не выполняет ни одну из заповедей пионерского кодекса? Верно?

– Верно!

– А достоин ли такой человек носить красный пионерский галстук?

– Нет, не достоин.

«Всё, – подумал я, – конец. Хоть бы Вахид Салиевич вернулся, уж он-то не дал бы меня в обиду!»

– У кого какие предложения?

– У меня! – вскочил с места Мирабиддинходжа. – Я хочу сказать... в общем, я хочу сказать...

– Хочешь сказать, так скажи! – поторопил Маматджан.

– Да ничего особенного... просто я хочу сказать, что Хашимджан – хороший парень, только вот ленив немного, неорганизованный... Но если вы выгоните его из школы, я тоже брошу учиться. Вот! – и сел на место, готовый заплакать.

– Кто ещё хочет сказать?

С места встала Саддиниса. Она постояла, наматывая на палец кончик косички, вздохнула и вдруг выпалила:

– Если мы исключим Хашимджана из пионеров, то его мать повесится!

Класс испуганно охнул. Саддиниса продолжала:

– Да, да, я сама не раз слышала, как она говорила: «Если Хашим будет по-прежнему плохо учиться или бросит школу, я не перенесу этого: или повешусь, или обольюсь керосином и сожгу себя!»

После Саддинисы опять вскочил Таштемир, он уже не рвался съесть меня живьём. Он сказал, что меня можно простить при условии, если я попрошу у товарищей прощения за прогулы и сам выпущу новую стенгазету.

– А за то, что он меня толкнул, мы потолкуем с ним потом на улице, – закончил он.

А классом Хамрокул тут же вставил:

– Верно, верно, Кузыев не выполняет никакой общественной работы. Его надо ввести в редколлегию стенгазеты, пусть поработает. Тем более, что у него почерк хороший.

Маматджан тоже долго и непонятно говорил о том, что выгонять меня из пионеров не стоит, но можно временно отобрать у меня галстук и посмотреть, как я себя поведу дальше.

Выступили почти все ученики нашего класса. Я уже не различал, кто что говорит, меня окутал какой-то липучий туман, начала кружиться голова...

– Кто за то, чтобы исключить Хашима Кузыева из рядов пионеров, прошу поднять руку, – сказал Азизов.

Я вздрогнул, поднял голову. Сейчас рубанёт. Но что это? Проходит минута, другая, третья. Никто не поднял руки. Сидят, ждут чего-то.

– Хорошо! – произнёс Азизов непонятно почему повеселевшим голосом. – Молодцы, ребята, другого я от вас и не ожидал. Теперь у меня есть другое предложение. Прошу поднять руки тем, кто готов не пожалеть ни сил, ни времени на то, чтобы помочь Хашимджану Кузыеву исправиться, стать примерным пионером и хорошим человеком.

Вверх взвилось тридцать шесть рук. Мне показалось даже, что кто-то поднял обе руки, потому что когда Маматджан подсчитал, то оказалось два лишних голоса. Один лишний голос оказался мой, сгоряча я тоже проголосовал, а другой лишний голос остался невыясненным. Может, сам Атаджан Азизович тоже голосовал сгоряча?

– Ну, Хашимджан, что теперь ты скажешь нам? – повернулся ко мне наш любимый директор.

– Я? Я прошу у всего класса прощения. Уверяю, что такое, как сегодня, никогда больше не повторится.

– Значит, даёшь торжественное обещание?

– Нет, обещания дать я не могу.

– Это почему же? – изумился класс.

– Этого я не могу обещать потому, что грош цена стала с некоторых пор моим обещаниям! – горько воскликнул я. – Я их столько понадавал, что и не помню сколько! Поэтому я просто хочу исправиться, не давая никаких торжественных клятв.

Собрание на этом закончилось.

Я съел в школьном буфете тарелку маставы²¹, потом сел возле Таштемира и набело переписал всю газету от начала до конца.

– Ну как? – поинтересовался я, когда тот просмотрел мою работу.

– Пишешь-то ты красиво, ничего не скажешь, – ответил придиричивый редактор. – Только очень много ошибок. Однако ты не унывай, готовься, во вторник будем выпускать очередной номер «Отличника».

– А что мне готовиться? – удивился я. – Дашь что переписать – я и перепишу.

– Сам напиши заметку. Собери материал обо всём, что заметишь неладного, и накатай фельетон.

– Ладно, я подумаю.

Я шёл из школы вне себя от радости. Уж чего я не ожидал, так этого: стать членом редколлегии стенгазеты шестого «Б» класса! Ещё бы не радоваться: из школы не выгнали, из пионеров не исключили, а вроде бы даже наградили. Впервые за всю свою жизнь получил должность, честным, открытым способом, без никакого волшебства. Как тут не радоваться?!

Я становлюсь человеком

Скажу откровенно: я сейчас стал человеком железной воли. Нет, нет, не смейтесь.

Правду говорю. Не верите, спросите у мамы. Она уже давно жалеет меня, видя, что я совсем не отрываюсь от учебников. Сижу, сижу, читаю, читаю...

– Сынок, Хашимджан, пошёл бы ты прогулялся, что ли! – говорит иногда она.

– Нет, я не устал, – качаю я головой. – И нельзя мне уставать, мамочка, никак нельзя. Как устану, так снова сделаюсь посмешищем в глазах товарищей.

Так я говорю отчасти из-за той злополучной заметки, которую я написал вскорости после классного собрания. Если вы помните, Таштемир посоветовал мне собрать материал обо всём, что замечу неладного в нашем классе. Я собрал такой материал и написал длинную заметку, попросил Саддинису исправить грамматические ошибки, потом отдал редактору. И Таштемир сдержал слово: поместил её в газете. Вот было шуму! А говорилось там примерно такое: «... Акрам плохо учится потому, что любит диких животных. Умринисо ест во время уроков. Мирабиддинходжа, прежде чем отвечать учителю, про себя произносит молитву. Саддиниса

²¹ *Мастава* – рисовый суп.

вздыхает больше положенного. У Хамрокула тонюсенький голосочек, поэтому он старается говорить грубовато. Икрам, по прозвищу Деревянная нога, идя из школы домой, пишет мелом на чужих калитках, Ариф – ябеда. Зариф спит на уроках. Шахида смеётся по поводу и без повода, покажи палец – со смеху умрёт. Адхаму задания по арифметике выполняет отец...» Словом, перечислил недостатки тридцати шести человек, то есть всего класса.

– А сам – ангел? Почему о себе не написал? – окружили меня ребята плотным кольцом.

– У меня недостатков нет, – отрезал я. – Какие были – вы их сами искоренили.

– Значит, у тебя совсем нет недостатков?

– Совсем, совсем.

– А разве не ты первый врун на всю школу? Разве не ты самый безвольный человек в классе? Не ты ли тянешь весь класс назад по успеваемости? Ребята, давайте напишем о недостатках Хашима, пусть полюбуется на себя со стороны.

Я смеялся, отмахиваясь.

– Обо мне много говорили. Теперь речь о вас.

И меня поддержал Вахид Салиевич.

– А что, ребята, Хашимджан прав! – воскликнул он. – Он очень верно подметил ваши слабости. Кто не согласен? Пусть встанет и докажет, что Хашимджан не прав. Есть желающие?

Мы прождали минут десять, никто не спорил со мной.

– Значит, признаёте свою вину? – посмеивался Вахид Салиевич. – Что ж, хорошо. Вы не стесняйтесь, ребята. Настоящий человек должен уметь признавать свои ошибки, свои слабости.

– Хорошо, положим, мы признали свои слабости. А сам Кузыев? Признаёт ли, что он большой врун?

– Нет, не признаю, – отрезал я, вставая с места. – Я вам ещё докажу, что я не врун, что воля моя крепче стали!

Вот так, сгоряча, и поспорил я со всем классом. На чьей стороне был тогда Вахид Салиевич, до сих пор не пойму: то ли на стороне класса, то ли на моей. Чтобы доказать свою правоту, мне дали полгода срока. Ну и начал я волей-неволей стараться... И сам не заметил, как втянулся...

Сегодня будут объявлять отметки за вторую четверть. На собрание каждый должен привести кого-нибудь из родителей: маму или папу. Ещё лучше, если придут оба. Я долго ломал

голову, кого мне позвать на собрание. Папу или маму? Лучше всего папу. Потому что мало хорошего видит мой папа в жизни. Его то мама пилит, то бабушка. Да ещё я в прошлом году обманул его самым бессовестным образом. Тогда тоже стояла зима. Закончилось полугодие, и на родительском собрании должны были объявить отметки. У меня в таблице стояли четыре двойки, представляете, каково было бы человеку людям в глаза смотреть? Да и попал он в тот раз в школу случайно, из-за мамы.

– Хоть бы раз этот человек поинтересовался учёбой сына! Ходит и в ус не дует, какбудто это и не его сын! – напустилась она на папу, когда узнала о собрании.

– Да ведь интересуюсь я, как же ещё интересоваться? – беспомощно разводил руками папа.

– А коли интересуется, так пойдите на родительское собрание. Через полчаса начинается. Специально вызывали нас.

Ну, пошли мы с папой. Идём, а я ломаю голову, как бы вернуть его назад. Не хотелось выставить отца на позор. Так ничего и не придумал. Пришли, а собрание уже началось, в коридоре – никого.

– В какой класс мне идти? – спросил папа, беспомощно глядя по сторонам.

– Вон в тот, напротив, – указал я на дверь третьего «А» класса. В тот же миг меня больно резануло по сердцу – так жалко стало папу, так жалко за то, что я его обманываю, а он даже не помнил, в каком классе я учусь.

– Ну и какие там были разговоры? – поинтересовалась мама, когда мы вернулись.

– Да никаких разговоров не было, – ответил папа спокойно.

– Но ведь нас же специально вызывали на собрание? – не отставала мама.

– Не знаю. Никто меня не заметил и имени не спросил, – так же спокойно ответил папа. – От начала до конца просидел на задней парте и ни слова дурного не услышал про нашего Хашимджана.

Вот с тех пор здорово виноватым чувствовал я себя перед папой. И очень хотел порадовать его, загладить свою вину.

– Сегодня у нас родительское собрание, – как бы между прочим обронил я маме, которая счищала снег с дорожек во дворе.

– Знаю.

– Вахид Салиевич велел обязательно привести папу.

– Почему именно папу? Может, маму велел привести?

– Не важно, лишь бы кто-нибудь из вас был, – пошёл я на попятную: а вдруг мама обидится? Но всё обошлось. Собрание было назначено на шесть, а к этому времени мама должна идти на ферму доить коров. Так что в школу собрался папа.

– Во всяком случае, надеюсь, не сплошные колы у тебя там... – пробормотал папа, выходя на улицу.

– Там скажут, – увернулся я от прямого ответа.

В тот день выпало очень много снега. Пушистый белый снег висел на проводах, деревьях, толстой шубой стелился на крышах и земле, будил в сердце какое-то счастливое чувство. Хотелось побежать, держась за папину руку, кричать, смеяться. А папа почему-то был тих и задумчив. Вроде даже грустный.

– Папа, закончили лагерь строить на Узункулаке? – спросил я, желая отвлечь его от мыслей.

– Лагерь-то закончить мы закончим, Хашимджан... Да только вот о чём я размышляю... Вижу я, сынок, учёным тебе не стать. Твои ровесники уже в седьмом учатся, восьмом, а ты всё ещё в шестом. Может, забрать тебя из школы да потихонечку-помаленечку начать учить ремеслу тракториста? Да ведь и здесь учиться надо...

Папа у меня шутить не любит и не умеет. Поэтому у меня так больно сжалось сердце,

заколотилось, затрепыхалось, как птица, попавшая в кошачьи лапы... Несмотря на мороз, я весь вспотел. Неужели папа и вправду заберёт меня из школы? А ведь я только-только втянулся в учёбу, понял, как это хорошо – быть одним из первых учеников!

– Головой буду об землю биться, папа, если вы заберёте меня из школы! – горячо сказал я.

Папа внимательно посмотрел на меня.

– Но ведь у тебя вовсе нет желания учиться, сын...

– Раньше не было. Теперь всё наоборот. Вот придёте на собрание, сами убедитесь...

Мы больше ни словом не обмолвились до самой школы.

Когда мы вошли в класс, там уже стояла кучка родителей: папа Хамрокула, мама Саддинисы, брат-тракторист Таштемира. Они о чём-то оживлённо беседовали. Папа подошёл к ним.

В последнем номере нашей газеты про меня была помещена заметка Саддинисы. Я очень хотел показать её папе, да и остальные пусть почитают, кто я есть. Ведь именно они считали, что никакого толку из меня не выйдет, разве что отъявленный хулиган, и поэтому не разрешали своим детям знаться со мной, дружить, разговаривать.

Едва папа поздоровался со всеми, я сунулся к нему:

– Папа, не хотите почитать нашу стенгазету?

– Оставь пока со стенгазетой.

Папа подсел к брату Таштемира, дядюшке Акраму, и тотчас заспорил о том, полезно это или вредно поднимать зябь на заснеженном поле. А я стоял возле них и не знал, как заставить их подойти к газете.

– А знаете, какие рисунки в нашей газете? Просто отменные!

– Это хорошо, когда газета с рисунками, – кивнул дядюшка Акрам и продолжал о своём.

– Ну и раскритиковали нас с Таштемиром в этой газетёнке! – решился я на отчаянный шаг.

– Что-о? Раскритиковали? – Папа и дядюшка Акрам вскочили на ноги. – Плохо учились, значит, сорванцы, или хулиганили!

Они поспешно направились к стенгазете. Глядя на них, другие тоже тронулись за ними: а вдруг там написано что-то интересное? Через минуту к стенгазете было не подступиться. Поэтому кто-то начал вслух для всех читать эту заметку про меня. А называлась она: «Хашимджан у нас старательный парень». Убедившись, что всё идёт как надо, я покачал головой, стыдя сам себя («Должен же человек иметь скромность!»), вышел в коридор и оттуда, через приоткрытую дверь, наблюдал за происходящим в классе.

– Кузыбай-ака, да сын у вас, оказывается, что надо!

– А то вы думали! Он днём и ночью за книжками сидит. Это Саддиниса сделала его человеком... – горделиво ответил папа.

Минут через десять началось собрание. Вахид Салиевич для начала рассказал, каким он принял класс, с какими столкнулся трудностями, затем продолжал:

– Я рад, что меня назначили руководителем именно этого класса. Я не ошибусь, если скажу, что все тридцать шесть учеников, весь шестой «Б» класс – это трудолюбивый, старательный, способный народ. Никакого труда не жалко на таких детей. Вот возьмём, к примеру, Хашимджана Кузыева. Когда я ознакомился с его табелями за шесть лет, признаться, пришёл в ужас. По многим предметам у него были тройки и двойки. Дурная слава шла о мальчишке по всей школе. «Да неужели он такой бездарный, этот Хашимджан Кузыев?» – подумал я и вскорости убедился, что ничего подобного. Смотрите сами. В этой четверти у него хорошая успеваемость, очень даже хорошая. Четвёрка по физике, по родному языку – пятёрка...

Кто-то робко хлопнул в ладоши, осёкся, но его поддержал ещё один, к нему присоединился ещё один, другой, и класс разразился громкими аплодисментами.

Потом Вахид Салиевич прочитал отметки по журналу. Оказалось, что только у Саддинисы по всем предметам пятёрки, у Хамрокула – шесть пятёрок, у Таштемира – четыре, а у остальных по две-три. Я слушал про успехи своих друзей и думал: «Подождите, я ещё покажу себя! В третьей четверти добьюсь трёх пятёрок, а в четвёртой – самое меньшее – пяти, иначе не называться мне Хашимджаном!» Но тут же моя радость омрачилась. До моего слуха дошло, что говорят о моём друге, батыре-волкодаве Акраме. Оказалось, что он получил за эту четверть четыре неудовлетворительные отметки. «Эх, – подумал я, – поскорее бы кончилось это собрание, побежал бы к другу, утешил, обнадёжил, что не всё ещё потеряно». Я уже не слушал, кто о чём говорил. Только на обратном пути, когда папа поинтересовался, почему я такой хмурый, пошутил, горестно улыбаясь:

– Всё думаю, смогу ли я работать с вами на тракторе, когда брошу учёбу.

– Дурачок, и не смей об этом думать. Теперь я убедился, что можешь ты учиться, Хашимджан, можешь! А водить трактор я тебя так и так обучу.

Эпилог

Пионерский лагерь раскинулся на живописном склоне древней горы. Вдоль аллеи высятся могучие тополя. Древнейшие чинары в три обхвата окружают игровые площадки, даруют тень и прохладу. Серебристые ивы склонились над водой, ласково глядят ветвями её блестящую поверхность. В быстрой речке с прозрачной водой играют рыбки.

Послеобеденное время. Ребята разошлись по разным углам: кто играет в волейбол, кто читает, кто сидит над шахматами. У реки на песчаной отмели загорают человек пятнадцать почерневших под солнцем ребят. Им никакого дела до красот природы, окружающей их. Они внимательно слушают парнишку высокого роста, худощавого, чёрные глаза которого то и дело вспыхивают озорным светом. Вот мальчик замолчал, вскочил на ноги, с хрустом потянулся, сделал несколько гим – настических упражнений, затем сальто и объявил:

– На сегодня хватит, друзья. Никогда в жизни так много не говорил.

– Нет уж, давай заканчивай!

– Ну что ты тянешь, рассказывай, раз начал.

– Что стало с волшебной шапкой? – посыпались вопросы.

Хашимджан – а этот худощавый, высокий мальчик был именно он – ещё раз потянулся, сел, нагрёб на голые ноги горячего песка.

– Ладно, тогда слушайте дальше. Здорово пожалел я друга своего закадычного, батыраволкодава Акрама. На другой день спозаранку появился к нему. Ещё солнце не встало, а он уже в зарослях колючки ставил капканы на лисиц.

«Почему вчера не был на собрании?»

«Я не буду учиться, – махнул рукой Акрам. – Вырасту, тогда, быть может, и пойду учиться. Папа у меня тоже начал учиться в тридцать лет».

Акрам помолчал малость, повздыхал, но потом загорелся, как обычно, начал говорить, что хитрее лис нет другой твари, и если капкан не замаскируешь как следует, то они сразу чувствуют опасность и близко не подходят к западне.

Стоял я возле своего друга дорогого и не мог отделаться от горьких мыслей. Не знал, как убедить его, что он ошибается. Да и нелёгкое это дело – что-нибудь втолковать такому: Акрам упрям, как сто ослов. Быка легче научить слушать музыку, чем заставить Акрама послушаться чужих советов.

После долгих раздумий я решил подарить ему свою волшебную шапку. Акрам поначалу не поверил, что шапка волшебная, но когда испытал, убедился в её чудесной силе, от души поблагодарил меня.

«Спасибо, друг, вовек не забуду твоей доброты!» С этими словами он исчез... Я ждалждал его, но не дождался. Пришлось отправляться домой.

После этого я с головой окунулся в учёбу. Как и наметил, в третьей четверти по трём предметам получил пятёрки. А в четвёртой у меня было уже пять пятёрок, чему немало удивился даже я сам. На торжественном вечере в честь окончания учебного года наш дорогой директор Атаджан Азизович объявил:

«За отличную учёбу и примерное поведение Хашимджан Кузыев награждается бесплатной путёвкой в пионерский лагерь „Отличник“».

Представляете, какой почёт, а? Но когда я отказался, мне сказали: «Если тебе оказывают почёт и уважение, то будь добр, миленький, цени это». Вот так, мои голые друзья, я и оказался в таком прекрасном лагере вместе с вами. Всё, что я рассказал вам, истинная правда, всё это я пережил сам. Ну... может быть, присочинил где-нибудь малость, да уж вы, я надеюсь, простите меня. Когда человек увлечётся, он может что-то преувеличить, что-то приукрасить, верно говорю?

– А что случилось с Акрамом?

– О приключениях Акрама я расскажу в другой раз...

В этот момент над лагерем взвился серебристый голос горна: он звал на полдник. Ребята попрыгали в воду, умылись, оделись и наперегонки помчались в столовую.

Впереди всех бежал Хашимджан.

